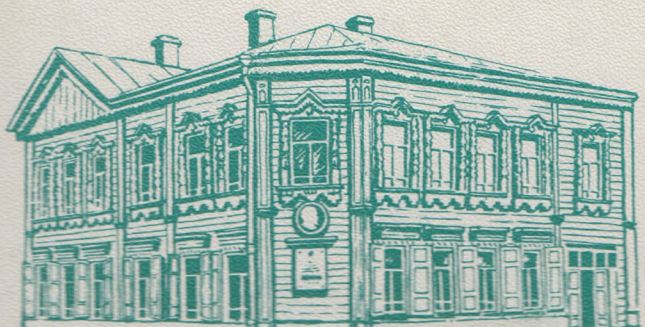
МОЛОДОГВАРДЕЙСКАЯ ЛЕНИНИАНА

26. Принимали ли участие в революционном движении до 1917 года:

Когда (с какого времени по какое)	Где (губ., уезд, город)	В какой организации	Какую работу
1892—1893	Самара	нелегальные кружки с.-д.	

ЖОРЕС ТРОФИМОВ

САМАРСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ



МОЛОДОГВАРДЕЙСКАЯ ЛЕНИНИАНА

ЖОРЕС
ТРОФИМОВ

САМАРСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1988

ББК 13.50
Т 76

Т $\frac{0103020000-291}{078(02)-88}$ 002—88

ISBN 5-235-00705-0

© Издательство «Молодая гвардия», 1988 г.

ОТ АВТОРА

«Самарские университеты» — заключительная часть документальной трилогии о детстве, юности и начале революционной деятельности Владимира Ульянова[1]. Трилогия охватывает первые годы жизни Ленина, которые прошли в Симбирске, Казани и Самаре. Годы жизни Владимира Ильича в каждом из этих трех соседних городов, тесно связанных между собой матушкой-Волгой, — особые периоды в становлении его личности, формировании гражданских идеалов и революционного мировоззрения. Каждому из них и посвящена отдельная книга.

В отчем доме на Московской улице Симбирска семнадцатилетний гимназист Владимир Ульянов дал клятву посвятить свою жизнь борьбе за освобождение народа от всех видов эксплуатации и угнетения. Верный этой клятве, он уже в декабре 1887 года принял активное участие в подготовке и проведении сходки-демонстрации казанских студентов. Последовавшие за этим арест и ссылка в глухой хуторок Кокушкино не сломили юного революционера, а, наоборот, укрепили и закалили его волю и решимость идти однажды избранным путем. Настойчивое и целеустремленное самообразование, изучение «Капитала» К. Маркса, другой литературы, активное участие осенью 1888 года в одном из марксистских кружков Н. Е. Федосеева резко расширили политический горизонт Владимира Ильича. Он стал убежденным марксистом, страстным пропагандистом единственно правильной революционной теории.

Трудно представить, как сложилась бы его судьба в связи с разгромом жандармами в 1889 году федосеевских кружков, если бы Ульяновы не уехали весной в Самарскую губернию. Сам же Владимир Ильич полагал, что «легко мог бы также быть арестован, если бы остался тем летом в Казани»[2].

Предлагаемая читателю книга посвящена самарскому периоду жизни и деятельности Владимира Ильича, продолжавшемуся 4 года 3 месяца и 18 дней — с 3 мая 1889-го по 20 августа 1893 года. Это время стало для него в первую очередь «университетом» самостоятельного глубокого овладения курсом высшего юридического образования. Владимиру Ильичу пришлось вести почти трехлетнюю борьбу за право возобновления им учебы в университете или сдачи экзаменов экстерном. Проявив огромное трудолюбие, выдержку, упорство и самодисциплину, в условиях неопределенного и даже, казалось, безвыходного положения, Владимир Ильич в результате сдал в испытательной юридической комиссии при Петербургском университете все 18 экзаменационных предметов на высшие баллы и получил диплом 1-й степени.

Важной составной частью «самарских университетов» Владимира

Ильича стало и овладение всеми тонкостями практики уголовного и гражданского судопроизводства, что позволило ему очень скоро стать одним из самых сведущих адвокатов Самары, к которому с уважением относились умудренные опытом коллеги и к помощи которого с доверием прибегали обвиняемые из низших, «податных» сословий.

Но как ни впечатляют результаты академической учебы Владимира Ильича и начало его адвокатской практики, они не идут в сравнение с гигантской работой по овладению трудами К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова, изучению деятельности западноевропейского и российского социал-демократического движения. Это был поистине университет марксизма. Уже первая собственная теоретическая статья Владимира Ульянова «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» — свидетельство редкостного дара ученого и публициста.

Вместе с тем эта статья, как и рефераты, с которыми выступал Владимир Ильич перед демократической молодежью Самары, говорят, что он был не каким-то кабинетным «книжником», а глубоким знатоком современной российской действительности. Творческое владение марксизмом, ясное понимание противоречий, характерных для России, глубочайшая вера во всевозрастающую революционную роль пролетариата, талант организатора и пропагандиста, искусство конспирации и личное обаяние — все это сделало Владимира Ильича создателем и признанным руководителем марксистского кружка Самары. И эта его практическая деятельность тоже своеобразный «университет», подготовка к будущему руководству российским социал-демократическим движением.

Неотъемлемой частью жизни молодого Ленина было регулярное и вдумчивое чтение новейших произведений Л. Н. Толстого, Г. И. Успенского, В. Г. Короленко, А. П. Чехова, В. М. Гаршина, Н. К. Михайловского, Н. В. Шелгунова. Наконец, самарская пора — это последние годы, которые Владимир Ильич провел в семье. И рассказ об этом периоде был бы неполным, если бы не отразил его личной жизни: сыновней заботы о матери, истинно братского отношения к сестрам, брату, светлой духовной атмосферы, царившей в семье, полноценных часов досуга, общения с близкими знакомыми, шахматных баталий, пеших прогулок, путешествий по Волге и Самарке, пристального интереса к культурной и общественной жизни.

Воссоздание самарских страниц биографии Владимира Ильича — интереснейшая и вместе с тем очень сложная тема для исследователя и публициста. Дело в том, что собственноручно написанных ленинских документов самарской поры имеется очень немного: статья, одно письмо, несколько прошений. До нас не дошли переписка Владимира Ильича с сестрой Ольгой во время ее учебы в Петербурге, письма из столицы, где он находился в связи

с экзаменами, сочинения, представленные в испытательную комиссию, рефераты, с которыми он выступал перед товарищами, переписка с Н. Е. Федосеевым, собственный перевод «Манифеста Коммунистической партии»...

Важнейшим источником для исследователя, безусловно, являются воспоминания членов семьи Ульяновых. К сожалению, картина того, как именно складывалась и окончательно формировалась в Самаре, говоря словами Анны Ильиничны, «революционная физиономия» Владимира Ильича, освещается родными не с той полнотой, как этого бы нам хотелось.

Огромную ценность представляют мемуары современников, более или менее тесно общавшихся с Владимиром Ильичем в самарском крае, — М. И. Семенова (М. Блана), А. А. Преображенского, М. П. Ясневой (Голубевой), И. Х. Лалаянца, А. А. Белякова и некоторых других[3]. Однако, вспоминая о происходивших событиях через несколько десятилетий, они порой допускали неточности, а иногда рассказывали и о таких событиях, к которым Владимир Ильич в действительности не имел отношения. Особенно это касается известных воспоминаний А. А. Белякова, подготовленных к печати после его смерти. В частности, неправдоподобными представляются утверждения мемуариста о полемике Владимира Ильича с приехавшим в Самару известным публицистом Н. К. Михайловским (ни родные, ни другие современники даже не упоминают об их встрече) или о волжской «кругосветке», в которой вместе с Беляковым якобы участвовал и Ленин.

При работе над книгой автор подвергал всесторонней проверке полицейско-жандармские документы по наблюдению за поездками Владимира Ильича. Оказалось, что упоминаемые в них даты нередко бывали ошибочными, ибо проставлялись, как говорится, задним числом. Были случаи, когда агенты охранки вообще не ведали об отлучках своего поднадзорного за пределы губернии.

В ходе работы над книгой автор внимательно изучил труды своих предшественников — исследователей самарских страниц биографии Ленина[4] и с благодарностью использовал их находки.

В «Самарские университеты» вошли и результаты собственных разысканий, которые велись в архивах, музеях и библиотеках Поволжья, Москвы и Ленинграда, а также размышления о тех или иных спорных или не вполне выясненных событиях и фактах. Так, просматривая подшивки «Самарского вестника объявлений», я неожиданно обнаружил, что в сентябре 1889 года, то есть через четыре с половиной месяца после прибытия Ульяновых в Алакаевку, они собирались продать свой участок земли, дом и мельницу.

Как известно, Владимир Ильич, узнав о кончине Н. Г. Чернышевского, проставил на оборотной стороне его фотокарточки скорбную дату: «17 октября 1889 года». Жандармские же документы рассказали, что 6 декабря того же года, в день именин великого

писателя-революционера, Владимир Ульянов и другие политические поднадзорные устроили в церкви панихиду, использовав ее как удобную легальную форму гражданского чествования его памяти.

Выдвигается в книге и предположение автора о том, что в мае 1890 года Владимир Ильич совершил поездку в Петербург вместе со своей матерью. Устанавливается автор романа «Завтра», переведенного Анной Ильиничной с итальянского на русский язык. Выяснены некоторые штрихи биографии А. П. Графова — талантливого самоучки-изобретателя, чье дело Владимир Ильич в качестве адвоката вел в самарском суде незадолго до переезда в Петербург, а это, в свою очередь, позволило определить местонахождение нелегальной библиотеки революционного кружка «Мельница», которой пользовался и Ульянов.

Конечно, не все пробелы в самарском периоде жизни Ленина удалось заполнить; многое еще ждет своего исследователя. В тексте встречаются слова: «возможно», «наверное», «не исключено». Но каждое такое предположение высказывается лишь в том случае, когда для него есть серьезные основания; оно не возводится в ранг фактов только из-за неполноты дошедших до нас источников.

Надеюсь, что книга позволит читателю явственнее представить себе образ Владимира Ульянова, не только как гениального мыслителя, вождя мирового пролетариата, но и как живого человека — с его радостями и горестями, заботами и тревогами. Знакомство с самарским периодом, завершившим пору юности Владимира Ильича и сформировавшим того Ленина, которого мы знаем, чрезвычайно важно именно для молодого человека, стоящего перед выбором своего пути в этом сложном, противоречивом мире.

1889 год

Переезд в Алакаевку

Весной 1889 года самарский губернатор получил донесение уездного исправника о приезде нового поднадзорного семейства: «...Анна Ульянова прибыла на хутор при д. Алакаевке, Богдановской вол., Самарского у., 4 мая; вместе с нею прибыли мать ее, сестры Ольга и Марья и брат Владимир, а также студент Марк Тимофеевич Елизаров...»

Так началась первая самарская страница жизни девятнадцатилетнего Владимира Ильича Ульянова. Как и почему оказался он со своими родными в Самарском Заволжье, жителем хутора при деревне Алакаевке, что более чем в полусотне верст на восток от губернского центра? Заглянем в предысторию двухлетней давности.

Трагическая гибель 8 мая 1887 года * на эшафоте Шлиссельбургской крепости старшего брата Александра, осужденного за участие в подготовке покушения на жизнь царя, и высылка на пять лет сестры Анны в глухой хуторок Кокушкино Казанской губернии вынудили Ульяновых уже в июне продать свой дом на Москов-

* Все даты приводятся по старому стилю.

ской улице Симбирска и переехать в Кокушкино всей семьей.

С началом учебного года, когда Владимир стал студентом юридического факультета Казанского университета, сестра Ольга — ученицей казанской музыкальной школы Орлова-Соколовского, а брат Дмитрий должен был продолжать учебу в классической гимназии, Ульяновы сняли частное жилье в Казани. Но уже через три с небольшим месяца на их долю выпало новое трудное испытание: за активное участие в студенческой сходке-демонстрации 4 декабря Владимир был арестован, исключен из числа студентов и выслан в Кокушкино.

По возвращении осенью 1888 года в Казань Владимир искусно конспирировал свое участие в революционных кружках. Но мать догадывалась об этом и, опасаясь нового ареста сына, стремилась хоть на какое-то время увезти его из Казани, тем более что надеяться на возвращение в местный университет из-за враждебного отношения губернских властей и учебного начальства ко всей их семье в ближайшем будущем было бесполезно.

Вот тогда-то, по совету Марка Тимофеевича Елизарова — друга Александра Ильича по Петербургу и официального жениха Анны Ильиничны, было решено на деньги, вырученные от продажи симбирского дома, приобрести дом и участок земли в Самарской губернии у Константина Михайловича Сибирякова — члена известной семьи золотопромышленников.

Его старший брат, Александр Михайлович, финансировал полярные экспедиции А. Норденшельда и А. В. Григорьева, а в 1880—1884 годах и сам проложил путь от Карского моря через Печору и Урал до Тобольска, вошедший в историю как «Сибиряковский тракт на север». В честь отважного первопроходца будут названы остров в Карском море и ледокол — «Александр

Сибиряков». Другой брат, Иннокентий Михайлович, получил известность как меценат, способствовавший изданию сочинений Глеба Успенского и пытавшийся приобрести у М. Е. Салтыкова-Щедрина право собственности на все его произведения.

Константин Михайлович Сибиряков тоже немало способствовал развитию демократической литературы: издавал в Петербурге популярные среди разночинной интеллигенции и учащейся молодежи журналы «Слово» и «Русская мысль». Из рассказов же Марка Тимофеевича, приезжавшего осенью 1888 года в Кокушкино, Владимиру Ильичу стала известна и еще одна сторона деятельности К. М. Сибирякова. В 70-х годах этот золотопромышленник скупил имения нескольких самарских помещиков, чтобы создать там общины (коммуны) из молодых интеллигентных людей, которые на практике показали бы, как следует вести современное рентабельное хозяйство. Народнически настроенный Сибиряков надеялся, что эти поселения наглядно подтвердят жизненность общинного начала в деревне, а цивилизованные колонисты будут нести свет знаний в крестьянские массы.

К. М. Сибиряков имел свою усадьбу в сельце Сколкове и три хутора: Константиновский, Шарнелевский и Алакаевский, куда и прибыло из различных мест России немало молодых разночинцев обоего пола. Сибиряков снабжал их даром или почти за бесценок землей, усовершенствованными орудиями и скотом, элитными семенами, сооружал хозяйственные постройки и здания школ. Но задуманное в широком масштабе дело не пошло: сказалась неприспособленность поселенцев к земледельческому труду и, главное, враждебное отношение властей к политически неблагонадежным колонистам.

Раздраженный различного рода придирками и запретом на создание школ, Сибиряков стал распродавать по дешевке землю и недвижимое имущество, намере-

ваясь перенести свою деятельность на Кавказ. Но на смену разочаровавшимся колонистам прибывали другие, в том числе и последователи Л. Толстого, тоже призывавшего интеллигенцию заняться личным трудом в деревне.

Вот в каких краях в декабре 1888 года Марк Тимофеевич и приобрел для Ульяновых за 7500 рублей $83\frac{1}{2}$ десятины пахотной земли и выгона, деревянный одноэтажный дом и мельницу, пообещав лично управлять всем этим хозяйством.

У Марии Александровны в глубине души теплилась надежда, что Владимир тоже заинтересуется сельским хозяйством. Кроме того, она надеялась, что чистый степной воздух и лечение кумысом укрепят ослабевшее здоровье Анны, только бы власти разрешили ей на лето покинуть Кокушкино.

Владимиру же Ильичу переезд в Алакаевку открывал возможность более сосредоточенно и углубленно, чем в Кокушкине, куда в летнее время съезжались многочисленные родственники, заняться самообразованием. Он решил вплотную готовиться к сдаче экзаменов за юридический факультет, одновременно продолжая штудировать марксистскую литературу. Обсуждая эти планы, Ульяновы не исключали и того, что зимой они будут жить в Самаре. Для Владимира Ильича это было заманчиво: Самара открывала новые перспективы революционной работы. Из рассказов Марка Тимофеевича выходило, что там имелись революционные кружки, состоявшие из высланных студентов, а также ветеранов народнического движения. Жил там и адвокат А. Н. Хардин, с которым Владимир Ильич играл по переписке в шахматы. Теперь можно будет лично встретиться с этим видным шахматистом, а позже и заняться под его руководством юридической практикой. Наконец, Самара в отличие от Казани имела железнодорожное сообщение с Москвой и Петербургом, куда можно будет съездить в любое время года.

28 февраля 1889 года Мария Александровна возбудила перед департаментом полиции ходатайство о разрешении дочери Анне ввиду ее расстроенного здоровья провести лето в Алакаевке, где она будет лечиться кумысом. Сравнительно быстро, 11 марта, Петербург удовлетворил эту просьбу. Но отъезд в Алакаевку отложили до начала навигации на Волге. Задержка была связана и с занятиями младших в семье. Дмитрий заканчивал четвертый класс только в конце мая, и взрослым хотелось подольше позаниматься с ним перед экзаменами. Маняше же лучше было сдать вступительные испытания в гимназию весной, сразу же после домашней подготовки, чтобы летом спокойно отдыхать.

Младшая из Ульяновых оправдала надежды родных: в конце апреля, показав прочные знания на испытаниях по русскому языку, арифметике, географии и закону божию, она была зачислена сразу во 2-й класс женской гимназии. Так вновь подтвердилась целесообразность избранного еще в Симбирске пути получения среднего образования для девочек в их семье. Ведь Анна фактически миновала два младших гимназических класса, а Ольга (походив два года в приходское училище) — даже три. А это не только сокращало срок пребывания в казенной атмосфере гимназии, но и избавляло от 45-рублевой годовой платы за обучение.

Несколько сложнее были дела у Дмитрия, которому предстояло сдавать серьезные устные и письменные экзамены — за все четыре года обучения. Поэтому в последние недели пребывания в Казани Владимир Ильич постоянно консультировал брата, особенно по латыни и греческому, которые в семье досконально знал он один. И только после того, как стало ясно, что Дмитрий справится с этими труднейшими предметами, Владимир Ильич заверил мать, что можно не волноваться за исход экзаменов.

Перед отъездом из Казани Владимир Ильич еще раз

попытался получить разрешение на выезд за границу: ведь на новом месте власти тем более откажутся заверить его политическую благонадежность. На этот раз он запасся авторитетным «Медицинским свидетельством», удостоверявшим наличие катара желудка и рекомендовавшим лечиться «щелочными водами и всего лучше водами Vichy (Франция)»[1].

Однако губернатор разгадал цель предпринятого Владимиром Ильичем маневра и наложил на его прошение отрицательную резолюцию: «Я полагал бы отклонить, так как может ехать на Кавказ (Ессентуки, № 17)»[2]. В донесении же министру внутренних дел он пояснил действительные причины, по которым считал нежелательным выезд из России опасного политического поднадзорного: «Ульянов есть родной брат состоящей под гласным надзором полиции Анны Ульяновой, за время проживания в Казани хотя к делам политического характера не привлекался, но аттестуется личностью вредного направления в политическом отношении»[3]. Владимир Ильич и сам чувствовал, что и на этот раз из-за «неблагонадежности» его прошение скорее всего будет оставлено «без последствий».

В конце апреля приготовления к отъезду в Алакаевку были закончены. Квартиру Ульяновы сдали хозяйке, а рояль и часть вещей оставили в Кокушкине и у родных в Казани. 28-го числа Анна Ильинична получила у полицейского пристава «проходное свидетельство» и «маршрут» и, как видно из рапорта надзирателя, выехала в Алакаевку 2 мая[4].

Владимир Ильич находился под негласным надзором полиции и поэтому был вправе переезжать, не ставя об этом никого в известность. А уж дело шпиков было за ним уследить. Но так получилось, что при передаче донесений кто-то из полицейских чинов дату рапорта своего подчиненного от 3 мая принял за день отъезда Владимира Ульянова из Казани, и она потом утвердилась в литературе. В действительности же он

вместе со всей семьей (кроме Дмитрия, оставшегося с няней Варварой Григорьевной у родственников для сдачи экзаменов) отплыл из Казани во вторник 2 мая [5]. И это естественно, что все выехали с Анной, которую родные после казни Саши старались не оставлять в одиночестве.

2 мая было выбрано не случайно: только по вторникам, четвергам и субботам вниз по Волге отплывали товаро-пассажирские пароходы общества «Кавказ и Меркурий», взимавшие с пассажиров «уменьшенную таксу». Отправляясь таким пароходом, Ульяновы, конечно, проигрывали во времени, но ведь они никуда не спешили, а плавание в хорошую майскую погоду по Волге являлось отличным отдыхом. Зато почти в два раза меньше заплатили за билеты: вместо 25 — только 12 рублей 75 копеек. И это без учета разницы в стоимости провоза багажа. При сторублевой пенсии в месяц, на которую жила в настоящее время вся семья, достигалась существенная экономия.

Была еще одна очень важная причина плыть именно на товаро-пассажирском пароходе: желание заехать в Симбирск, поклониться праху Ильи Николаевича и поправить могилу. Скорые пароходы прибывали в Симбирск в половине седьмого вечера и стояли там всего лишь полтора часа. Этого времени явно не хватало, чтобы подняться по четырехверстному крутому Петропавловскому спуску, проехать по городу, что-то сделать на кладбище и вернуться на пристань. Товаро-пассажирские же пароходы стояли в Симбирске под разгрузкой и погрузкой от трех до пяти часов. Вот за это время наши путники успели съездить на извозчике, а Ольга — и повидаться с гимназическими подругами, пообещав им вскоре приехать в гости [6].

Утром 3 мая Владимир Ильич и его родные уже любовались с палубы живописными, утопающими в зелени дачными пригородами Самары, а в 10 часов пароход причалил к своей фирменной пристани, где их с ра-

достью встретил Марк Тимофеевич. После того как старшая сестра сделала у полицейского исправника отметку в своем «проходном свидетельстве» и багаж был отправлен с железнодорожного вокзала до станции Смышляевка, устроились на ночлег в гостинице. Утром следующего дня доехали поездом до Смышляевки, откуда проделали около 30 верст на лошадях до нового своего жилья. А через десять дней уездный исправник и послал губернатору уже известное нам донесение о прибытии поднадзорных Ульяновых и Марка Тимофеевича (к тому же ошибочно назвав его «студентом», тогда как он еще три года назад окончил физико-математический факультет Петербургского университета и имел низшее ученое звание «действительный студент»). Далее в донесении пояснялось: «...Елизаров состоит в качестве доверенного Ульяновых и управляющего их хозяйством, как это можно предположить потому, что он, кроме исполнения поручения по покупке земли, наблюдает за посевами на хуторе хлеба, для чего приезжал туда на святой и фоминой неделях и 30 апреля» [7]. Как видим, высланного из столицы за политическую неблагонадежность Елизарова полиция тоже не обходила «вниманием».

Алакаевка, именовавшаяся в документах деревней, а иногда и сельцом, располагалась по обеим сторонам оврага — западной и восточной. В ней было 44 крестьянских двора с населением в 229 душ обоего пола. Школы здесь не было, но кабак торговал исправно. На северной окраине деревни находилась усадьба мелкого чиновника — помещика С. Р. Данненберга, а на южной — усадьба Ульяновых [8].

Общий характер окружающей местности — степной, но невдалеке от деревни были леса — Муравельный, принадлежавший крестьянам, и Гремячий, хозяином которого являлось удельное ведомство *. Протекавшая

* Удельное ведомство — администрация имений царской семьи.

по дну оврага речушка Запрудная, вбиравшая в себя по пути Елховый и Гремячий ручьи, была мелкой, но, перегороженная плотиной, образовывала пруд, на котором действовала небольшая мельница. Недалеко от пруда на правой (западной) стороне оврага и располагалась усадьба Ульяновых: ветхий одноэтажный деревянный дом под тесовой крышей и примыкавший к нему густой запущенный сад, спускавшийся обрывом к ручью, за которым сразу же начиналось поле. Дом был просторный. Помимо кухни, имелся коридор, деливший дом пополам. Было решено: в первой левой комнате будут помещаться мать с Маняшей, в смежной — Аня и Оля; самую большую отвести под столовую-гостиную; справа будет Митина комната, а угловая, с окнами на юг и восток — Володина.

Как только Ульяновы немного обжили дом, Оля отпросилась у матери съездить на пару недель в гости к гимназическим подругам в Симбирск [9]. Возвратившись в Алакаевку, она, как и старшие брат и сестра, упорно занялась самообразованием, мечтая стать народной учительницей и поступить в высшее учебное заведение.

Да, Алакаевка была хороша для отдыха и самообразования. Но надежда матери на то, что здесь Владимир заинтересуется сельским хозяйством, не сбылась. Прежде всего потому, что Марк Тимофеевич, лишенный возможности служить в государственных учреждениях, уже несколько месяцев всецело отдавал себя хозяйственным делам в Алакаевке. Владимир Ильич постарался тоже вникнуть в них, но с первых же шагов понял, что управляющего из него не получится. Впоследствии он так объяснит это Надежде Константиновне: «Мать хотела, чтобы я хозяйством в деревне занимался. Я начал было, да вижу, нельзя, отношения с крестьянами ненормальные становятся» [10]. Было ясно и то, что, если даже Марку Тимофеевичу, крестьянскому сыну, с детства знакомому с хлебопашеством, и удастся нала-

дить хозяйство, оно все равно не обеспечит даже прожиточного минимума для большой семьи.

Между тем приближалось радостное долгожданное событие — бракосочетание Анны Ильиничны и Марка Тимофеевича. Полностью доверяя во всем будущему зятю, Владимир Ильич теперь мог позволить себе оставить родных на его попечение, а сам был готов отправиться в любую глухомань, чтобы как-то пополнить семейный бюджет репетиторством. И уже 18 мая в «Самарской газете» появилось объявление, которое потом повторялось еще девять раз:

БЫВШИЙ СТУДЕНТ
желает иметь урок. Согласен в отъезд.
Адрес: Вознесенская ул., д. Саушкиной,
Елизарову, для передачи В. У. письменно.

Однако — безрезультатно. Владимир Ильич и сам наведывался ради этого в город, но место найти не удалось.

Радости и невзгоды первого лета

В начале июня приехал из Казани Митя — уже пятиклассник. Вспоминая свое появление в Самаре, он писал: «С парохода я проехал прямо на вокзал, где Владимир Ильич ожидал меня уже в вагоне, так как до отхода поезда оставалось 2—3 минуты.

— Ну, опоздай ты на две минуты и сидел бы в пыльной Самаре, пока за тобой удалось бы прислать ло-

шадь. А в Алакаевке воздух прекрасный, есть сад, купанье, близко лес.

Я мог сказать только, — продолжал Дмитрий Ильич, — что пароход опоздал на час. Расспрашивал насчет рыбной ловли, охоты и проч. ...От Смышляевки до Алакаевки около 30 верст ехали на тарантасе» [1].

14 июня становой пристав А. В. Арефьев, осуществлявший гласный и негласный надзор за Ульяновыми, прибыл из Красного Яра в Алакаевку и ознакомил Владимира Ильича с предписанием самарского губернатора от 5 июня за № 693 об отклонении департаментом полиции возбужденного еще в Казани ходатайства о выдаче заграничного паспорта. Отказ мотивировался тем, что лечиться минеральными водами можно и на Кавказе [2].

Судя по всему, власти предержащие надолго решили держать Владимира Ильича в невыносимом состоянии: в российские университеты вновь не допускать, за рубеж для учения не отпускать, не позволять ему выехать даже для лечения, на службу же никуда не принимать. И содержать все время под надзором полиции и жандармов: следить за всеми его передвижениями, встречами, знакомствами и перепиской и допытываться у соседей о его «образе мыслей»...

А жизнь требовала устройства неотложных будничных дел. В эти июньские дни на семейном совете было решено окончательно покинуть Казань и переехать в Самару. Хлопоты начались с перевода Дмитрия в Самарскую классическую гимназию. 22 июня Мария Александровна едет в город и подает по установленной форме прошение директору А. И. Соколову о принятии Дмитрия в пятый класс.

Соколов прошение принял, но ничего определенного не пообещал. А как только Мария Александровна ушла, он узрел в этом деле возможность продемонстрировать

верноподданническое рвение. В письме к попечителю Казанского учебного округа Соколов сделал это следующим образом: «Зная частию по слухам, частию из достоверных источников о превратном и предосудительном образе мыслей и жизни некоторых членов семейства покойного Ульянова (Ильи Николаевича. — *Ж. Т.*) и о весьма печальной, хотя и вполне заслуженной, участи одного из них (Александра Ильича. — *Ж. Т.*), я с своей стороны, даже в случае надежной благонамеренности Дмитрия Ульянова, крайне затрудняюсь удовлетворить просьбу матери...» [3]

Попечителю П. Н. Масленникову рассуждения Соколова пришлись явно по душе, и он, отлично понимая, какое горе это принесет М. А. Ульяновой, 30 июня письмом к самарскому директору одобрил решение отказать ей в приеме сына в гимназию. Чем именно мотивировал отказ Соколов, когда через несколько дней к нему снова явилась Мария Александровна, неизвестно. Но после этого визита стало ясно, что без аудиенции у попечителя учебного округа вряд ли можно будет надеяться на благополучный исход дела.

В сложившейся обстановке, вопреки народной традиции играть свадьбы после уборочной страды, пришлось ускорить оформление брачного союза Анны Ильиничны и Марка Тимофеевича. Ведь только после этого можно было надеяться на то, что власти позволят сестре сменить установленное ей место пятилетней ссылки Кокушкино на Самару. Тогда, с началом учебного года у Мити и Маняши, можно будет жить всем вместе.

Согласно закону Анна Ильинична должна была получить разрешение от губернатора на вступление в брак. И она, как это полагалось, подала прошение по инстанции, уездному исправнику, а тот 24 июля послал соответствующий рапорт губернатору. И только после того, как с его стороны не встретилось препятствий, уездный исправник выдал свидетельство, на основании

которого священник села Тростянка * 28 июля обвенчал молодых. В метрической книге были записаны анкетные данные об Анне Ильиничне, Марке Тимофеевиче и их поручителях: «По жениху: потомственный дворянин Афанасий Феоктистов Чернышов и деревни Бестужевки бессрочно отпускной Андрей Исаков Спирин; по невесте: Самарского уезда деревни Бестужевки крестьянин Павел Тимофеев Елизаров и бывший студент, дворянин Владимир Ильин Ульянов» [4].

Через два дня после этого памятного события молодожены выехали в Самару и заодно посетили Бестужевку, где жила мать Марка Тимофеевича — Прасковья Илларионовна и семья брата Павла Тимофеевича. С переездом в Самару пришлось сменить холостяцкую квартиру Марка Тимофеевича в доме Саушкиной на четырехкомнатную в доме купца Шоринова, в самом начале Дворянской улицы (ныне — ул. Куйбышева, 7), близ берега реки Самарки.

В конце первой декады августа Владимир Ильич с матерью, направляясь в Казань за оставшимися домашними вещами, тоже заехали в Самару. Посоветовавшись, нашли, что и эта квартира будет тесной для семейства из девяти человек, включая няню и племянника Марка Тимофеевича — Евгения, который должен был приехать для продолжения учебы в гимназии. Предстояло подыскивать более просторное жилье.

И кто мог предполагать, что уже через несколько дней начнется полоса новых серьезных треволнений. 12 августа Мария Александровна попала на прием к попечителю Казанского учебного округа тайному советнику П. Н. Масленникову и разъяснила ему причины, по которым требуется перевод Дмитрия из Казанской в Самарскую гимназию. Тот мог бы решить дело сразу, но вздумал покуражиться над несчастной вдовой хоро-

* Село Тростянка — на расстоянии около десяти верст от Алакаевки.

шо ему известного И. Н. Ульянова и предложил Марии Александровне прийти за окончательным ответом во вторник 15-го числа.

Мария Александровна сначала не поняла подвоха, но, вернувшись в квартиру сестры А. А. Веретенниковой, вспомнила, что вторник является «табельным праздником», и, следовательно, никакого приема посетителей у попечителя быть не может. Нетрудно представить, с каким возмущением и волнением она в этот же день принялась за очередное прошение на имя Масленникова. Упомянув в нем о злополучном «табельном празднике», она вынуждена была заявить: «Между тем я оставила дома, в деревне близ Самары, двоих меньших детей (Дмитрия и Маняшу, страдавших от приступов малярии. — *Ж. Т.*) больными, что меня чрезвычайно беспокоит. Присутствие мое при них необходимо, что и заставляет меня спешить с отъездом» [5].

Обосновывая настоятельную необходимость перевода сына в Самарскую гимназию, мать подчеркнула, что оставить мальчика одного для продолжения учебы в Казани немыслимо, она должна «иметь сына при себе, следить за его уроками и поведением», причем по возможности скорее, так как «учебное время близко».

По возвращении в Алакаевку Мария Александровна и Владимир Ильич узнали о новой неприятности. Оказывается, уездный исправник расценил отъезд Анны Ильиничны с Марком Тимофеевичем после свадьбы как самовольную отлучку своей поднадзорной. Доложив об этом 11 августа губернатору, исправник одновременно предписал приставу 2-го стана привлечь ссыльную «к ответственности по 63 ст. Устава о наказании», а самарского полицмейстера попросил разыскать и прислать к нему А. И. Елизарову «для отправки в д. Алакаевку...» [6]. Мытарства Анны Ильиничны продолжались. Нелегко было и Владимиру Ильичу бессильно наблюдать, как старшая сестра была возвращена на хутор и оштрафована мировым судьей 3-го участка на 20 рублей.

Младшие его брат и сестра продолжали хворать малярией, а врачей в Алакаевке не было. К тому же до начала учебного года остались считанные дни. Тогда Мария Александровна с Владимиром Ильичем взяли Митю и Маняшу и отправились в Самару. Директор же классической гимназии по-прежнему тянул с зачислением Мити. Надо было что-то предпринимать, и 19 августа, за подписью Ульяновой, была послана телеграмма с оплаченным ответом попечителю Казанского учебного округа: «Покорнейше прошу телеграфировать результаты просьбы»[7]. А тот, все еще продолжая упиваться властью, два дня выжидал, прежде чем соизволил, наконец, сообщить о своем согласии.

Насколько грязной игрой со стороны директора гимназии и попечителя было это гнусное глумление над Марией Александровной, видно из письма Масленникова Соколову: «...в данном мною в настоящее время разрешении ученику Ульянову перейти из Казанской в вверенную вам гимназию, сверх секретных причин, имело большое значение то обстоятельство, что в Самаре надзор за поведением Ульянова и за отношением его к товарищам гораздо легче устроить, чем в Казани, большом университетском городе, имеющем много учебных заведений.

Поэтому, — продолжал Масленников, — не имея никаких законных достаточных оснований преградить молодому Ульянову вовсе путь к получению образования в учебных заведениях, я покорнейше прошу вас, приняв его в Самарскую гимназию, устроить над поведением его и над отношением его к товарищам возможно бдительное негласное наблюдение»[8]. Что касается «секретных причин», по которым Масленников разрешил перевод Дмитрия, то он указал на них в письме к министру народного просвещения: «...связи, которые имела дочь Ульянова (Анна. — *Ж. Т.*), и знакомства ее исключенного из университета брата (Владимира. — *Ж. Т.*) заставляли желать выезда из университетского

города семьи Ульяновой» [9]. Поистине, когда дело касалось этой семьи, масленниковы и соколовы действовали по принципу «тащить и не пущать».

Не все гладко получилось и с оформлением младшей сестренки в гимназию. Еще в Казани Маняша была принята во второй класс, но соответствующие документы об этом пришли из Казанской гимназии только в конце августа, и то уже в ответ на запрос педагогического совета Самарской женской гимназии. После этого Владимир Ильич с матерью выехали в Алакаевку, а Митю и Маняшу оставили под опекой няни и Ольги, приехавшей в город числа 28 августа. У нее были тоже свои проблемы.

Несколько дней назад Ольга Ильинична послала директору народных училищ Самарской губернии прошение о желании занять учительское место в приходском училище Самары. Это стремление было глубоко осознанным. Учить, по примеру отца, детей бедноты уже давно она считала «действительной пользой». «Конечно, и учительница в школе не вполне самостоятельна, — писала она 1 сентября подруге А. Щербо в Симбирск,— но мне нравится в ее положении то, что она видит своих учеников... каждый день и, следовательно, кроме науки, может сказать им живое слово». К большому своему огорчению, Ольга Ильинична по приезде в Самару узнала, что здесь директор не волен назначать учительниц в городские школы: их подбирает дума. И на деле оказывается, что для кандидаток в учителя «нужно нечто посущественнее золотой медали, а именно — протекция» [10].

Между тем в Алакаевке возникла новая конфликтная, но вместе с тем и курьезная ситуация. Суть ее видна из рапорта, направленного уездным исправником Кузьминым 2 сентября губернатору: «Так как время проживания девице Елизаровой, ныне жене действительного студента Елизарова, в Самарском уезде прошло, а она продолжает жить на хуторе, то имею честь

покорнейше просить Ваше Превосходительство дать мне знать, может ли быть дозволено и до какого именно срока, дальнейшее проживание Елизаровой на хуторе при деревне Алакаевке» [11]. Ульяновы, конечно, объяснили приставу, что Марк Тимофеевич уже послал, через губернатора же, прошение министру внутренних дел о разрешении проживать Анне Ильиничне вместе с ним в Самаре и одновременно о снятии с нее гласного надзора. Но пристав, как видим, решил заручиться письменным указанием губернатора. Вот так: то возвращают из Самары в Алакаевку и штрафуют, а теперь, проявляя служебное рвение, пристав готов чуть ли не насильно выдворить из деревни.

Наученные горьким опытом встреч с бюрократическими выкрутасами чиновников разных ведомств и рангов, Мария Александровна, Владимир Ильич и Анна Ильинична едут в Самару, чтобы ускорить получение ответа на прошение Марка Тимофеевича. Так, впервые в городе, в доме Шоринова, собралась вся семья Ульяновых.

Узнав о прибытии Анны и Владимира Ульяновых в Самару, губернское жандармское управление, в свою очередь, известило об этом полицмейстера и предложило сообщить адреса поднадзорных. «Об учреждении надзора за Ульяновым и наблюдения за Елизаровой поручено приставу 2 части 7 сентября за № 1422», — такую запись сделал полицмейстер на жандармском отношении [12]. Но следить в городе за ними не пришлось: губернатор, по всей видимости, предложил Анне Ильиничне до получения ответа министра на прошение мужа возвратиться в Алакаевку. Вместе с ней на хутор отправились Мария Александровна и Владимир Ильич.

11 сентября мать обратилась к самарскому губернатору с письмом, в котором с болью писала: «Дочь моя, Анна Ильинична Елизарова, бывшая Ульянова, провела лето, по разрешению г-на министра, в деревне

Алакаевке для лечения кумысом. Курс лечения давно кончился, а помещение наше в д. Алакаевке пригодно только для летнего жилья и с наступлением осенних холодов и дождей становится совершенно невозможным даже для здорового, не только для больного грудью, как моя дочь.

Ввиду всего этого имею честь убедительнейше просить Ваше Превосходительство позволить дочери моей приехать на время в Самару. Дочь моя будет помещаться в одном доме со мной, и я ручаюсь, что она не только не выедет за пределы города, но будет вести самую замкнутую семейную жизнь.

В тревожном состоянии, в котором я нахожусь теперь, меня ободряет несколько мысль, что, Ваше Превосходительство, по человеческому чувству не откажете в просьбе матери» [13].

Губернатор Свербеев своей властью мог выполнить эту просьбу, но не захотел. Эта возмутительная бессердечность могла кого угодно привести в отчаяние, и кто знает, сколько раз она еще проявится в остающиеся три года гласного надзора над Анной... В такой напряженной атмосфере Ульяновы приняли неожиданное решение и сообщили в «Самарском вестнике объявлений»:

«Мельница водяная с 3 постав. при д. Алакаевке Самарск. уезда Богданов. волости, сдается в аренду. Она же продается вместе с землею в колич. $83^1/_2$ дес., хутором и садом. Об условиях спросить М. Т. Елизарова. Дворянская ул., д. Шоринова».

Это сугубо деловое объявление, появившееся в газете 20 сентября 1889 года, свидетельствует о том, что, прожив только четыре с половиной месяца в Алакаевке,

Ульяновы решили отказаться от всяких попыток заняться сельским хозяйством, намереваясь переселиться в город. Трудно дать исчерпывающее объяснение этому, но немаловажную роль, очевидно, сыграли наглый надзор полиции и различного рода придирки властей. Не случайно попечитель Казанского учебного округа доносил 30 сентября министру народного просвещения по поводу надзора за Ульяновыми и их соседями интеллигентами-колонистами: «Насколько можно заключить по доставленным мне сведениям, за упомянутыми выше хуторами (Алакаевским, Шарнеля и Константиновским. — *Ж. Т.*) имеется со стороны местной администрации достаточно деятельное наблюдение, и если оно не остается тайным для проживающих на хуторах лиц, то тем скорее может их побудить оставить эту местность, как это и сделала уже большая часть прежних поселенцев» [14].

Похоже, что наблюдение действительно было «достаточно деятельным», если Ульяновы поспешили «оставить эту местность».

20 сентября, наконец-то, самарский губернатор А. Д. Свербеев сообщил самарскому полицмейстеру А. Г. Праведникову о положительном ответе Петербурга на прошение Марка Тимофеевича: «Вследствие отношения Департамента полиции от 13 сего сентября за № 3128 предписываю Вам объявить проживающему в Самаре действительному студенту Марку Елизарову, что состоящей под гласным надзором полиции жене его Анне Елизаровой, урожденной Ульяновой, Министерством внутренних дел признано возможным разрешить остаться на жительстве под надзором полиции в Самаре. Что же касается ходатайства его об освобождении жены от надзора полиции, то таковое Министерством внутренних дел оставлено без последствий...» [15].

Как ждали Ульяновы и Елизаровы возможности жить Анне Ильиничне с семьей и как тщательно гото-

вились к этому дню, если уже 21 сентября они (по данным директора гимназии Соколова) все вместе спешно поселились на одной общей квартире! Наняли ее за 40 рублей в месяц на Полицейской площади, в одноэтажном деревянном доме Кулагина (ныне — ул. С. Разина, 10), близ реки Самарки. Одновременно стали искать заработок. В объявлениях от 19, 21 и 22 сентября в «Самарской газете» еще указывали свое местожительство в доме Шоринова, а с 5 октября — уже новый адрес: «Репетируют и дают уроки по всем предметам сред. уч. зав. Спросить М. Т. Елизарова. Полицейская площадь, д. Кулагина». (Это объявление повторялось 10, 17, 19, 24 октября.)

Предлагая эти педагогические услуги, Марк Тимофеевич имел в виду как себя с женой, так и Владимира Ильича, который пока в одиночестве терпеливо поджидал клиентов на покупку дома в Алакаевке. Только когда совсем уж похолодало и вместе с тем стало ясно, что, несмотря на семикратные публикации в газете о сдаче в аренду или продаже алакаевской «недвижимости», подходящих желающих не находится, Владимир Ильич во вторник 10 октября выехал к родным в Самару.

К этому времени решение Ульяновых обосноваться в Самаре окрепло, и уже в день своего приезда Владимир Ильич вместе со всем семейством переселяется в более удобную квартиру, которую подыскали на Воскресенской улице, в доме Каткова (ныне — ул. Пионерская, 6). Докладывая об этом попечителю Казанского учебного округа, директор классической гимназии писал: «10 октября г. Ульянова опять переменила квартиру и в настоящее время живет на Воскресенской улице в доме Каткова, рядом с редакцией «Самарской газеты», около Волжской набережной. Причиною перехода на новую квартиру была будто бы сырость старой квартиры. В настоящее время квартира находится на верхнем этаже и вместительностью своей указывает на

материальный достаток ее обитателей. В ней точно так же, как и на прежней квартире, помещается два семейства: г. Ульянова с детьми и зять ее Елизаров с женой» [16]. Не успела семья устроиться на новом месте, как уже 15 октября директор Соколов сам заявился с проверкой своих подопечных гимназистов Дмитрия Ульянова и Евгения Елизарова на дому...

Перебравшись в Самару, Ульяновы продолжали хлопотать о сдаче в аренду или продаже алакаевской собственности, переписали объявление с адреса квартиры в доме Шоринова на адрес в доме Кулагина. Однако с переселением их в дом Каткова объявления так и продолжали печататься 11, 13, 18 и 20 октября по предыдущему адресу — дому Кулагина.

Бытовые условия на новом месте были, конечно, лучше. Но, переехав в более благоустроенный район города и избавившись от сырости в квартире, к сожалению, нельзя было избавиться ни от скрытой полицейско-жандармской слежки, ни от открытого надзора. Последний особенно рьяно проводился исполняющим обязанности инспектора мужской гимназии, классным наставником 5-го класса П. П. Кочкиным. Это был сорокалетний чиновник, сочетавший в себе черты чеховского человека в футляре и типичного осведомителя. Прослужив более десятка лет в Симбирской губернии инспектором Алатырской прогимназии, он, следовательно, прекрасно знал директора народных училищ И. Н. Ульянова, но, будучи ретивым карьеристом, начисто «забыл» о заслугах выдающегося просветителя, известного всей России, и относился к его семье только как к политически «неблагонадежной», воспитавшей к тому же Александра Ульянова — одного из главных «вторых первомартовцев».

Конечно, Кочкин сам был лицом подневольным, обязанным по должности выполнять предписания своего директора, но мог бы «опекать» поднадзорное семейство не так уж назойливо, пристрастно и унижающе,

как он это делал. Трижды в месяц, в вечерние часы, Кочкин появлялся в квартире Ульяновых-Елизаровых и без зазрения совести осматривал комнату Дмитрия и Евгения. Если кого-то из них не было дома, то инспектор допытывался, в том числе и у соседей, когда и куда именно ушел его подопечный, посещают ли гимназисты церковь, с кем дружат и какие книги читают.

Можно представить, как Владимир Ильич и все его родные презирали этого чиновника, с таким рвением исполнявшего функции сыщика. В результате директор гимназии, отчитываясь за октябрь 1889 года, вынужден был рапортовать в Казань: «В истекшем месяце г. и. о. инспектора не пришлось видеться и беседовать с матерью (Марией Александровной. — *Ж. Т.*): сама она не считала нужным при его посещениях выходить из своих покоев в ту комнату, где помещаются воспитанники, а г. Кочкин находил неудобным назойливо беспокоить мать, не имея ничего сообщить о сыне.

С старшим сыном (Владимиром Ильичем. — *Ж. Т.*) г. Кочкин имел случай видеться в приемной, но они ничего друг другу не сказали, а обменялись одними поклонами и взглядами» [17].

В ноябрьском рапорте, отметив, что старший сын «принял на себя труд» проверять познания своего брата Дмитрия «по некоторым предметам», директор разразился верноподданническим доносом, в связи с тем что Кочкин усмотрел на столе Ульянова один том сочинений Помяловского, «признанных вредными для юношеского возраста и запрещенных»: «Это сочинение было взято воспитанником из домашней библиотеки. Но вина в этом прискорбном обстоятельстве всецело падает на старших членов семьи, которые так неосторожно, не подозревая, может быть, вред от чтения книг подобного характера, раскрывают полки своих библиотек для младших членов семьи. На эту тему проведена беседа с матерью» [18].

Так начиналась жизнь в Самаре.

Первые знакомые.

В память о Чернышевском

Чем бы ни занимался Владимир Ильич в первое алакаевское лето, не было, пожалуй, такого дня, когда бы он не размышлял о происходивших в стране и за рубежом событиях, о путях и способах борьбы с самодержавием. Но он постоянно помнил о довольно бдительной полицейско-жандармской слежке, которая велась за ним, сестрой Анной и ее мужем, и, чтобы не дать властям конкретных поводов к новым обвинениям в политической «неблагонадежности», не спешил завязывать знакомства с поднадзорными лицами.

Особая осторожность требовалась хотя бы потому, что при возобновлении попыток получить разрешение на учебу в университете или на выезд за границу теперь решающее значение будет иметь официальный отзыв самарского губернатора. Нельзя было не учитывать и недавних печальных событий: в июле казанская охранка напала на след марксистских кружков и взяла под стражу Н. Е. Федосеева и его ближайших помощников. Узнав об этом, Владимир Ильич признался старшей сестре, что сам «влетел бы, вероятно, также», потому что состоял в одном из таких кружков [1]. Естественно, следовало опасаться, что самарская жандармерия, участвовавшая в расследовании этого нашумевшего дела, может добраться и до него.

И только после того, как поступил отказ из Петербурга на прошение о выезде за границу, а следствие по федосеевскому делу не выявило улик против Ульянова, да и вообще никого из самарцев не привлекли к дознанию, Владимир Ильич мог вести себя более свободно. Но и теперь он старался поддерживать связи только с надежными людьми.

Едва ли не первым новым знакомым Владимира Иль-

ича стал старший брат Марка Тимофеевича Павел Тимофеевич Елизаров, с которым он вместе был поручителем сестры Анны во время ее бракосочетания в селе Тростянка. «Это был так называемый «крепкий» крестьянин, — вспоминала Анна Ильинична, — разбогатевший арендой близлежащих удельных (т. е. принадлежащих царскому дому) земель и передачей их крестьянам. Самое популярное лицо в деревне (Бестужевке. — *Ж. Т.*), он бессменно выбирался в земские гласные. Как все люди его типа, он стремился к округлению капиталов, лез в купцы, чего позднее и добился. Помню, — продолжала она, — что меня удивляло, как подолгу, с каким интересом мог говорить Володя с этим полуграмотным, чуждым каких бы то ни было идеалов кулаком, и лишь позднее поняла я, что он почерпал у него данные о положении крестьян, о расслоении, идущем среди них, о взглядах и стремлениях этой экономической верхушки деревни. Заразительно, как всегда, хохотал он над некоторыми рассказами купца, и тот был чрезвычайно доволен оказываемым ему вниманием и проникнут большим уважением к уму Владимира Ильича. Но он не мог понять, что хохочет Володя часто не над тем, как ловко устраивают свои делишки деревенские купчины, а над народниками, над их наивной верой в крепость крестьянского уклада, в крепость общины, в возможность привить крестьянам социализм»[2].

Владимир Ильич не только слушал, но и сам, как говорится, на многое открывал глаза Павлу Тимофеевичу. Эти беседы, проходившие при участии Марка Тимофеевича, не могли не оказать определенного влияния на отношение «крепкого» крестьянина к нуждам обездоленного большинства сельского общества.

Приятным сюрпризом для Владимира Ильича стала встреча с Дмитрием Александровичем Гончаровым — соучеником старшего брата Александра по Симбирской

гимназии и близким товарищем по общественным делам. Владимир Ильич знал, что Гончаров, будучи студентом-медиком Казанского университета, являлся одним из руководителей нелегального симбирского землячества. В этом качестве он поддерживал связи с Александром Ульяновым, В. М. Бурлаковым и другими симбирянами, учившимися в Петербурге. Драгоценным свидетельством этой связи было письмо Бурлакова, который в ответ на просьбу Гончарова рассказать об Александре Ильиче написал: «Серьезный, обыкновенно хладный, с умным выражением лица, он будто бы держит ум постоянно наготове и в разговорах, и в делах. Чувство у него если когда и проявляется, то в крайних случаях — в жаркой беседе, отчасти на вечеринках. Если к этому добавить его силу воли, то он будет человеком ума и воли» [3].

Владимира Ильича, конечно, радовало такое, чуть ли не благоговейное отношение гимназических друзей к старшему брату. Но Гончаров ему импонировал и сам по себе — как человек, труженик и общественный деятель. Честный и смелый, Дмитрий Александрович на протяжении ряда лет заведовал библиотекой и кассой симбирского землячества, пока в мае 1887 года не был исключен из университета и не выслан из Казани в Самарскую губернию. Но землячество в Казани все-таки уцелело, и его членом стал Владимир Ильич, когда поступил в университет.

Теперь же, в Алакаевке, они встретились уже как земляки и бывшие студенты, состоящие под негласным надзором полиции, и оба, пока что безуспешно, добивающиеся права на обратное поступление в университет. Гончарова исключили с 4-го курса. Он был старше Владимира Ильича на семь лет, уже был женат на Екатерине Трофимовне Сахаровой и воспитывал вместе с нею двухлетнюю дочь Наденьку. За два года работы в Тростянке и Старом Буяне земским фельдшером, а фактически — врачом на все руки, Дмитрий Александ-

рович в мельчайших деталях изучил жизнь крестьян, знал о всех их нуждах, настроениях и сокровенных чаяниях и старался чем только мог облегчить их страдания.

Мария Ильинична, вспоминая алакаевско-самарскую пору жизни, подчеркивала, что Д. А. Гончаров «не принадлежал в то время ни к какой политической партии, но настроен был очень радикально. К Владимиру Ильичу он относился с огромным уважением»[4]. И не скрывал этого чувства в разговорах с друзьями, в частности с народнически настроенным членом земледельческой коммуны на хуторе Шарнеля А. А. Преображенским. «Во время одной из бесед с Гончаровым, — вспоминал Преображенский, — он сказал мне, что среди студентов он знает одного, который будет гением в области статистики, и назвал Владимира Ильича Ульянова. Я усомнился, можно ли создать что-либо гениальное по статистике, но Гончаров настаивал на своем мнении»[5].

Под «гениальным в статистике», очевидно, подразумевались те необычайно логичные и смелые выводы, которые Владимир Ильич, вооруженный знанием марксизма, делал на основании земских и официальных статистических материалов о развитии капитализма в России, и прежде всего его указания на революционизирующие последствия быстрого роста товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве и разложения крестьянской общины — на образование пролетариата в деревне и усиление классовой борьбы в ней.

Именно Дмитрий Александрович привел однажды Преображенского в самарскую квартиру Ульяновых и познакомил с Владимиром Ильичем. К этому времени Преображенский, по его словам, уже разочаровался в «прирожденной преданности крестьянства коммунистическим идеям» и относился к деревне без присущих народникам иллюзий и предрассудков. Вспоминая эту памятную встречу, Преображенский писал: «Владимир

Ильич казался одинакового возраста со мной. Он даже выглядел солиднее меня и производил впечатление вполне зрелого человека несмотря на то, что я был старше его на восемь лет. У него была небольшая бородка, подстриженная клинышком, и усы. При первой моей встрече с Владимиром Ильичем присутствовал какой-то молодой человек, с бледным лицом, без усов, без бороды, который во все время нашего разговора не произнес ни слова. Кто это был, не помню.

...Владимир Ильич, видимо, уже знал обо мне от Гончарова. При встрече мы заговорили о крестьянах, и я дал характеристику крестьянства, противоречащую народнической оценке. Владимир Ильич остался доволен моей характеристикой» [6].

Зимой 1889 года Марк Тимофеевич познакомил Владимира Ильича со своим приятелем Вадимом Андреевичем Ионовым, который, по словам Анны Ильиничны, «был, пожалуй, самой видной фигурой среди самарской молодежи и пользовался влиянием» [7]. Ионов был старше Владимира Ильича на семь лет и раньше его стал участником освободительного движения. Еще в 1883 году, будучи студентом-третьекурсником столичного Лесного института, Вадим Андреевич, уличенный в связях с народовольцами, был исключен из института и выслан в родную Сызрань. Впоследствии он перебрался в Самару и стал статистиком губернской земской управы. Эта должность позволяла ему часто бывать в деревне и собирать подробнейшие и достоверные материалы о состоянии сельского хозяйства губернии. Можно представить, как был рад Владимир Ильич возможности воспользоваться этим кладезем земской статистики, причем из первых рук. Владимиру Ильичу нравилось и то, что Ионов был искусным конспиратором, имевшим давние связи с революционными кружками Петербурга. Через него можно было достать и подпольные издания. Словом, Вадим Андреевич оказался таким человеком, на которого можно было всегда положиться.

Таким же честным и убежденным революционером оказался Алексей Павлович Скляренко, с которым Владимир Ильич, вскоре после переезда в Самару, познакомился тоже через Марка Тимофеевича. И, выражаясь словами Анны Ильиничны, этот однолеток Владимира Ильича стал сразу «вполне своим» человеком[8]. Этому способствовали высокий моральный облик и многие личные качества Скляренко. Его биография была необычной.

Внебрачный сын военного врача Василия Ивановича Попова, Алексей родился в 1870 году в городе Верном (ныне Алма-Ата). Когда он был еще ребенком, умерла мать. Отец, принадлежавший к либеральному лагерю, ушел в отставку и переехал в село Тагай Симбирской губернии, где получил место земского врача. После смерти отца Алексей, учившийся в Самарской классической гимназии, перевез из Тагая его книги и журналы, которые стали основой нелегальной библиотеки руководимого им кружка народнического направления. С гимназическим начальством он не ладил. Особенно с инспектором-преподавателем латыни А. П. Пятницким. Тем самым, против которого боролись в Симбирской классической гимназии Александр Ульянов и его товарищи, пока не добились его удаления из Симбирска[9]. И все-таки не без участия Пятницкого самарские жандармы в 1887 году сумели пронюхать, что кружок Алексея Попова занимался печатанием на гектографе и распространением нелегальных изданий. В ходе следствия было установлено, что Алексей Попов является «незаконнорожденным», а поэтому не имеет права на имя и фамилию отца. Он стал зваться по крестному отцу — Алексеем Павловичем Бальбуциновским, а позже принял фамилию матери — Скляренко.

После нескольких месяцев пребывания в самарской тюрьме Алексей Павлович отбывал заключение в знаменитых петербургских «Крестах», откуда вышел на свободу только в июле 1889 года. По возвращении в

Самару он серьезно взялся за самообразование. Перечитал многие труды по русской экономической истории, философии, социологии; с завидным упорством штудировал исследования по экономике современной деревни, развитию кустарных промыслов. Одновременно Алексей Павлович руководил несколькими кружками учащейся молодежи и рабочих, организуя в них изучение злободневных экономических и политических вопросов в духе либерально-народнических идей небезызвестного «В. В.» — публициста В. П. Воронцова. Ко времени знакомства с Владимиром Ильичем Скляренко считал себя «вевистом» (от «В. В.») [10].

Внешне Алексей Павлович импонировал всем, кто с ним близко соприкасался. Высокого роста, статный, сильный, гибкий, с прекрасным умным и выразительным лицом. Неизменная суковатая палка и темное пенсне придавали ему какую-то таинственность. В действительности же он был очень общительным, остроумным и вместе с тем по-светски выдержанным. Простые люди любили его за то, что он обращался с ними по-товарищески. Неотъемлемыми чертами богатой натуры Алексея Павловича были талант организатора масс, страстного оратора и, как подчеркивала Анна Ильинична, «бесшабашная смелость» [11]. В личной жизни Скляренко был очень скромен. Одевался просто, жил в дешевых квартирах, но всегда был готов приютить у себя товарища, поделиться с ним последним.

Скляренко был знаком со всеми политическими поднадзорными города, ясно представлял, на что именно способен каждый из них в настоящее время, и поэтому мог помочь Владимиру Ильичу в сближении с нужными людьми. В числе первых, к кому Алексей Павлович направился с Владимиром Ильичем, был доктор Вениамин Осипович Португалов, обитавший на Саратовской (ныне — Фрунзе) улице, в нескольких минутах ходьбы от Струковского сада.

Дом Португаловых был широко известен в Самаре.

Тысячи горожан начиная с 1870 года обращались к опытному врачу, который никогда не отказывал в помощи. Многие чтили Вениамина Осиповича за благотворительную деятельность в пользу обездоленных. Интеллигентное общество ценило его как автора научных и критических статей, публиковавшихся в поволжских газетах и столичной печати.

Неизвестно, рассказывал ли Скляренко Владимиру Ильичу до посещения дома Португаловых о политическом прошлом доктора: его членстве в нелегальном Харьковско-Киевском обществе 50-х годов и последовавших затем аресте и ссылке в Поволжье, его работе в Казанской воскресной школе в 1860 году или тюремном заключении, которому он подвергся в Самаре в 1874—1875 годах по делу о революционной пропаганде народников. Но, без сомненья, Владимир Ильич кое-что знал и сам о Вениамине Осиповиче, а с его сыном Иосифом, одним из руководителей симбирско-самарского землячества в Казани, был хорошо знаком и вместе с ним участвовал в подготовке и проведении декабрьской сходки-демонстрации студентов в 1887 году.

Первое, что обращало внимание каждого посетителя португаловской квартиры, — это обилие книг, журналов, газет, а также бюстов и портретов выдающихся деятелей науки, литературы, искусства, государственных и общественных деятелей. Хозяин был оригиналом. Все портреты, подвешенные в кабинете на шнурках, были сведены в три группы, с выразительными надписями жирным шрифтом-вязью над каждой из них: «Соль земли русской», «Гнилой Запад» и «Наши самобытники».

Многих поражало несоответствие между возрастом доктора, а ему шел уже 55-й год, и той энергией, отзывчивостью, разнообразием интересов, которые он проявлял. Высокая прямая фигура, борода почти до пояса — словом, вид патриарха, а глаза — живые, с моложа-

вым блеском, в голосе — ничего старческого. Приветливый и разговорчивый, Португалов обычно затрагивал каждого приезжего казанца вопросами о житье-бытье города, где он сам жил и слушал лекции знаменитого профессора Афанасия Щапова, а затем посвящал гостя в общественную жизнь Самары. При каждом удобном случае Португалов провозглашал девиз, который был краток, но многозначителен: «Свет и свободу для народа». И хотя доктор не имел при этом в виду революционной борьбы против существующего строя и на практике не шел дальше осуществления «малых, но полезных для общества дел», он все-таки был интересным собеседником, и Владимир Ильич поддерживал с ним дружеское общение.

Сближению с Португаловым способствовало и то обстоятельство, что дочь его Софья, окончившая в 1886 году физико-математический факультет Бестужевских курсов, занималась в Самаре частными уроками, а также переводами беллетристики для публикации в поволжских газетах, к чему теперь готовилась и Анна.

Как-то, в первых числах декабря, Владимир Ильич навестил Скляренко и познакомился у него с только что выпущенным из самарской тюрьмы бывшим учителем Алексеем Александровичем Беляковым. Выходец из крестьянской семьи, двадцатилетний Беляков отбывал четырехмесячное заключение за пропаганду на селе и попытку создать подпольную типографию. Но репрессии не запугали его, и он вновь стал деятельным участником кружка Скляренко.

Воссоздавая впоследствии события общественной жизни той поры, Беляков прежде всего выделил попытку самарской молодежи почтить память Н. Г. Чернышевского, скончавшегося 17 октября 1889 года в Саратове. По примеру студенчества Москвы и Петербурга самарцы решили организовать панихиду. «...Либералам удалось привлечь часть молодежи к участию

в панихиде, отслуженной в кладбищенской церкви. Характера демонстрации панихида не получила, но поп за пять рублей очень усердно молился за «новопреставленного болярина Николая», — писал в своих воспоминаниях Беляков [12]. Этот отрывок, без каких-либо поправок и комментариев, публикуется во многих сборниках, посвященных молодому Ленину [13].

Однако за сорок с лишним лет, прошедших после описываемого события, память, как это нередко бывает, изменила мемуаристу. Организаторами панихиды в Самаре были не либералы, а горячие приверженцы автора романа «Что делать?».

Следует иметь в виду, что святейший синод правительствующего сената, стремясь не допустить «поминовений, панихид и заупокойных литургий по врагам православной христовой церкви и трона», разослал по всем губернским духовным консисториям строгое запретительное предписание, особенно в отношении тех «врагов», которые умерли «без покаяния».

Покойный Н. Г. Чернышевский, безусловно, относился к числу последних. Об этом ведали не только светские и церковные власти Самары, но и либералы. Они знали, что за участие в запретной акции жандармы по меньшей мере могут завести досье. И уже только поэтому не могли стать инициаторами панихиды.

Так было и в Самаре, где смелая идея устроить панихиду, посвященную памяти любимого Чернышевского и приуроченную ко дню его именин — 6 декабря, возникла среди деятелей революционного подполья. Мы уже никогда не выясним, кто именно и на каких условиях договорился со священником Всесвятской кладбищенской церкви протоиереем И. А. Боголюбским об этом чествовании: его организаторы не оставили воспоминаний. Что касается жандармов, то о происшествии им стало известно более чем через месяц. Сообщая в самарскую духовную консисторию о нарушении священни-

ком Боголюбским синодского запрета, начальник самарской жандармерии полковник А. М. Сердюков писал: «Оный священнослужитель Боголюбский 6-го дня декабря месяца 1889 года с лицами сомнительного благонастройства, состоящими под негласным надзором полиции бывшим студентом Казанского Императорского университета Владимиром **Ульяновым**, освобожденными из тюрем: Алексеем **Поповым-Бальбуциновским,** Алексеем **Беляковым,** доктором Вениамином **Португаловым,** при других поднадзорных и учащихся фельдшеровской школы, реального училища имени императора Александра Благословенного, совершил поминовение по усопшему Чернышевскому Н. Г. и трижды благословил портрет оного в Христовом храме» [14].

Судя по этому донесению, жандармский полковник полагал, что священник был осведомлен, по какому именно Чернышевскому он «совершил поминовение», причем по просьбе лиц «сомнительного благонастройства». И жандарм имел основания для такого вывода. Действительно, протоиерей И. А. Боголюбский, занимавший по совместительству должность духовного цензора, не мог не знать о запретительном предписании святейшего синода. Более того, как благочинный всех приходских церквей Самары, Боголюбский лично знал некоторых поднадзорных, например доктора Португалова, и по долгу службы даже обязан был проинформировать начальство о заказанной панихиде.

Расправа над И. А. Боголюбским была скорой и суровой: «...за совершенное поминовение по врагу трона и православной христовой церкви Чернышевскому» самарская духовная консистория в январе 1890 года наложила «препятствие к награде его орденом святой Анны III степени, оформленной в 1889 г. по самарской епархии» [15]. Вслед за этим Боголюбского сняли с должности благочинного и перевели с доходной кладбищенской церкви в одну из захудалых приходских [16].

Кому и что именно сообщал глава самарской жан-

дармерии о Владимире Ульянове и других политических поднадзорных, организовавших панихиду 6 декабря, — неизвестно. Но слухи об этом происшествии еще долго ходили по городу.

Запрос в Лейпциг

С первых же дней жизни в Самаре Владимир Ильич возобновил борьбу за право на получение высшего образования. Мать помогала ему как могла. В сентябре она обратилась с письмом к казанскому профессору Н. И. Ильминскому, хорошо знавшему Илью Николаевича, с просьбой посодействовать сыну в возвращении в университет или допуске его к сдаче экзаменов экстерном [1]. Однако Ильминский, хотя и имел влиятельные связи в Петербурге, не смог ничего сделать.

Тогда 28 октября Владимир Ильич сам обращается к министру народного просвещения графу И. Д. Делянову:

«В течение двух лет, прошедших по окончании мною курса гимназии, я имел полную возможность убедиться в громадной трудности, если не в невозможности, найти занятие человеку, не получившему специального образования.

Ввиду этого я, крайне нуждаясь в каком-либо занятии, которое дало бы мне возможность поддерживать своим трудом семью, состоящую из престарелой матери и малолетних брата и сестры, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство разрешить мне держать экзамен *на кандидата юридических наук* экстерном при каком-либо высшем учебном заведении» [2]. (Выделено мной. — *Ж. Т.*)

Посылая это, уже третье прошение после выхода из университета, Владимир Ильич знал, что некоторые

студенты, исключенные вместе с ним, все-таки добились права продолжать учебу. В большинстве это были те, кто раскаялся, что участвовал в сходке. Но Ульяновы не поступались своими убеждениями и принципами. Таким был отец в своей многолетней борьбе за народную школу. Таким был и горячо любимый брат Александр, который еще в гимназические годы, излагая свои взгляды на главные черты человека-гражданина, поставил на первое место честность, а более всего презирал ложь и трусость. И в роковой момент отказался спасти себе жизнь раскаянием, твердо заявив матери, что это было бы неискренне. Так и Владимир Ильич, ни в большом, ни в малом, ни при каких обстоятельствах не кривил душой, сохранял верность своим гражданским идеалам. Если же он и обратился еще раз с прошением к министру, то только потому, что не считал себя виновным и искренне полагал, что лишение его на протяжении двух лет права продолжать учебу на юридическом факультете есть уже достаточно суровое наказание даже с правительственной точки зрения. И по-прежнему — ни тени раскаяния.

Поразительно, с каким достоинством и уверенностью в своих знаниях заявляет он в этом, принципиально новом прошении о собственных намерениях: речь идет уже не о возобновлении учения в университете или допуске к сдаче экстерном экзаменов за курс юридического факультета, а сразу — о готовности держать экзамен на кандидата юридических наук! Ведь для получения ученой степени надо сдать на «отлично» экзамены и написать диссертацию, которая должна получить одобрение профессоров. Ясно, что так мог писать человек, который уже глубоко проштудировал значительную часть университетских программ.

Конечно, шансов на положительный ответ было мало. И Владимир Ильич, наверное, вообще бы не надеялся, если бы знал, что министр Делянов почти одновременно с его прошением получил от попечителя Ка-

занского учебного округа П. Н. Масленникова неблагоприятные сведения о нем и его родных. Оказывается, во время посещения Самары в августе попечитель пришел к выводу, что существование «подозрительных» интеллигентских поселений на землях К. М. Сибирякова и вопрос о семье Ульяновых «оказались в тесной связи». Докладывая об этом Делянову, Масленников сообщил об усилении самарским губернатором надзора «за образом жизни Ульяновых и за их отношением к другим, остающимся еще на хуторе, подозрительным личностям...» [3].

Неудивительно, что министр, получив такое донесение из Казани, наложил на прошении Владимира Ульянова злобную резолюцию: «Спросить об нем попечителя и департамент полиции, он скверный человек. Д-т полиции уже, вероятно, знает, что он делает на своей стороне» [4].

Департамент полиции не располагал конкретными данными о нелегальной деятельности Владимира Ильича в Самарской губернии, и поэтому ответ от 4 декабря на запрос Делянова свелся к напоминанию о том, что Ульянов исключен из университета за участие в студенческих «беспорядках», а позже «замечался в сношениях с лицами, политически неблагонадежными, из коих некоторые (Н. Е. Федосеев и члены его кружков. — *Ж. Т.*) привлечены ныне к дознанию по обвинению в государственном преступлении» [5].

Попечитель Казанского учебного округа на сей раз тоже уклонился от прямого обвинения Владимира Ильича в политической неблагонадежности. В своем ответе Делянову он ограничился подсказкой о наличии формального препятствия: «...в государственных комиссиях на бывшую степень кандидата экзаменов не должно производиться, а если таковые и могут быть в исключительных случаях допущены, то только для лиц, имеющих в университете не менее VIII зачтенных полугодий, к каковым лицам Ульянов не принадлежит» [6].

Что правда, то правда: Владимир Ильич учился в Казанском университете немногим более трех месяцев и поэтому не имел ни одного зачтенного полугодия. Если проситель не имел формального права на сдачу экстерном экзаменов на кандидата юридических наук, то Делянов мог разрешить ему сдачу экзаменов хотя бы за юридический факультет. Но министр без каких-либо пояснений приказал ходатайство просителя отклонить[7].

Отказ, безусловно, огорчил Владимира Ильича, но не поколебал его делового настроя: именно в эти декабрьские дни он пересматривает и углубляет программы «своего университета», в котором главное место отводилось теории научного коммунизма. Примечательно то определенное сходство в подходах к изучению марксизма, которое проявлялось у Владимира Ильича и его старшего брата.

Еще во время летних каникул 1886 года, проведенных в Симбирске в одной комнате с Владимиром, Александр завершил тщательное изучение первого тома «Капитала» К. Маркса. Сразу по возвращении в Петербург он заявил своему близкому товарищу — студенту Оресту Говорухину, что этот том — «самая интересная книга из всех, которые он до сих пор прочитал», и решил «основательно познакомиться со всеми сочинениями Маркса и Энгельса, начиная с самых первых»[8]. Верный своему слову, Александр вскоре достал чрезвычайно редкий «Немецко-французский ежегодник» издания 1844 года и вместе с Говорухиным сделал перевод Марксовой статьи «К критике гегелевской философии права. Введение», чтобы издать ее в нелегальной типографии. В редактировании перевода с немецкого с увлечением участвовала и Анна. Затем Александр наметил изучение и перевод брошюры К. Маркса «К критике политической экономии». Но слишком скупо ему было отмерено времени на теоретические размышления, и Александру

не удалось окончательно перейти на позиции марксизма.

После мучительных раздумий он примкнул к заговору против царя, инициаторами которого были О. Говорухин и П. Шевырев...

С «Капиталом» и другими трудами основоположников научного социализма на русском языке Владимир Ильич уже был знаком. Но чтобы досконально изучить революционную теорию, постичь ее в историческом развитии, заметить все нюансы, понять авторов до конца, молодой человек, которому не исполнилось еще и двадцати лет, ставит задачу проштудировать марксистскую литературу на немецком языке.

27 декабря 1889 года он посылает во всемирно известную лейпцигскую книготорговую фирму Ф. А. Брокгауз письмо на немецком языке[9]. Строго говоря, это не письмо в общепринятом смысле, а двойная открытка (с оплаченным ответом), на лицевой стороне которой написан адрес фирмы, а на внутренней — запрос о стоимости и условиях доставки литературы из Лейпцига по адресу: «В г. **Самару.** Владимиру Ильичу **Ульянову.** Воскресенская улица, дом Каткова». В запрос о стоимости книг он включил:

№ 1. **Г. Роскошный.** Бедная Россия. 1888.
№ 2. **Маколей.** История Англии. Издание Таухница.
№ 3. Сочинения **К. Каутского.**
№ 4. **Карл Маркс.** Капитал. Т. 1. 2-е издание. — К критике политической экономии. Берлин, 1859.
№ 5. Сочинения **Г. Брандеса.**
№ 6. **Ф. Энгельс.** «Положение рабочего класса в Англии» и **другие его сочинения.**

Кроме того, Владимир Ильич просил сообщить, получает ли фирма Брокгауз «списки тех книг, ввоз которых в Россию запрещен русской цензурой», а также

прислать ему «каталог книг по политической экономии и философии».

Трудно даже предположить, что знал Владимир Ильич о «Бедной России» и насколько нужна была ему эта книга. Но вряд ли так важно было ему выяснять стоимость пятитомной «Истории Англии от восшествия на престол Якова II» либерального буржуазного историка Томаса Маколея, изданной в 1849—1861 годах и давно имевшейся и в симбирской Карамзинской общественной библиотеке, и в самарской Александровской, или интересоваться стоимостью сочинений датского литературного критика-позитивиста Георга Брандеса, которые тоже можно было найти в библиотеках и магазинах России, на русском языке. Скорее всего эти три автора были включены в запрос только для того, чтобы ими заслонить в общем списке труды К. Каутского по популяризации марксизма, а главное, редкие издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Неизвестно точно, когда Владимир Ильич прочел номер «Немецко-французского ежегодника» 1844 года, но для нас важно, что он особенно выделил в этом журнале статью Маркса «Введение в критику гегелевской философии права»[10] (как раз ту, которую переводил Александр Ильич с Анной Ильиничной).

Первый том «Капитала» на русском языке издания 1872 года Владимир Ильич всегда имел под рукой, ибо эта книга была у Марка Тимофеевича[11]. Следовательно, запрос Владимира Ильича в отношении 2-го издания первого тома «Капитала», выпущенного в 1872 году на немецком языке в Берлине, продиктован прежде всего желанием познакомиться с главным трудом К. Маркса на его родном языке. Но дело не только в этом. Первый русский перевод «Капитала» Г. Лопатин и Н. Даниельсон делали с немецкого издания 1867 года. Второе немецкое издание вышло с исправлениями и дополнениями К. Маркса. В послесловие, в частности, он ввел описание своего диалектического метода, данное петер-

бургским профессором И. И. Кауфманом на страницах «Вестника Европы». В русском же переводе этого издания в 1889 году еще не было.

Интересуясь в своем запросе от 27 декабря 1889 года брошюрой К. Маркса «К критике политической экономии», первый выпуск которой вышел в Берлине еще в 1859 году, причем небольшим, тысячным тиражом, Владимир Ильич знал, что за истекшие 30 лет на русском языке она так и не появилась. Этим и объясняется его стремление познакомиться со ставшим уже библиографической редкостью произведением, в котором Маркс сформулировал сущность исторического материализма.

Не случайно в запросе фигурируют и сочинения Карла Каутского. Некоторые из них, особенно книга «Экономическое учение Карла Маркса», пользовались довольно большой популярностью среди передовой интеллигенции и учащейся молодежи России.

Судя по записям сотрудника фирмы Брокгауз, ответ из Лейпцига на письмо Владимира Ильича был дан уже через несколько дней. Когда и в какой мере выполнялся необычный заказ из далекой России — неизвестно, но все говорит за то, что самые нужные из упомянутых в запросе трудов Владимир Ильич имел уже в Самаре. 2-е издание первого тома «Капитала» на немецком языке, вышедшее в 1872 году в Берлине, ныне хранится в Кремлевской библиотеке Ленина, с многочисленными его пометками, отчеркиваниями и подчеркиваниями черным и фиолетовым карандашами и черными чернилами. На шмуцтитульном листе имеется дарственная надпись Анны Ильиничны: «Владимиру Ульянову» [12].

Приобрел Владимир Ильич и брошюру К. Маркса «К критике политической экономии» 1859 года издания и перевел из нее отрывки с изложением гениальных идей материализма в социологии [13].

Тщательно прорабатывает он уже в ближайшие месяцы и «Экономическое учение Карла Маркса» К. Каутского на немецком языке. Вслед за братом, но вполне самостоятельно, примется за перевод этой книги и Ольга Ильинична[14]. Так закладывался фундамент тех гигантских теоретических познаний, которые будут приводить в восхищение самарских, а потом и петербургских марксистов.

1890

год

«Русский Чикаго»

Этой зимой началось настоящее знакомство Владимира Ильича с Самарой. Впечатление о внешнем облике ее складывалось благоприятное. Губернский центр тянулся вдоль левого берега Волги, у юго-восточной части Самарской луки, как бы вдаваясь клином между Волгой и ее левым притоком Самаркой. Спускаясь более круто к волжскому берегу, город большей своей частью живописно раскинулся на довольно ровной покатости, направленной к долине Самарки. Этот просторный треугольник, две стороны которого ограничены реками, простирался на площади около 1000 десятин (четыре с половиной версты вдоль Волги и три — с запада на восток, от пристани до железнодорожного вокзала). Приятно удивляла удачная планировка Самары. Город делился восемнадцатью улицами, протягивающимися с севера на юг (почти вдоль Волги), расположенными на расстоянии 60 сажен одна от другой, и семнадцатью поперечными улицами, идущими с запада на восток через каждые 120 сажен, образующими четкую сетку из 140 прямоугольных кварталов. Все улицы были прямые и довольно широкие, не было ни одного кривого и узкого переулка [1]. Бросалось в глаза и еще одно достоинство

Самары: спуски к Волге были намного короче и удобнее, чем, скажем, в Симбирске.

Да и климат здесь был теплее, чем в других местностях той же географической широты. Врач В. Португалов — новый знакомый Владимира Ильича, большой патриот города — так объяснял своеобразие этого климата: «С северо-запада Самару защищают Жигулевы горы, хотя и не особенно высокие, но зато достаточно близкие, так что щит Самары очень надежный и весьма уместный, доставляющий ей весьма выдающуюся и ценную особенность. Эта особенность заключается в том, что Жигулевы горы защищают Самару от резких северных и северо-западных холодных ветров, представляя ее всецело обдуванию южных и юго-западных ветров. Два встречных течения, северное и южное, нередко сталкиваясь, вступают в борьбу, и перевес всегда остается на стороне южного течения: оттого летом жар не умеряется северным течением, а зимой северное течение нередко умеряется южным» [2].

Владимир Ильич знал из гимназического учебника, а затем и из справочной литературы, что Самара до 1851 года была уездным городом Симбирской губернии с населением около 15 тысяч душ обоего пола и что к своему 300-летию, пышно отмечавшемуся в 1886 году, число ее жителей увеличилось почти в шесть раз. Молодой губернский центр за его стремительный рост и наличие больших скотобоен в печати нередко стали называть «русским Чикаго», предрекая ему роль торгово-экономической столицы Поволжья.

Быстрому подъему Самары способствовал ряд объективных факторов. После падения крепостного права сюда устремилась армия наемных работников, трудами которой распахивались огромные массивы земли под выращивание едва ли не лучшей в России твердой пшеницы — «белотурки» с большим содержанием клейковины. Значительное развитие получили также пастбищное скотоводство и переработка его продуктов. Открыл-

ся большой простор для деятельности энергичных предпринимателей.

Благодаря своему выгодному географическому положению Самара превратилась в крупнейший транспортный узел, связывающий центр Европейской России со средним Поволжьем, Южным Уралом и Средней Азией. В городе были лучшие пристани Поволжья, расположенные на главной реке (лесная, буксирная и пассажирские), а также на Самарке, напротив Сенного острова.

На малой реке ледоход проходил на несколько дней раньше, чем на Волге. Зимовавшие на Самарке пароходы и баржи в апрельское полноводье подходили вплотную к хлебным амбарам и салотопням, и грузчики по дощатым мосткам быстро заполняли суда кулями с зерном, бочками с салом и солониной. А как только заканчивался волжский ледоход, пароходы тут же выходили на широкую гладь матушки-реки и достигали Казани до наибольшего вешнего разлива, когда еще нет сильного встречного течения, а затем устремлялись дальше к Рыбинску. И несмотря на то, что Симбирск и Казань располагались ближе к верховью Волги, хлеботорговцы этих и других городов с завистью наблюдали за резво проплывающими сухогрузами конкурентов, но ничего поделать не могли: две драгоценные недели уходили на ожидание из затонов своих транспортов и загрузку их хлебом, причем на пристанях, удаленных от города. В итоге самарские купцы, первыми появляясь в Рыбинске, диктовали цены на товар, да к тому же успевали за навигацию сделать на один-два рейса больше, чем их конкуренты из других мест среднего Поволжья [3].

Наряду с развитием пароходства неоценимое влияние на экономическую жизнь Самары оказало появление железных дорог. В 1875 году стальной путь от Москвы подошел к правому берегу Волги у села Батраки. Через два года поезда стали ходить от Самары до Орен-

бурга, а в 1880 году железнодорожный мост (Александровский) связал оба берега Волги, и миллионы пудов самарской «белотурки», продукты скотоводства мощным потоком потекли на рынки обеих столиц и за границу. Наконец, в 1889 году открылось железнодорожное сообщение между Самарой и Уфой. Сооружена была железнодорожная ветка и к хлебным пристаням города.

«Хлебопромышленность» занимала главное место в экономической жизни Самары. Почти круглый год, за исключением полной распутицы и полевой страды, сюда ехали подводы с зерном: от 3 до 10 тысяч ежедневно. Купленный хлеб ссыпался в большие деревянные амбары емкостью в 80—100 тысяч пудов, вытянувшиеся по берегам Волги и Самарки. Особенно много их было на стрелке, ближе к устью Самарки, где амбары стояли тесной стеной. В погрузке зерна на пристани одновременно работало до 7 тысяч горожан обоего пола, пришлых крестьян. В 1885 году в Самаре на 674 судна было погружено 13 с лишним миллионов пудов пшеницы, ржи, пшена, семени льна, овса, ячменя, проса, хлопка, муки и сала. Стремительно развивалось и мукомольное производство. За 1876—1886 годы в городе было построено шесть громадных механических мельниц-вальцовок, перерабатывавших ежегодно около пяти миллионов пудов пшеницы в знаменитую муку-крупчатку [4].

Второе место держала скотопромышленность, сконцентрированная по обоим берегам Самарки. Здесь было устроено 20 салганов и несколько боен, где в сентябре — октябре в иные дни забивалось до 50 голов крупного скота и более 5 тысяч овец (большей частью курдючных), закупленных в местном крае, в Уральском войске, Оренбургской губернии и Киргизской степи. Главным продуктом этой промышленности было сало, которое в тысячах бочек отправлялось в Петербург, а также на мыловаренные и свечные заводы Казани. На многих рынках пользовались большим спросом и такие из-

делия, как солонина из говядины и баранины, кожи и овчины.

С каждым годом набирала силу лесная промышленность. Большая часть бревен, поступавших по Волге в плотах и на баржах, переправлялась затем по железной дороге в степную местность, остальная обрабатывалась на механических лесопилках и шла на продажу в виде досок, брусков, срубов изб.

Фабрично-заводское производство не получило заметного развития в Самаре. Крупнейшим предприятием являлся земледельческо-механический завод «Товарищества Бенке и К⁰». Занимался он в основном постройкой и ремонтом «водяных и паровых крупчатых и раструсных мельниц, а также приготовлением земледельческих машин и орудий», «постройкой и ремонтом винокуренных, пивоваренных, маслобойных и лесопильных заводов, паровых машин, турбин всех систем», а с 1885 года — и сооружением буксирных пароходов. Завод имел три паровых двигателя, 66 токарных и других станков, паровой молот, две вагранки для чугунного литья, 10 горнов и другое для своего времени неплохое оборудование. Около 300 рабочих и 50 учеников изготовляли за год различной продукции на 350—500 тысяч рублей [5].

В Самаре имелось два маслобойных завода, на которых с помощью паровых машин из семян льна, конопли и подсолнечника вырабатывалось свыше двух десятков тысяч пудов отличного растительного масла. Большой популярностью пользовалась продукция «Товарищества Жигулевского пивоваренного завода»: в 1885/86 операционном году им было продано 146 585 ведер пива и меда на 182 057 рублей [6] Остальные «заводы» — кожевенные, поташные, мыловаренные, свечные, крахмальные, макаронные, кошмоваляльные, водочные, ваточные, экипажные — это типичные для волжских губернских центров кустарные предприятия, рассчитанные на удовлетворение потребностей местного населения.

Подъем экономики и торговли обусловил количественный и качественный рост кредитных учреждений. К существовавшему с 60-х годов городскому общественному банку и отделению Государственного банка добавились отделения крестьянского поземельного и дворянского банков, Нижегородско-Самарского и Камско-Волжского банков, а также общество взаимного кредита. О финансовом могуществе Камско-Волжского банка говорит его денежный оборот, составивший в 1885 году 218 миллионов рублей [7].

Появились в Самаре купцы-миллионеры и десятка два «среднячков» — обладателей стотысячных состояний. Они захватили монополию на торговлю хлебом, салом, скотом, лесом, скупали имения родовитых дворян, возводили в городе роскошные особняки. Толстосумы, по существу, верховодили в городской думе и определяли статьи ее бюджета, который, кстати, за последние три десятилетия вырос почти в 25 раз! Городская дума во многом благодаря инициативе своего просвещенного головы П. В. Алабина * получила возможность больше уделять внимания мощению и освещению улиц, благоустройству волжской набережной и Струковского сада, других мест общественных гуляний, возведению новых зданий — пожарных и полицейских частей, каменных торговых корпусов на Троицкой площади.

С купеческим размахом было воздвигнуто в 1888 году изящное каменное здание городского театра на 1300 мест. Автор проекта, известный архитектор М. Н. Чичагов, предусмотрел оборудование театра новейшими вентиляционными, акустическими и противопожарными устройствами. Но вместо 85 тысяч, которые предусматривала первоначальная смета, купцы-подрядчики урвали из городской кассы 175 тысяч рублей.

---

* П. В. Алабин сыграл видную роль в оказании помощи славянам в борьбе за освобождение от османского ига в 1876—1878 годах.

Гордостью Самары стал противопожарный водопровод, вошедший в строй незадолго до ее трехвековой годовщины. Это сложное инженерное сооружение стоимостью в 454 тысячи рублей состояло из двух водосборных колодцев, вырытых на берегу Волги, двухэтажного каменного «водоподъемного здания» и 25-верстной сети чугунных труб, проложенных посреди улиц ниже слоя замерзания земли. На перекрестках тех улиц, где проходил водопровод, стояло 247 пожарных кранов (в 50 саженях друг от друга), к которым в случае надобности привертывались пожарные рукава длиной до 40 сажен. Напор воды в сети был настолько сильным, что струя мощностью 50—100 ведер в минуту поднималась на 12 сажен, то есть на высоту четырехэтажного дома. Из водопровода питались также 4 фонтана и 16 водоразборных колонок, из которых жители брали воду ведрами и бочками бесплатно, а промышленные заведения — за установленную плату.

На 15 домах, со стороны улицы, были установлены «сигнальные ящики», соединенные электрической сигнализацией с шестью пожарными депо, которые, в свою очередь, были связаны между собой телефонной связью [8].

Таких мощных и технически оснащенных пожарных систем в России было всего лишь несколько. Водопровод, безусловно, сыграл важную роль в предотвращении опустошительных пожаров в Самаре, в благоустройстве общественных садов и улучшении озеленения личных усадеб горожан. Однако водопроводная вода была жесткой даже на ощупь, что сказывалось и при стирке, и при заварке чая, поэтому многие жители предпочитали хотя бы для этих целей покупать воду у водовозов из Волги или из частных колодцев.

Не пожалела денег купеческая Самара на устройство Соборной площади, которая по своей величине (12 десятин) не имела равных в других губернских центрах. Посередине площади было воздвигнуто громадное

здание кафедрального собора, вмещавшего две с половиною тысячи верующих. Со всех концов города был виден пятиаршинный золоченый крест (весом в 57 пудов), венчавший колокольню высотою в 37 сажен.

Существенным событием стало обустройство и другой, Алексеевской площади. Находившиеся здесь неказистые деревянные торговые ряды были снесены, а на их месте разбит сквер, в центре которого в 1888 году на высоком пьедестале был установлен памятник Александру II, изображенному в походной шинели внакидку и в фуражке. На четырех углах пьедестала располагались бронзовые фигуры, олицетворяющие освобождение крестьян, покорение Кавказа, завоевание Средней Азии и освобождение славян от османского ига. На боковых сторонах пьедестала — щиты с надписями о других важных событиях, связанных с именем казненного народовольцами царя: присоединение Приамурья, отмена телесного наказания, проведение судебной реформы, введение земских учреждений, городового положения, общей воинской повинности, завоевание Карса и Батума, сооружение сети железных дорог и моста через Волгу.

Соборная и Алексеевская площади были озеленены и оборудованы для прогулок «чистой» публики. Местом же общих, массовых гуляний являлся Струковский сад. Еще в 40-х годах он был конфискован у погрязшего в махинациях управляющего «соляной частью» Струкова и отдан городу. Расположенный на возвышенном и живописном волжском берегу сад благодаря стараниям П. В. Алабина и других ревнителей природы был увеличен за счет соседнего частного участка, а затем толково распланирован. Появились цветочные клумбы, оранжереи, питомник скорорастущих деревьев и кустарников, скамейки, каменная лестница у парадного входа, несколько изящных террас и беседок, «вокзал» с великолепными видами на Волгу, а вся территория сада обнесена деревянною на каменных столбах резною решеткою. В летнее время Струковский сад с его тенисты-

ми аллеями становился любимым убежищем изнывающих от жары обывателей, и они любовно называли его «легкими Самары».

Но, как и в американском Чикаго, окраины Самары представляли собой трущобы. В городе не было канализации. Кабак или трактир имелись почти в каждом квартале, зато во всем городе не было ни одного народного клуба. Даже центральная Дворянская улица освещалась редкими керосиновыми фонарями, хотя местный купец-изобретатель А. П. Графов брался быстро установить на ней электрическое освещение. Далеко не все улицы были вымощены, а тротуары нередко состояли из битых камней и поломанных досок.

«Одно из величайших бедствий в Самаре, — писал врач В. Португалов, — это пыль... Пыль эта состоит из кварца, песка, составляющего основу почвы Самары от косы (в устье Самарки. — *Ж. Т.*) до Молоканского сада (на северной окраине. — *Ж. Т.*), затем к песку примешивается известь от мягкого известняка, коим вымощены улицы... из навоза, вечно гниющего на улицах города, и из всякого домашнего сора» [9].

Знакомясь с городом, Владимир Ильич, естественно, интересовался его культурой и общественной жизнью. И не мог не отметить, что в этом отношении Самара, не имевшая ни одного высшего учебного заведения, сильно проигрывала Казани. Как, впрочем, и по уровню среднего образования. Менее содержательными были и самарские газеты. Выбор литературы в книжных магазинах и библиотеке — скуднее. Не было в Самаре ни научных обществ, ни музыкальной школы, ни шахматного клуба.

В административном отношении Самара делилась на три части. Первая, самая старая из них (южная), вбирала в себя с 1-го по 31-й квартал и простиралась от устья Самарки до Алексеевской площади. Многое в жизни первой части было связано с хранением и переработкой продуктов хлебной и скотопромышленности,

а также торговлей ими. Здесь и проживали в основном купцы и приказчики, грузчики, матросы и мастеровые. В этом бойком и демократическом районе, в домах Шоринова, Каткова и Кулагина, и квартировали первое время Ульяновы и Елизаровы.

Вторая часть (32—83-й кварталы) являлась ядром города. Здесь размещались губернские учреждения и ведомства, мужская и женская гимназии, духовная семинария, центральный Троицкий рынок, лучшие гостиницы, рестораны, магазины, церкви, дома чиновников и наиболее преуспевающих купцов, почта, библиотека, дворянский и коммерческий клубы, редакции «Самарской газеты» и «Самарского вестника объявлений», вокзал Оренбургской железной дороги.

Самой обширной по размерам была третья (северная) часть (84—140-й кварталы). В этом сравнительно новом районе находилась губернская земская больница, кафедральный собор, Струковский сад, несколько промышленных заведений, женский монастырь, кумысные лечебницы и дачи. Народ здесь обитал разный, в последние годы стали строиться и зажиточные обыватели.

Для Владимира Ильича знание административного деления города было крайне необходимо, ибо слежка за поднадзорными осуществлялась чинами полицейских частей сугубо по территориальному принципу. Уже хотя бы поэтому надо было знать «своего» полицейского пристава, его штатных помощников и служителей как по фамилиям, так и в лицо...

В первую самарскую зиму

Еще осенью 1888 года, в Кокушкине, Владимир Ильич услыхал от приехавшего сюда Марка Тимофеевича немало лестных слов о видном самарском адвокате Ан-

дрее Николаевиче Хардине, крупном либеральном общественном деятеле и известном шахматисте, теоретические статьи которого регулярно появлялись в шахматных журналах. Тогда же с помощью Марка Тимофеевича между ними состоялась первая партия по переписке, закончившаяся победой многоопытного мастера, игравшего с самим М. И. Чигориным.

Естественно, что с переездом из Алакаевки в Самару Владимир Ильич захотел встретиться с Андреем Николаевичем, да и другими шахматистами, сразиться с ними за одной шахматной доской. Марк Тимофеевич, сам страстный любитель древней и мудрой игры, охотно исполнил это желание, и зимой 1889 года Владимир Ильич стал одним из активнейших участников шахматной жизни города.

Дмитрий Ильич, с детства увлекавшийся любимой игрой семьи, воссоздал картину одного из турниров с участием брата. «Играли, давая фигуры вперед, так как участники были разной силы, — писал он. — В первой категории (разряде) был один Хардин, во второй — Владимир Ильич и еще один игрок, остальные — в третьем и четвертом разрядах. Победителем турнира вышел Владимир Ильич. Первый приз был что-то около 15 рублей. Никакой вещи они не купили, а один из участников принес призеру эти деньги. Владимир Ильич категорически отказался их взять, и по его предложению они были пожертвованы на что-то» [1].

Владимир Ильич любил бывать у Андрея Николаевича, который квартировал в центре города, в том же доме купца Вощакина на Саратовской улице (ныне — ул. Фрунзе, 65), где находилась классическая гимназия. Хардин был не только прекрасным партнером, у которого многому можно было поучиться, но и интересным собеседником. В это время ему шел 49 год, но он выглядел моложе своих лет и живо интересовался всеми злободневными вопросами, волновавшими молодежь. Гонения, которым Хардин подвергался «за оказание яв-

ного неуважения губернатору» и связь с революционным подпольем в 70-х годах, заставили его воздерживаться от внешних проявлений своей оппозиции существующему в России строю. Но он навсегда остался честным человеком, лояльно относившимся к политическим поднадзорным. Не побоялся он открыто принимать у себя и родного брата казненного Александра Ульянова.

Кое-что о своем прошлом Хардин рассказывал Владимиру Ильичу, а тот — своим родным. Этим и объясняются их высказывания об Андрее Николаевиче. Анна Ильинична, например, вспоминала, что «после убийства Александра II, когда в адресах всех земств новому царю выражалось одно лишь раболепие», Хардин «рискнул в осторожных, понятно, выражениях указать, как на главную задачу нового царствования, на необходимость увеличения крестьянских наделов» и был «за эту дерзость» немедленно смещен с должности председателя Самарской земской управы. Рассказами брата, очевидно, навеяны и воспоминания Дмитрия Ильича о Хардине: «Он выписывал массу иностранной шахматной литературы и мог часами просиживать один за доской. По его словам, он выучился хорошо играть благодаря тому, что, попав куда-то в глушь и имея много досуга, целыми днями просиживал за шахматной литературой и теорией этой игры. В течение приблизительно года или немного больше он ни с кем не играл, а после этого сидения, встретившись с Чигориным, показал себя первоклассным игроком» [2].

Вслед за Владимиром Ильичем сблизилась с семьей Хардина и Ольга Ильинична, которая стала поддерживать дружеские отношения с дочерью Андрея Николаевича Надеждой и ее кузинами — детьми врача Владимира Николаевича Хардина.

Шахматные вечера устраивались также и на квартире Николая Степановича Долгова — одного из ветеранов местного подполья. В молодости, после оконча-

ния гимназии, он учился в Петербурге — сначала в университете, а затем в Технологическом институте, и в Москве — в Петрово-Разумовской земледельческой академии, но нигде так и не окончил курса. Помешали репрессии, которым Долгов подвергался за участие в студенческом движении, и арест по делу С. Г. Нечаева, в результате чего он больше года находился в Петропавловской крепости, а потом отбывал ссылку в Архангельской губернии. В 1873 году Николай Степанович был переведен в Самару. Одно время он заведовал конторой имения К. М. Сибирякова в сельце Сколково (родине А. И. Хардина). В 1879 году сразу же после покушения Александра Соловьева на жизнь царя подвергся аресту, но вскоре был освобожден. Последние годы служил конторщиком в управлении Оренбургской железной дороги.

В то время, когда Владимир Ильич познакомился с Долговым, старый народник не принимал активного участия в каких-либо подпольных акциях. Но, как человек честный и отзывчивый, он приветливо принимал у себя каждого нового политического ссыльного и оказывал ему посильную помощь и поддержку. Это гостеприимство не могло не беспокоить самарских жандармов, да и благонамеренных домохозяев. Поэтому Николаю Степановичу с малолетним сыном Петей чуть ли не ежегодно приходилось искать новое жилье. Когда Владимир Ильич впервые зашел к Долгову, тот квартировал в доме Воронцова, на углу Садовой и Оренбургской улиц (ныне — ул. Чкаловская, 258/41).

Бывал он у ветерана не только для того, чтобы сразиться в шахматы. Сын Николая Степановича, П. Н. Долгов, потом вспоминал: «...шахматисты собирались обычно вечером, часов в семь или восемь... Владимир Ильич приходил ранее других, беседуя с отцом, сажал меня на колени...»[3] О чем они беседовали до прихода остальных игроков, мальчик не мог запомнить, но, наверное, в такой обстановке, один на один, хозяин дома мог откро-

венно рассказывать молодому революционеру о наиболее ярких эпизодах борьбы шестидесятников и семидесятников за освобождение народа, о своих единомышленниках в различных городах Поволжья и Петербурге (там у Долгова были родственники) и давать объективную характеристику деятелям самарского подполья.

Хардин и Долгов были сильными партнерами, и Владимиру Ильичу пришлось приложить немало усилий, чтобы приглушить в себе вспыхнувший азарт шахматного бойца. Как ни увлекательны шахматы, он старался относиться к ним как к развлечению и, когда игра становилась помехой делу, оставлял ее. Помогали воспитанная еще в детстве воля и умение держать себя в руках.

Рождественские и новогодние праздники 1890 года купеческая и чиновничья Самара проводила шумно и весело. В дворянском и коммерческом собраниях проходили балы, маскарады, любительские спектакли, концерты с участием хора и оркестра студентов в пользу малообеспеченных товарищей из Казанского и Московского университетов, в городском театре с успехом шла оперетка «Все мы жаждем любви», на катке играл духовой оркестр, в ресторанах устраивались грандиозные застолья.

Ульяновы устроили елку для Маняши, Мити и Жени, а сами взрослые уже не первый год — после потери отца и Саши — праздники проводили очень скромно, в семейном кругу.

Первый день нового года пришелся на понедельник, когда у ребят продолжались каникулы. Утро 1 января выдалось холодным — термометр показывал около 20 градусов мороза, а на улице было довольно ветрено. Поэтому Маняша, Митя и Женя больше развлекались «сидячими» играми и читали. А для взрослых этот день мало чем отличался от будней, был рабочим.

Трудно определенно сказать, подрабатывал ли в это время кто-нибудь из Ульяновых и Елизаровых частными уроками, но учеников, как и осенью, они по-прежнему настойчиво искали. Уже 4 января в «Самарской газете» вновь появилось знакомое нам объявление:

> Репетируют
> и дают уроки по всем предметам средних учебных заведений. Спросить Елизарова. Воскресенская ул., дом Каткова.

Что касается своих домашних учеников, то над Маняшей шефствовала Ольга, а Митю и Женю репетировали Марк Тимофеевич — по физике и математике и Владимир Ильич — по древним языкам, самым сложным в школьном курсе. Учиться в Самарской гимназии было нелегко.

В дополнение к обычным для всех классических гимназий недостаткам — господству зубрежки и муштры, засилью древних языков, отрыву изучаемого материала от потребностей реальной жизни — Самарская имела проблемы иного характера, особенно неприспособленность учебного помещения, снимаемого с 1861 года у купца Вощакина. За почти три десятилетия, прошедшие со дня основания гимназии, значительно возросло число ее воспитанников, а она по-прежнему ютилась в частном доме. Узкий и мрачный вход, полутемные шинельная и библиотека, тесный зал, где учеников собирали на ежедневную молитву и где нередко кому-то из мальчиков становилось дурно от спертого воздуха. В классах вместо минимально необходимой кубической сажени воздуха на ученика не приходилось и половины. Неудачно устроенные отхожие места усугубляли отвратительную атмосферу. В холодное же время года ребята простуживались от сквозняков. «Даже взрослые люди испыты-

вали на себе дурные стороны антигигиенического состояния такого здания гимназии, — рассказывал один из современников, — среди преподавателей укоренилось мнение, что дать четвертый и пятый урок — то же почти, что дать все пять уроков, настолько последние уроки... утомляют учеников»[4].

Немудрено, что после занятий в такой обстановке Митя и Женя нуждались в помощи и поддержке своих родных. Наблюдая, в каких условиях приходится заниматься брату, и сочувствуя ему, Владимир Ильич не мог не вспоминать просторных, светлых и удобных помещений Симбирской гимназии.

Вопрос о необходимости постройки своего учебного здания для единственного в губернии мужского среднего учебного заведения не раз поднимался в самарском обществе. Но правительство не выделяло средств, а городская дума и земства тоже не находили их, хотя тратили сотни тысяч на строительство театра, грандиозного собора, памятника Александру II.

Не лучшим образом относились власть имущие и к делу начального образования. Из заметки «Нужна ли земская школа сельских учительниц», появившейся 1 января в «Самарской газете», было видно, что в губернском земском собрании уже два года влиятельные гласные-дворяне настаивают на ликвидации этого заведения, готовившего учителей для обучения крестьянских детей. И это в то время, когда на селе так не хватало школ и учителей.

В самой Самаре действовало всего лишь 16 приходских училищ, причем почти половина из них ютилась в частных домах. Во всех училищах занималось 1666 мальчиков и девочек[5] — немногим больше, чем их было в 1887 году в Симбирске, а ведь по числу жителей Самара превосходила его в два с половиной раза. О скаредности самарских «отцов города», побивших рекорд в урезывании средств на школы среди соседних поволж-

ских городов, сообщала «Самарская газета» 17 августа 1889 года: если в Саратове в расчете на каждого жителя выделялось на нужды начального образования по 80 копеек, а в Симбирске — по 70, то в Казани и Самаре — только по 65 копеек в год.

В какой-то мере первоначальному обучению детей Самары могли помочь воскресные школы, в которых, кстати, хотели безвозмездно учительствовать Ольга Ульянова, Софья Португалова, Надежда Хардина, некоторые преподаватели гимназий. Однако правительство препятствовало этой общественной инициативе.

Позорным проявлением реакции являлись правительственные гонения на высшее женское образование. Девушек и прежде не принимали в университеты и институты, и, по существу, единственным университетом для них были петербургские Высшие (Бестужевские) женские курсы. Но с 1887 года прием и туда был прекращен.

Только спустя два года под давлением передовой общественности правительство вынужденно возобновило прием на Бестужевские курсы, но обставило его частоколом таких условий и ограничений, которые становились непреодолимой преградой для большинства желающих учиться.

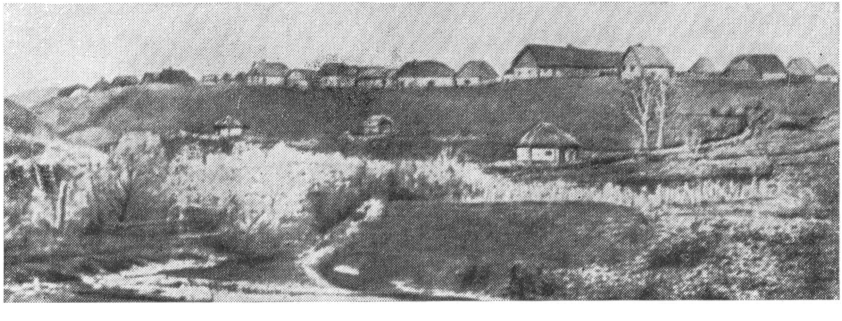
В самом деле, во «временном положении о высших женских курсах», опубликованном летом 1889 года и в «Самарской газете», особо подчеркивалось, что туда принимаются только «имеющие свидетельство, удостоверяющее о безбедном существовании», и представившие письменное согласие родителей или опекунов. Необходимо было и свидетельство о политической благонадежности. Слушательницы обязывались жить в общежитии курсов, уплачивая по 300 рублей за 10 учебных месяцев. Проживание в частных квартирах разрешалось только под личную ответственность директора. Комплект курсов определялся в 400 человек, считая и

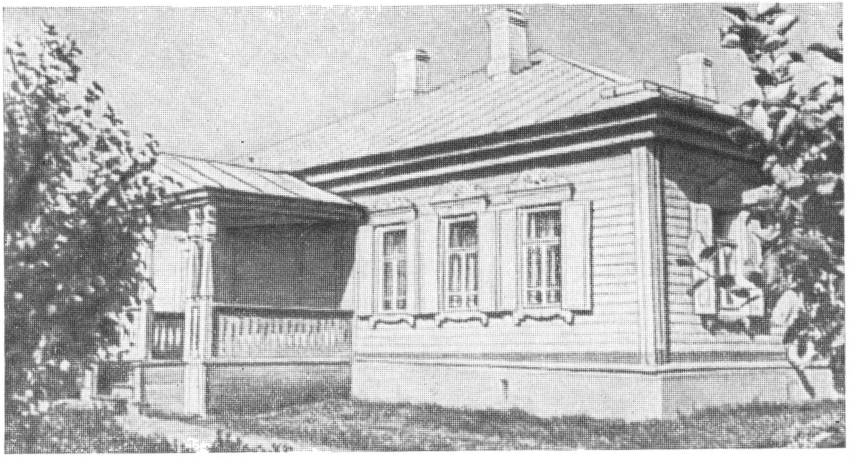
В. И. Ульянов. Самара. 1891 г.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
КАЗАНСКАГО
ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА.

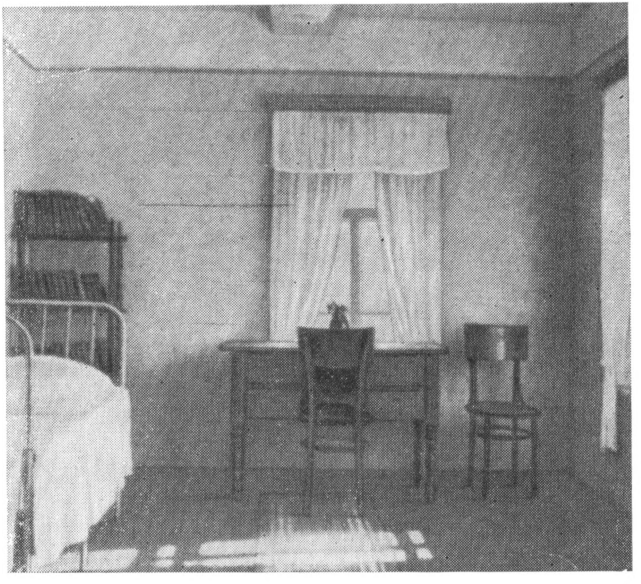
Сообщение казанского полицеймейстера самарскому уездному исправнику о переезде находящегося под негласным полицейским надзором В. И. Ульянова в Самарскую губернию.

Деревня Алакаевка Самарской губернии, близ которой находился хутор, где жила семья Ульяновых в летние месяцы 1889—1893 гг.





Дом Ульяновых
в Алакаевке.

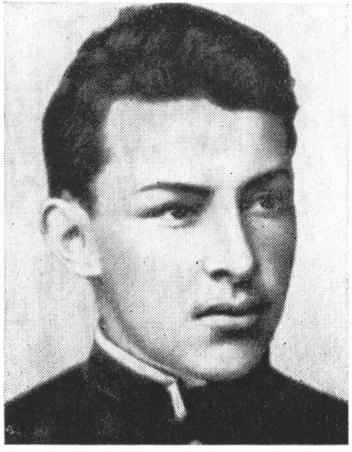


Комната
В. И. Ульянова
в алакаевском
доме.

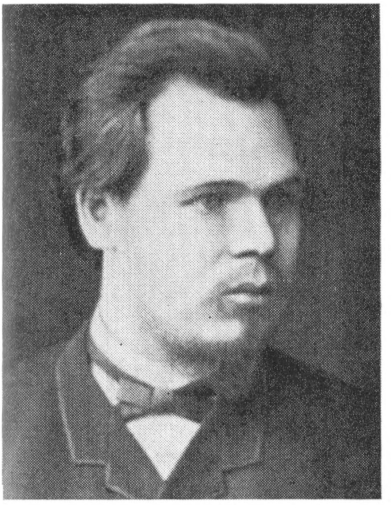
Мария Александровна Ульянова.

Дмитрий Ульянов.

Ольга Ульянова.

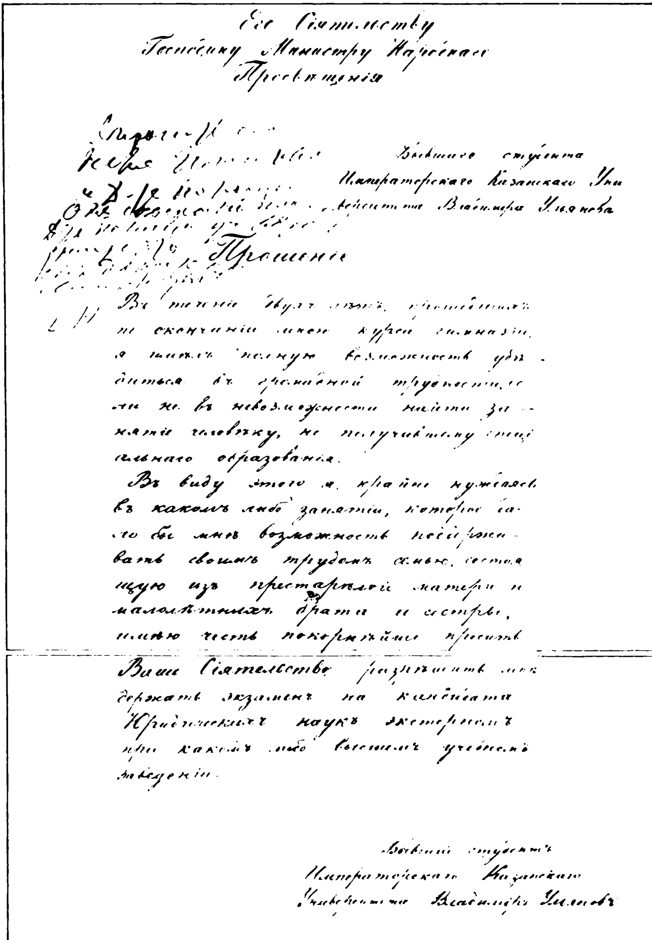


Мария Ульянова.



Анна Ильинична Ульянова-Елизарова.

Марк Тимофеевич Елизаров.



Его Сіятельству
Господину Министру Народнаго Просвѣщенія

Бывшаго студента Императорскаго Казанскаго Университета Владиміра Ульянова

Прошеніе

Въ теченіи двухъ лѣтъ, протекшихъ по окончаніи мною курса гимназіи, я имѣлъ полную возможность убѣдиться въ громадной трудности, если не въ невозможности найти занятія человѣку, не получившему спеціальнаго образованія.

Въ виду этого я, крайне нуждаясь въ какомъ либо занятіи, которое дало бы мнѣ возможность поддерживать своимъ трудомъ семью, состоящую изъ престарѣлой матери и малолѣтнихъ брата и сестры, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство разрѣшить мнѣ держать экзаменъ на кандидата юридическихъ наукъ экстерномъ при какомъ либо высшемъ учебномъ заведеніи.

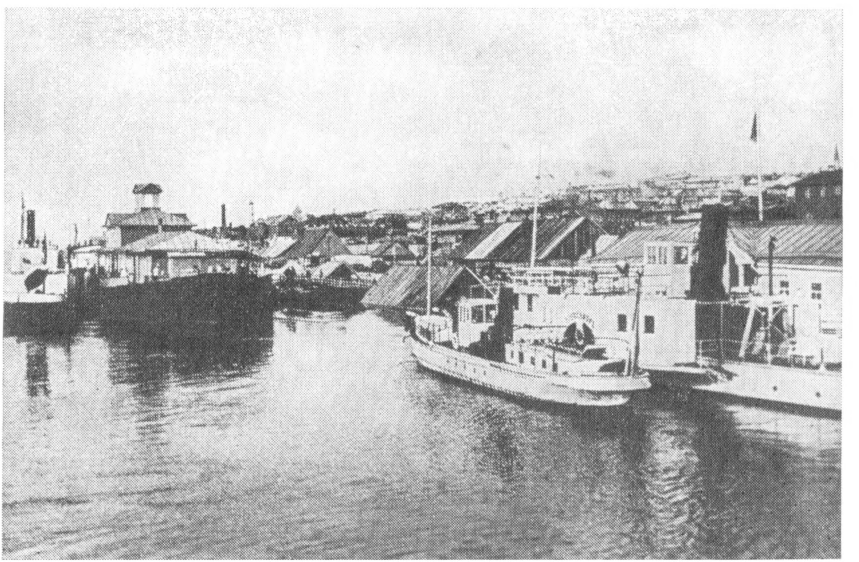
Бывшій студентъ Императорскаго Казанскаго Университета Владиміръ Ульяновъ

г. Самара. Октября 28 дня, 1889 года
Воскресенская улица, домъ Каткова

Прошение министру народного просвещения о разрешении держать экзамены экстерном при каком-либо высшем учебном заведении.

Дом Кулагина, в котором семья Ульяновых жила в октябре 1889 г. (ныне ул. Степана Разина, д. 10).

Самарская пристань. Вид с реки Волги.

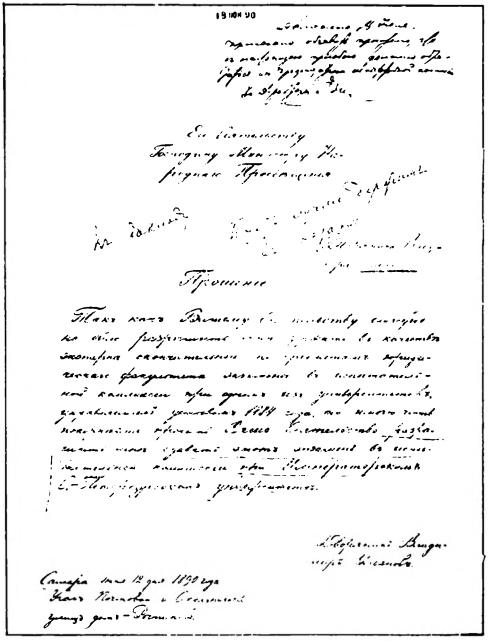


План г. Самары. Конец XIX в.

Дом Рытикова, в котором семья Ульяновых жила с мая 1890-го по август 1893 г. Ныне Дом-музей В. И. Ленина (ул. Ленинская, д. 135).

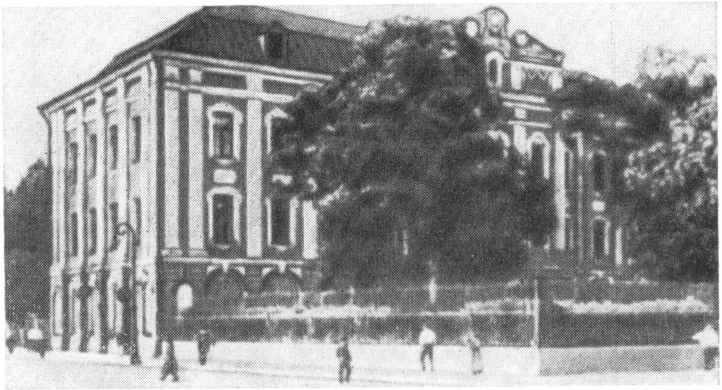
Комната В. И. Ульянова.

Здание Александровской библиотеки в Самаре, в которой занимался В. И. Ульянов в 1889—1893 гг.

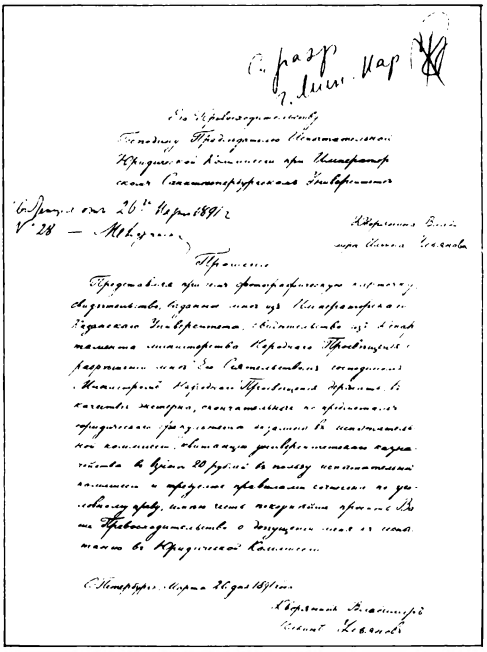


Прошение министру народного просвещения о разрешении держать экзамены экстерном при Петербургском университете.

Здание Самарского железнодорожного вокзала.



Здание Петербургского университета, в котором В. И. Ульянов держал экзамены экстерном.



Прошение председателю испытательной юридической комиссии при Петербургском университете о допущении к экзаменам.

СВИДѢТЕЛЬСТВО

на 1892 годъ.

Согласно состоявшемуся *двадцать третьяго Іюля* 1892 года постановленію Общаго Собранія отдѣленій Самарскаго Окружнаго Суда, выдано сіе свидѣтельство симъ Судомъ *Помощнику Присяжнаго Поверенного, дворянину, Владиміру Ильичу Ульянову* въ томъ, что ему, *Ульянову*, на основаніи 406 ст. Учреж. Суд. Уст. изд. по прод. 1886 года и 1104, 1110 и 111 ст. т. II. ч. I. Учреж. Общ. Суд. мѣстъ. изд. 1876 года, разрѣшается, ходатайствовать по чужимъ судебнымъ дѣламъ въ Самарскомъ Окружномъ Судѣ въ теченіи *сего* 1892 года.

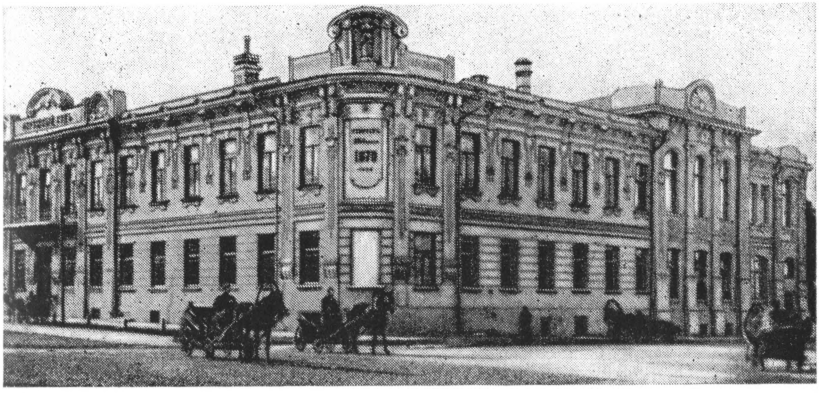
Іюля „*27*" дня 1892 года.

№ 1879

И. д. Предсѣдателя Самарскаго Окружнаго Суда [illegible]

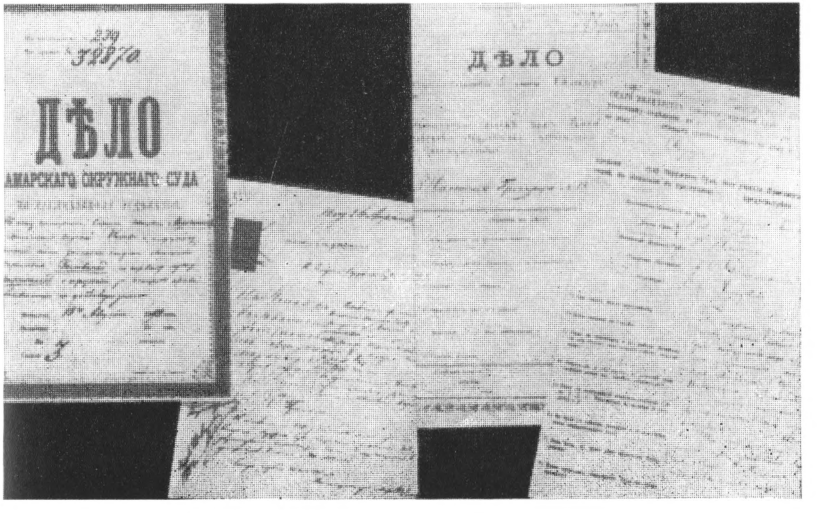
И. д. ~~Помощника~~ Секретаря [illegible]

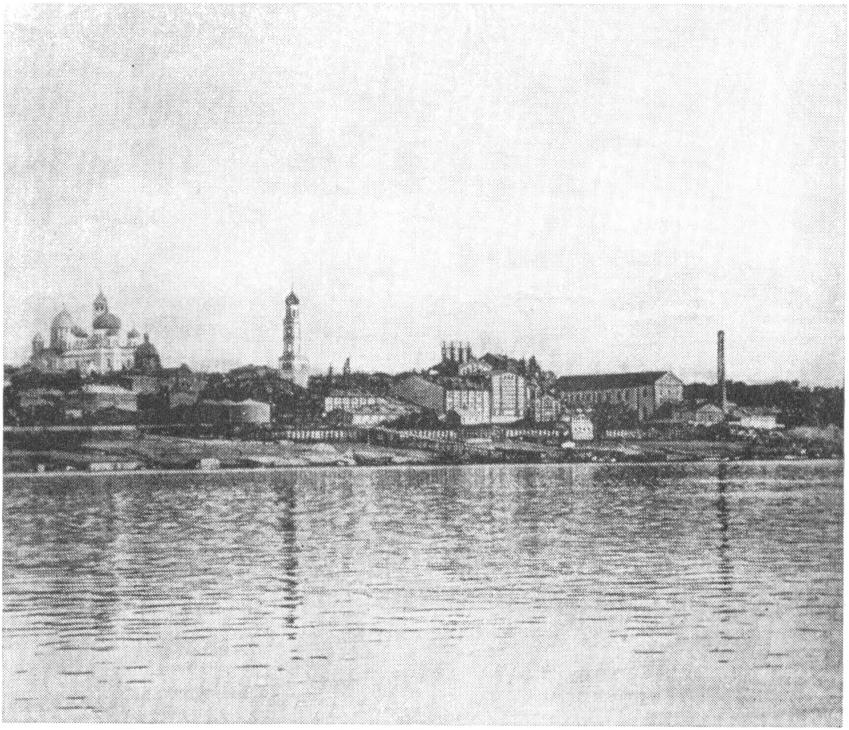
Свидетельство, выданное Самарским окружным судом В. И. Ульянову, на право ведения судебных дел в 1892 г.



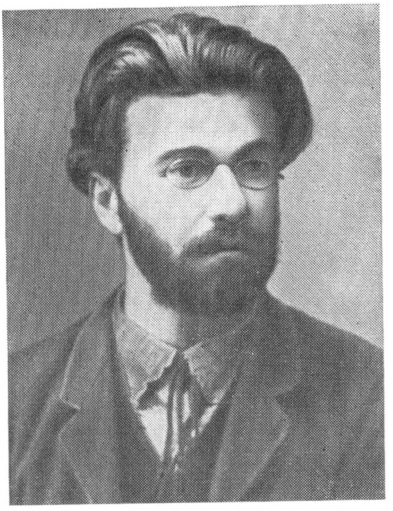
Здание окружного суда. Здесь В. И. Ульянов работал помощником присяжного поверенного с января 1892-го по август 1893 г.

Фотокопии судебных дел, по которым вел защиту В. И. Ульянов в Самарском окружном суде.





Вид на г. Самару с реки Волги.



Н. Е. Федосеев.

И. Х. Лалаянц.

А. П. Скляренко.

Новыя хозяйственныя движенія въ крестьянской жизни.

По поводу книги В.Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство»

I

Вышедшая въ прошломъ году книга В.Е. Постникова — "Южнорусское крестьянское хозяйство" (Москва, 1891 г. Стр. XXXII + 391) представляетъ изъ себя чрезвычайно подробное и обстоятельное описаніе крестьянскаго хозяйства въ губерніяхъ Таврической, Херсонской и Екатеринославской, преимущественно же въ материковыхъ (степныхъ) уѣздахъ Таврической губерніи. Описаніе это основано, во 1° — и главнымъ образомъ — на земско-статистическихъ изслѣдованіяхъ трехъ указанныхъ губерній; во 2°, на личныхъ наблюденіяхъ автора, пріобрѣтенныхъ имъ отчасти по долгу службы[1], от-

[1] Авторъ служилъ чиновникомъ по устройству крестьянскаго дѣла въ Таврической губерніи.

Первая страница рукописи «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни».

вольнослушательниц, допускаемых в количестве двух процентов от общего числа обучающихся. Курсы состояли из историко-филологического и физико-математического отделений с четырехлетним, как и в университетах, сроком обучения. Тем не менее они считались частным заведением, лишь находящимся в ведомстве министерства народного просвещения, и не давали выпускницам «никаких прав». Кроме платы за общежитие, полагалось ежегодно вносить и 100 рублей за обучение.

Как ни обременительны были эти условия, Ульяновы обрадовались открывшейся для Ольги возможности получить высшее образование, хотя мать и опасалась отпускать дочь, которой не исполнилось еще и 18 лет, одну в далекий Петербург и решила отложить ее отъезд до следующей осени.

Но уже 29 марта 1890 года Ольга Ильинична обратилась с прошением к самарскому губернатору о выдаче ей «свидетельства о благонадежности» для представления в высшее учебное заведение. Владимиру Ильичу было близко и понятно нетерпение сестры, и он с тревогой ожидал ответа властей, опасаясь, что на резолюцию может повлиять политическая репутация Александра, Анны и его самого...

2 апреля Ульяновы потеряли дорогого для себя человека — няню Варвару Григорьевну Сарбатову, которая, начиная с Володи, нянчила всех детей в семье. Давно подросли ее питомцы, но она, вдова-солдатка, оставалась настоящим членом семьи. Вместе со всеми переживала и оплакивала кончину Ильи Николаевича, гибель Саши, ссылку Ани, а затем арест и ссылку Володи. В свою очередь, дети, став уже взрослыми, продолжали относиться к ней с большим уважением и сердечностью. Надо ли говорить, что во всех хозяйственных делах няня была незаменимой помощницей матери.

Заболела Варвара Григорьевна за несколько дней до 1 апреля — дня именин Марии Александровны и

Маняши и, может быть впервые за многие годы, не смогла их порадовать своим пирогом. А на следующий день, как свидетельствует метрическая запись, она «умерла от старости, 72 лет». Похоронили ее Ульяновы 4 апреля на Всесвятском кладбище, том самом, где в декабре Владимир Ильич присутствовал в церкви на панихиде в память Н. Г. Чернышевского. Теплые воспоминания о простой, честной и доброй крестьянке, от которой, по свидетельству Н. К. Крупской, еще мальчиком много слышал о деревне и «которую он очень любил» [6], Владимир Ильич сохранит навсегда.

Как и предполагал Владимир Ильич, прошение сестры немало покочевало по канцеляриям, пока она дождалась вразумительного ответа. Самарский губернатор А. Д. Свербеев уклонился от решения, казалось бы, совершенно ясного вопроса и, решив застраховать себя, подключил к нему Петербург. Уведомляя департамент полиции о ходатайстве Ольги Ульяновой, он подчеркнул, что она находится во вверенном ему крае «всего несколько месяцев, ни в чем предосудительном и в политической неблагонадежности замечена не была, но живет вместе с сестрой Анной Елизаровой, состоящей под гласным надзором, и братом Владимиром Ульяновым, состоящим под негласным надзором полиции...» [7]. Департамент полиции не нашел формальной возможности чинить препятствие приезду Ольги Ульяновой в столицу и в ответном отношении самарскому губернатору распорядился так: «Выдать свидетельство, что ни к каким делам не привлекалась». В результате 27 апреля, почти через месяц, сестра Владимира Ильича получила «Свидетельство», но такое, в котором ручательства в ее политической благонадежности, по существу-то, и не содержалось... Однако и этот обтекаемый документ открывал ей возможность для поступления в высшее учебное заведение, чему Владимир Ильич не мог не порадоваться.

Когда наступила пора отправки всех необходимых документов на Бестужевские курсы, выяснилось, что Ольга не оставила мечты стать врачом, а так как в России это было невозможно, то она по-прежнему готовилась к поступлению на медицинский факультет Гельсингфорсского университета. Этим объяснялась ее упорная работа по овладению шведским языком (на котором там читались лекции), начавшаяся еще в Казани и продолжавшаяся в Самаре. Насколько страстной была эта мечта, видно из письма Ольги Ильиничны к симбирской подруге А. Щербо от 6 апреля 1889 года: «...когда я подумаю о том, что можно достигнуть, то чувствую, как будто у меня крылья вырастают» [8].

С того времени прошел ровно год, и мать втайне надеялась, что Ольга станет бестужевкой. Увы, получив «Свидетельство» от губернатора, она тут же сама сняла копии на шведском языке со своего гимназического аттестата и других документов, чтобы отправить их в Гельсингфорсский университет [9].

Владимир Ильич, судя по тем доверительным отношениям, которые с детства сложились между ним и его сестрой и подругой Ольгой, разделял ее намерения. Где-то в душе он, может быть, даже по-доброму завидовал тому, что у нее теперь имеется возможность выбора места учения. И глубоко переживал, что сам все никак не добьется права сдачи экстерном в любом из российских университетов. Мать он старался не тревожить своими грустными думами, но она сама понимала, что наступит момент, когда она должна предпринять какие-то решительные действия с устройством будущего и Ольги, и Владимира. Так родилась идея о поездке в Петербург. Но в оставшиеся дни до начала волжской навигации решено было найти для жилья более подходящую квартиру.

Брешь пробита

Близость дома Каткова к Волге с наступлением весеннего тепла была чревата новой вспышкой малярии в семье. Поэтому и пришлось искать жилье подальше от реки. Новую квартиру, уже четвертую за последние девять месяцев, Ульяновы и Елизаровы сняли в самом начале мая. На этот раз — в 3-й части, на восточной окраине города, в 98-м квартале, на углу Почтовой и Сокольничьей, в верхнем этаже деревянного дома купца И. А. Рытикова (ныне — ул. Ленинская, 135).

Максим Горький, хорошо знавший этот район Самары, описал его в одном из фельетонов довольно мрачно: «Улицы широки и прямы, но не мощены, грязны, изрыты колесами, дождями, свиньями, загрязнены обывателями, выносящими на них все негодное к употреблению... Дома — серые, сутулые, подслеповатые, сырые, пропитанные многой скорбью их жителей, изнывающих в заботах о куске хлеба...»[1] Атмосферу этого района отравляло расположенное внутри его, между Сокольничьей и Уральской улицами, большое овчинное производство Сидоровой. «Зловоние, распространяемое этим заводом, — писала «Самарская газета» 9 августа 1890 года, — так велико, что мимо него нельзя ни пройти, ни проехать, не зажавши носа». Многочисленные протесты жителей, требовавших привлечь Сидорову к ответственности за антисанитарию, ни к чему не привели, так как, отмечалось в газете, близкий ее родственник,— «человек влиятельный, ибо состоит гласным городской думы...». Хорошо еще, что на улице, возле дома Рытикова имелись узенькие деревянные тротуары и, хотя и не часто, стояли столбы с керосиновыми фонарями. Но для полноты картины замечу, что на первом этаже Рытиков торговал вином «на вынос». Немногими же достоинствами нового жилья являлись отдельный от хо-

зяина вход — со стороны Сокольничьей улицы да близость к железнодорожному вокзалу, с которого уходили поезда в Смышляевку. Главное же, что вынуждало многих съемщиков селиться здесь, — это относительная дешевизна жилья в этом районе.

И все-таки этот переезд необычен для Ульяновых. Ведь, живя в Казани, они каждый раз, уезжая на лето в Кокушкино, сдавали квартиру хозяину, чтобы не платить за нее хотя бы два-три месяца. Так они будут поступать и потом, живя в Москве. На сей же раз, буквально накануне переезда на лето в Алакаевку, снимается квартира, за которую надо отдавать чуть ли не половину всей пенсии, получаемой Марией Александровной на себя и младших детей. Чтобы решиться на это, нужно было иметь довольно веские причины. Какие именно?

Во-первых, наметился сдвиг к лучшему в положении Марка Тимофеевича. После ряда безуспешных попыток ему удалось устроиться помощником делопроизводителя Самарского управления государственных имуществ. Место это было более чем скромным для человека с университетским образованием, но, как говорится, лиха беда начало. Главное, он теперь имел твердый заработок. Жить он должен был в губернском городе и, следовательно, снимать здесь квартиру. Новое положение давало Марку Тимофеевичу и надежду на то, что ему в конце концов удастся выхлопотать для Анны Ильиничны досрочное освобождение от гласного надзора и право находиться по своему усмотрению то в Самаре, то в Алакаевке.

С другой стороны, постоянное жилье в городе было немалым удобством для всей семьи. Ведь ежегодный отказ весной от квартиры и наем новой осенью, после возвращения из Алакаевки, порождали бы массу хлопот с перевозкой туда и обратно рояля, мебели, одежды и других вещей, что тоже стоило денег. К тому же при наличии в городе постоянной квартиры больше шан-

сов найти уроки для заработка. Создавались благоприятные условия для пользования библиотеками и чтения юридической, социально-экономической и художественной литературы, свежих газет и журналов.

Вот почему, начиная с этого года, Ульяновы живут в Алакаевке только часть лета, а квартира в доме Рытикова станет для них на три с лишним года постоянным местом жительства.

Самую большую комнату отвели под гостиную-столовую. Справа от прихожей, в светлой комнате с двумя окнами во двор, разместились Мария Александровна с Ольгой и Маняшей. Две соседние комнатки заняли Анна Ильинична и Марк Тимофеевич. Далее, в комнатке с одним окном, выходившим на Почтовую улицу, поселился Владимир Ильич. Последнюю по коридору получили Митя и Женя Елизаров.

Едва устроившись на новой квартире, Мария Александровна решает отправиться в Петербург, чтобы добиться встречи с министром народного просвещения по делу о предоставлении сыну возможности закончить высшее образование, а заодно и уточнить условия поступления Ольги в высшее учебное заведение.

Чем вызвана столь поспешная поездка? Какую-то роль сыграло то обстоятельство, что в ночь на 4 мая в Астрахани (во время ревизии) скончался от апоплексического удара попечитель Казанского учебного округа П. Н. Масленников — тот самый начальник, который уже третий год препятствовал возвращению Владимира Ильича в Казанский университет. Узнав об этом из газет, Мария Александровна и сочла нужным поспешить в столицу, чтобы попытаться решить дело сына до назначения нового (неизвестно, каков он будет) попечителя округа.

Эта поездка приходилась на майские дни — дни памяти Саши, ставшие три года назад навсегда траурными для семьи. Мог ли Владимир Ильич в такое скорб-

ное время, особенно для матери, отправить ее одну в далекое путешествие для решения его дел? По моему твердому убеждению, нет: как любящий сын он должен был сопровождать ее до Петербурга или, по крайней мере, до Нижнего Новгорода, откуда начиналась железная дорога на Москву. По пути можно было навестить могилу отца, а в Казани — встретиться с родственниками и знакомыми. Владимиру Ильичу, остро переживавшему невозможность продолжать учебу в университете, уже утомленному за зиму интенсивными занятиями по программе юридического факультета и политическим самообразованием, такая прогулка по любимой Волге была очень кстати. Наконец, Петербург давно манил его к себе как центр освободительного движения, где в марксистских кружках велась разработка злободневных теоретических вопросов.

Однако в литературе почти три десятилетия, вплоть до недавнего времени, бытовало мнение, что именно в майские дни 1890 года Владимир Ильич с группой товарищей совершал полуразвлекательную «кругосветку» — путешествие на лодке по Волге и Усе вокруг Самарской луки. Это мнение основано прежде всего на воспоминаниях В. В. Адоратского и А. А. Белякова. В. В. Адоратский, восстанавливая по памяти свои беседы с В. И. Лениным в 1905 году, упомянул и о «кругосветке», якобы совершенной Владимиром Ильичем во время жизни в Самаре[2]. Очевидно, это был как раз тот случай, который имела в виду Анна Ильинична, делая примечание в брошюре И. И. Блюменталь «В. И. Ленин в Самаре»: «Неверно: такое «кругосветное» путешествие совершал Дмитрий Ильич; оно было, вообще, в обычае у самарской молодежи, и В[ладимир] И[льич] мог рассказывать о нем, но сам его не совершал»[3].

Предпринимал такое путешествие и А. А. Беляков. Вполне возможно, что вместе с ним катались на лодке по Волге и Самарке Владимир Ильич, Алексей Скля-

ренко, другие их знакомые. Но в 20-х годах, по-видимому, эти события представлялись А. Белякову уже как одна дальняя поездка. К тому же рукопись после смерти мемуариста подверглась серьезной редакционной переработке.

Память человека не способна удержать всех подробностей событий далекого прошлого. Да и сам А. Беляков в своих воспоминаниях несколько раз делает оговорки: «Насколько мне помнится», «утверждать категорически затрудняюсь» и т. д.

Тем не менее он не только указал точное время «кругосветки», в которой принимал участие и Владимир Ильич, — 8—11 мая 1890 года, но и подробно описал это путешествие, вплоть до красочной картины прекрасной погоды каждого из четырех дней. Указанные им даты названы, очевидно, после ознакомления с полицейско-жандармскими документами, свидетельствовавшими об отъезде Владимира Ильича в эти майские дни 1890 года из Самары.

Проверяя эти воспоминания как исторический источник, я установил, что некоторые лица, которых А. Беляков включил в состав участников «кругосветки», не были в то время в Самаре. Описание погоды в воспоминаниях противоречит данным, запрошенным мною в архиве Куйбышевского гидрометеорологического центра. Так, о 8 мая 1890 года — дне начала «кругосветки» — Беляков писал: «Погода была изумительная: тихое, солнечное, ясное майское утро, на небе ни облачка, в воздухе не чувствовалось даже обычного утреннего ветерка»[4], тогда как 5—10 мая, как это видно из журнала наблюдений Самарской метеостанции, каждый день шел дождь, небо было устлано кучевыми или дождевыми облаками, а скорость ветра колебалась от 2 до 7 метров в секунду. Все это убедительно свидетельствует о верности заявления Анны Ильиничны.

Возвращаясь к поездке Владимира Ильича, необхо-

димо учесть следующее. Владимир Ильич сделал все возможное, чтобы эта его поездка прошла не замеченной для «стражей порядка». Навыки искусной конспирации он приобрел еще в Казани, где именно благодаря этому, кровно необходимому для революционера качеству сумел избежать кары за участие в кружке «вредного направления» (сыгравшем важную роль в подготовке сходки-демонстрации 4 декабря 1887 года), а затем — уцелеть и при разгроме жандармами летом 1889 года федосеевского кружка, в котором тоже состоял.

Водил он «за нос» полицейских служителей и в Алакаевке, и в Самаре. Поэтому их донесения поступали к властям с опозданием и страдали неопределенностями и неточностями. Это хорошо видно из жандармско-полицейской переписки весны 1890 года.

Так, начальник Самарского губернского жандармского управления полковник Сердюков 14 мая уведомил самарского полицмейстера, что «Владимир Ульянов еще 9 сего мая выехал из Самары», и, недовольный тем, что полиция до сих пор не донесла об отлучке важного поднадзорного, потребовал произвести негласное дознание «для выяснения нового местожительства Ульянова...»[5].

«Негласно» — значит, тайно для лица, о котором производится дознание. Полиция должна была выяснить детали не у родных Владимира Ильича, а у дворника, хозяина или «благонамеренных» соседей. Поэтому донесение пристава 3-й части от 18 мая полицмейстеру не отличается уверенностью: «Владимир Ульянов живет в доме Рытикова, что по Сокольничьей * улице, Ульянов *дней шесть* тому назад выехал в С.-Петербург»[6]. (Выделено мной. — *Ж. Т.*).

Откуда пристав мог почерпнуть такие неопределен-

---

* В документе ошибочно написано: «Соловьиной».

ные сведения? Разумеется, не от своих подчиненных, так как если бы они сами уследили за Ульяновым, то своевременно сообщили бы своему начальнику об отъезде важного поднадзорного. Только Ульяновы или Елизаровы могли сказать (когда 18 мая к ним обратились с вопросом дворник или хозяин), что Владимир Ильич поехал в Петербург сопровождать мать. Но в интересах безопасности о времени отъезда сообщили неопределенно: «дней шесть тому назад», сознательно преуменьшив на несколько дней время его отсутствия. На самом же деле Владимир Ильич к этому времени уже находился в пути домой.

Понимая, что они прозевали поездку Ульянова, самарские власти действовали очень неуверенно. Полицмейстер еще 19 мая донес губернатору о случившемся, а тот целых четыре дня раздумывал, как поступить, и только 23-го числа, словно для очистки совести, сообщил о В. Ульянове петербургскому градоначальнику[7]. А генерал-лейтенант П. А. Грессер, который в 1887 году занимался делом Александра Ульянова, в свою очередь, почти месяц молчал и, наконец, 25 июня, когда Владимир Ульянов давно уже возвратился из поездки, ответил, что тот «по настоящее время в С.-Петербург не прибывал»[8].

Ответ петербургского градоначальника основывался лишь на том, что Владимир Ильич не отмечался в гостиницах или полицейских частях. Но он ведь вполне мог жить вместе с матерью у Песковских (в семье своей двоюродной сестры), а столичная охранка этого не заметила, ибо донесение из Самары поступило с большим опозданием.

Итак, судя по жандармско-полицейским документам, Владимир Ильич находился вне Самары и Алакаевки, по крайней мере, с 9 по 23 мая. На самом деле он исчез из поля зрения охранителей несколькими днями раньше. Да и в Самаре он появился тоже незаметно и, воз-

можно, раньше, чем 23 мая. Это можно предположить, учитывая рапорт пристава 3-й части самарскому полицмейстеру от 27 мая, в котором сообщалось, что «Владимир Ульянов... 10 дней (т. е. с 17 по 27 мая. — *Ж. Т.*) ни в чем предосудительном замечен не был, ранее до этого времени Ульянов проживал в 1 части г. Самары»[9]. Указанные же 10 дней нельзя воспринимать как точный срок. Ведь тот же пристав 18 мая уже доносил полицмейстеру о выезде Владимира Ульянова «дней шесть тому назад в С.-Петербург».

Как бы то ни было, но самарские охранители проморгали поездку Владимира Ульянова, а когда узнали, что он и в столице не был обнаружен, то сделали вид, что поднадзорный находился в мае в Самаре или Алакаевке. Именно поэтому майская поездка в Петербург в 1890 году осталась не замеченной и исследователями — биографами В. И. Ленина.

О пребывании Владимира Ильича в Петербурге нам совершенно ничего не известно. Что касается Марии Александровны, то документы свидетельствуют о ее решительных и энергичных действиях. 12 мая она обращается к директору департамента полиции с просьбой разрешить сыну Владимиру поступить в один из университетов или держать экстерном государственные экзамены[10]. А 17 мая она лично вручила министру народного просвещения графу Делянову прошение, в котором говорилось: «Мучительно больно смотреть на сына, как бесплодно уходят самые лучшие его годы для высшего образования. Не будучи в состоянии переносить этой нравственной боли, я и утруждаю Ваше Сиятельство покорнейшею просьбой разрешить сыну моему поступить в какой-либо из русских университетов или, в крайнем случае, допустить его держать выпускной государственный экзамен по юридическому факультету, т. е. на степень кандидата. Я тем настойчивее прошу Ваше Сиятельство снять с моего сына так долго уже лежащую на нем кару, что кара эта, вообще, не позво-

ляет ему, как человеку, принадлежащему к кругу исключительно интеллектуальных работников, найти какое бы то ни было даже частное занятие, не позволяет, значит, ни к чему приложить своих сил. Такое бесцельное существование, без всякого дела, не может не оказывать самого пагубного нравственного влияния на молодого человека, — почти неизбежно должно наталкивать его на мысль даже о самоубийстве» [11].

Драматический тон, которым было окрашено это прошение, на этот раз возымел действие. Министерство, словно устыдившись трехлетнего преследования студента Владимира Ульянова, пообещало удовлетворить ходатайство матери.

Во время пребывания в столице Мария Александровна выяснила, что для учения в Гельсингфорсском университете необходимо знать не только шведский, но и финский язык. Следовательно, Ольга будет поступать на Бестужевские курсы. Уточнив детали оформления документов и условия проживания на курсах, Владимир Ильич с матерью возвращаются в 20-х числах домой — на поезде через Москву до Нижнего Новгорода и затем по Волге в Самару.

Дома их встретили неожиданные неприятности. Еще в начале мая Анна Ильинична, нуждавшаяся в лечении кумысом, обратилась к губернатору с просьбой разрешить ей выехать на лето в Алакаевку. Тот сделал запрос в департамент полиции и одновременно предложил полицмейстеру собрать сведения о поведении гласноподнадзорной. Полицмейстер перепоручил это задание приставу 1-й части, но так как Ульяновы уже жили в доме Рытикова, тот переслал запрос приставу 3-й части. Последний 20 мая донес полицмейстеру, что «...Елизарова за время проживания в 3-й части ни в чем предосудительном замечена не была» [12]. Но и после этого губернатор не дал разрешения на отъезд в Алакаевку, ожидая ответа на свой запрос из Петербурга.

Пока продолжались эти бюрократические игры, Уль-

яновы вынуждены были ожидать в Самаре их исхода. Анна Ильинична пошла на прием к вице-губернатору, и тот заявил, что с его стороны нет препятствий к ее отъезду, но требуется некоторое время для выправления бумаг. Дальнейший ход событий виден из объяснений, взятых у Анны Ильиничны приставом 2-го стана Самарского уезда А. В. Арефьевым: «Прождав до 6-го июня его (вице-губернатора. — *Ж. Т.*) письменного разрешения и не получая его, я решила, что таковое пошлется прямо к господину приставу, — вследствие чего, а также вынужденная расстроенным здоровьем, требовавшим моего немедленного отъезда из города Самары, — я и выбыла в д. Алакаевку, где и живу безотлучно с 6-го июня сего года» [13].

Можно представить, как возмущал Владимира Ильича этот гнетущий полицейский надзор над сестрой, не совершившей никакого государственного преступления. Марк Тимофеевич, конечно не без его ведома, обратился в департамент полиции с просьбой о беспрепятственных переездах для жены в Алакаевку и обратно в город, но оттуда ответили, что она «каждый раз должна испрашивать в министерстве внутренних дел разрешение на отлучку в Алакаевку» [14]. За последний же переезд в деревню земский начальник 6-го участка Самарского уезда оштрафовал ее на 25 рублей.

В разгар этой истории Владимир Ильич получил из самарского полицейского управления уведомление департамента министерства народного просвещения о том, что министр Делянов разрешил ему «держать в качестве экстерна окончательные по предметам юридического факультета экзамены в испытательной комиссии при одном из университетов, управляемых уставом 1884 года» [15].

Казалось, наконец-то брешь пробита, остается лишь определить университет, где сдавать экзамены. Владимир Ильич остановился на Петербургском, хотя это и вызывало тяжелые мысли. В то же время Ольга посту-

пит на Бестужевские курсы, так что они будут рядом. 12 июня Владимир Ильич пишет прошение министру народного просвещения, в котором твердо заявляет о своем желании «держать в качестве экстерна окончательные по предметам юридического факультета экзамены» в испытательной комиссии при Петербургском университете [16]. На этом прошении появились две резолюции, свидетельствовавшие о колебаниях руководства министерства просвещения по вопросу о том, где же позволить В. Ульянову сдавать экзамены. Первая из них гласила: «Пусть лучше держит в Казани». Но кто-то вспомнил о его революционных связях в этом городе, и вторая резолюция предлагала заявителю обратиться со своей просьбой к председателю испытательной комиссии Петербургского университета [17].

Параллельно с этой перепиской шла другая — по линии министерства внутренних дел. В связи с запросом департамента полиции самарские жандармы и полицейские подытоживают результаты своих наблюдений за В. Ульяновым. Суть их выразилась в том, что он «вел знакомство с лицами сомнительной благонадежности», да и сам является человеком «подозрительным в политическом отношении, требует наблюдений» [18]. Поскольку Владимир Ильич все же не был замечен в каких-либо конкретных противозаконных поступках, то департамент полиции счел возможным сообщить Марии Александровне, в ответ на ее прошение, что не возражает против окончания Владимиром Ульяновым «прерванного образования в одном из университетов империи» и что ему следует обратиться с прошением в один из университетов, а «в случае запроса со стороны последнего департаментом полиции будет дан соответствующий отзыв» [19].

Вот теперь можно было считать вопрос о сдаче экстерном экзаменов, по существу, решенным и отправиться в деревню, где уже находилась вся семья.

Зеленый кабинет

Этим летом в алакаевском доме Ульяновых сложилась особенно благоприятная обстановка для самообразования и творческой работы. Ольга, хотя и поступала на физико-математический факультет Бестужевских курсов, параллельно готовила себя и к возможному в ближайшем будущем переходу на медицинские курсы, все еще лелея мечту о профессии земского врача. В то же время она по-прежнему проявляла живейший интерес к проблемам начальной школы и при случае пошла бы туда преподавать. Продолжала она и переводы со шведского и английского языков, надеясь поместить их в печати, а полученными гонорарами снизить расходы матери на свое содержание в Петербурге.

Старшая сестра Владимира Ильича, серьезно занимавшаяся переводами с итальянского и французского еще в Кокушкине и Казани, за зиму жизни в Самаре подготовила к печати две работы. Первая из них, статья «Школа декадентов во французской литературе», появилась 25 апреля в казанском «Волжском вестнике». Из предисловия к статье видно, что Анна Ильинична была хорошо осведомлена о новейших литературных течениях и считала необходимым высказать свое отрицательное мнение о входящем в моду декадентстве, с его упадничеством и индивидуализмом:

«Русская публика имеет самое смутное представление о новом направлении во французской поэзии, а именно о школе декадентов. Многие склонны видеть в этом направлении даже нечто передовое, что не худо бы перенять и нам, как например, думает герой г. Боборыкина Ермилов, в романе «На ущербе». Ввиду этого не мешает ознакомиться нашим читателям с этим направлением по статье о нем Луи де Фаржа в одном из номеров «Reone Bleue» за нынешний год».

Вторая работа, несравненно большая по объему, —

это перевод нашумевшего в Европе романа прогрессивной итальянской писательницы Нееры (псевдоним Анны Цукари) «Завтра», с которым русский читатель еще не был знаком. Объясняя мотивы, побудившие ее взяться за перевод именно этого романа, Анна Ильинична подчеркивала в предисловии, что близкие для всех и каждого вопросы любви, семейных отношений и положения женщины в семье освещаются пером умного и талантливого автора так, что трудно не согласиться с его основной идеей: гармония духовная между мужем и женой — непременное условие семейного счастья. «Теперь этой гармонии нет, — продолжала Анна Ильинична, — или она существует для немногих, но мы верим, что в будущем она — для всех. Этой верой в будущее, в прогресс, создаваемый усилиями всего человечества, проникнут весь роман Нееры...» [1]

Наблюдая, с каким воодушевлением старшая сестра работала над переводами, Владимир Ильич радовался ее творческому подъему и не мог не испытывать чувства глубокого удовлетворения результатом ее упорного труда. Ведь каких-нибудь четыре года назад он помогал ей сдать экзамен по-латыни за Бестужевские курсы, а теперь — впору самому брать у нее уроки итальянского языка. В свою очередь, для Анны Ильиничны брат являлся большим авторитетом и при выборе предмета перевода, и как первый читатель и критик очередных глав ее рукописи.

Перевод сестры начал печататься в «Самарской газете» 22 июля 1890 года, но с самого начала неравномерно, с интервалами по нескольку дней. Естественно, что Владимир Ильич внимательно просматривал и те «подвалы» первой и второй страниц, где вместо «Завтра» зачастили перепечатки из «Одесского листка» пространных «Бесед высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского», которые кто-то из сильных мира сего усиленно проталкивал в светскую периодику.

Уже первая беседа Никанора не могла не заинтересовать: он довольно едко и остроумно разобрал статью князя Мещерского в его газете «Гражданин», где тот утверждал, что покойный Н. Г. Чернышевский уже в стенах Саратовской духовной семинарии набрался «той духовной сажи», которая при первом же соприкосновении с тогдашней литературной средой воспламенила в его душе «пожар самого сильного либерализма». Никанор, возглавлявший в 1854—1864 годах Саратовскую семинарию, хорошо знал семью Чернышевских и считал, что именно ее светское «либеральное направление», а не семинария, сыграло роковую роль в духовном развитии будущего писателя.

Разоблачив утверждения «Гражданина» в отношении бурсацкого происхождения атеизма и нигилизма Н. Г. Чернышевского, Никанор нелицеприятно отозвался «о дворянских доблестях», о которых так «громозвучно трубит» Мещерский. Дворянство, у которого и по освобождении крестьян в 1861 году оставалось громадное достояние и господствующее положение в государстве, по словам архиепископа, не смогло приложить к делу ум и знание. Зато оно безумно тратит капиталы на различные прихоти, вроде отправки белья на стирку в Париж, а родовые имения попадают в руки торгашей. Невольно приходит мысль, заключает Никанор, «что тут творится что-то недобровещее, что российское дворянство прогневало Господа Бога»[2].

Нечто сказанное в этой «беседе» о молодом Чернышевском даже для Владимира Ильича было новым. Наверное, не без удовольствия он прочел и о позорном разложении дворянства, которому царь именно в 1889—1890 годах путем введения института земских начальников старался обеспечить главенствующую роль во всех сферах государственной и общественной жизни.

В следующей беседе архиепископ обрушился с нападками на «Крейцерову сонату» Л. Толстого, которая,

оставаясь запрещенной, получила широкое распространение в публике в литографированном виде. Святейший синод в это время всерьез подумывал об отлучении великого писателя от церкви, и Никанор, выполняя задание своего начальства, обвинил Л. Толстого в таких тяжких преступлениях, как измена коренным основам «не только православной христианской веры, но и всякой религии» и даже «коренным основам общественного и государственного порядка».

Сокрушаясь над тем, что «Крейцерова соната» влияет на умы интеллигенции «не слабее, по меньшей мере того, как в свою пору повлияло пресловутое «Что делать?» (Н. Г. Чернышевского. — *Ж. Т.*), хотя по духу и направлению эти два произведения только отчасти сходны, большею же частью противоположны», архиепископ изложил далее взгляды Л. Толстого: «Исходит он из своего основного воззрения, что религия пала и не встанет, не может встать; что Бога и бессмертия нет и быть не может; Христос не воскресал и не учил о воскресении. Поэтому нужно человечеству устроиться и устроить свою семейную жизнь на этой основе, без религии, без Бога, без Христа Бога, однако же на основании Христова, хотя и исправленного Толстым, Евангелия... Брак в наше время — обман и насилие, лицемерие и ложь»[3].

Вот в такой обстановке — острой борьбы за умы и души людей — появление в «Самарской газете» прогрессивного романа «Завтра» в переводе Анны Ульяновой объективно было направлено против господствующих ханжеских религиозных устоев и торгашеской буржуазной морали.

...У каждого из Ульяновых в саду было любимое место для занятий. Ольга обычно устраивалась возле высокого старого клена. Анне пришлась по душе березовая аллейка. В северо-западном углу сада, в конце старой липовой аллеи, где сходившиеся друг к другу верхушки деревьев образовывали нечто вроде купола, Вла-

димир Ильич устроил себе настоящий рабочий кабинет, вкопав в землю деревянный столик и скамью.

Приходил он сюда обычно около девяти часов утра с книгами и тетрадями и работал до двух часов дня. Невдалеке от столика очень скоро появилась дорожка, по которой Владимир Ильич ходил, обдумывая властно захватившие его ум и душу строки из «Капитала», «Манифеста Коммунистической партии», «Положения рабочего класса в Англии», «К критике политической экономии», других трудов К. Маркса и Ф. Энгельса. А Марксову «Нищету философии» на французском он читал вместе с Ольгой. По его совету сестра начала переводить с немецкого популярную брошюру К. Каутского «Экономическое учение Карла Маркса». В утренние, самые напряженные часы умственной работы Владимир Ильич отрывался и для занятий с Маняшей немецким и французским языками.

Само собой разумеется, что Владимир Ильич внимательно просматривал прибывавшие из города с оказией «Самарскую газету», «Самарский вестник» и «Русские ведомости» (эту московскую газету в Симбирске регулярно выписывал на дом отец, а в Казани он сам), а также свежие номера столичных журналов и делал из них необходимые выписки.

Жизнь в деревне давала широкую возможность общения с природой, которую он очень любил, и самым большим удовольствием и отдыхом для него было хождение по лесной глухомани и купание в пруду. Не оставлял он и давней, еще с детства, привычки заниматься гимнастикой. Невдалеке от рабочего столика в саду он устроил рэк, то есть турник, из хорошо оструганной кленовой палки-перекладины, укрепленной на двух саженных столбах. Об упорстве, с которым он отрабатывал довольно сложные упражнения, Дмитрий Ильич потом восхищенно и в подробностях рассказывал так:

«Небольшой прыжок... Хватает палку руками, под-

тягивается на мускулах, забрасывает ноги вперед и ложится на палку животом. Затем усаживается и приступает к различным упражнениям. Один номер — влезать на рэк не животом, а спиной — долго ему не давался. Нужно было видеть, с какой настойчивостью он много раз, но безуспешно пытался проделать его! Наконец однажды с торжеством и лукавой улыбкой он говорит мне: «Пойдем на рэк, вчера вечером и сегодня утром я наконец сбалансировал. Гляди!» И трудный номер удается вполне: Владимир Ильич, тяжело дыша, с довольным лицом сидит на рэке. Номер состоял в том, чтобы, подтянувшись и повиснув на коленках, продвигаться вперед сначала бедрами, а потом спиной, не теряя равновесия, и затем сесть. Мне эта штука так и не далась...» [4].

В послеобеденные часы Владимир Ильич часто снова сидел в своем зеленом кабинете, но уже за беллетристикой, иногда вместе с Ольгой — читали Глеба Успенского, других популярных авторов. А после ужина (балакирь молока на всех и серый пшеничный хлеб) усаживались с книгами все вместе, на крыльце, за столом с керосиновой лампой. Анна Ильинична так описала в стихах эту типичную картину:

Ночь давно уж, все-то дремлет,
Все кругом молчит.
Мрак ночной поля объемлет,
И деревня спит.
Под покровом темной тучки
Спряталась луна.
Нет и звездочек, порой лишь
Чуть блеснет одна.
В хуторке лишь, на крылечке,
Светит огонек,
И за чтением серьезный
Собрался кружок.
Все сидят, уткнувшись в книги,
Строго все молчат,
Хоть Манюшины глазенки
Больно спать хотят [5].

В часы досуга в доме звучала музыка. Она всегда была неотъемлемой частью их духовной жизни. Владимир Ильич любил слушать игру матери и Ольги на рояле и петь под их аккомпанемент. Иногда пел вместе с Ольгой дуэтом, например, «Нелюдимо наше море» на слова поэта-земляка Н. М. Языкова. Пел воодушевленно, вкладывая в слова оптимистической концовки песни как бы свой глубокий смысл:

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья! Бурей полный,
Прям и крепок парус мой!

Любил он и «Свадьбу» Даргомыжского:

Нас венчали не в церкви,
Не в венцах, не с свечами;
Нам не пели ни гимнов,
Ни обрядов венчальных!
Венчала нас полночь средь мрачного бора!

Была в его репертуаре и песня: «Так и рвется душа из груди молодой, просит воли она, просит жизни другой». «Далее в песне оказывалось, — вспоминал Дмитрий Ильич, — что «воля и другая жизнь» — это сидеть вместе с милым дружком и т. д. и т. п. Владимир Ильич смеялся: «Вон, оказывается, куда душа-то рвется!» Но, как говорится, из песни слова не выкинешь. Пелось ведь не для этого, не только для слов. Пелось потому, что душа его действительно рвалась к другой жизни. Пела. Но не изнывала, не грустила. У Владимира Ильича я почти не помню в пении минора. Наоборот, у него всегда звучали отвага, удаль, высокий подъем, призыв!» [6]

Невольно вкладывал Владимир Ильич частицу своего боевого духа и в арию Валентина из «Фауста» Ш. Гуно «Бог всесильный, бог любви...», которую запомнил еще в Казани:

Там, в кровавой борьбе, в час сраженья,
Клянусь, буду первым я в первых рядах...

Однажды Ольга закончила свою игру на рояле исполнением «Марсельезы», гимна французских борцов против монархической тирании. Митя подбежал и попросил повторить. Впоследствии он вспоминал этот момент: «Вдруг неожиданно, так как это было утром, когда Владимир Ильич не отрывался обычно от книг, он подошел к нам и сказал, что надо спеть «Интернационал». Они вместе стали подбирать на рояле новую для меня песню, а затем тихо петь по-французски» [7].

Вот в таком настроении Владимир Ильич напутствовал Ольгу, провожая ее в конце июля на волжской пристани Самары в Петербург. Выехала она за месяц до начала занятий, но ему было понятно нетерпение сестры: она ждала этого момента после окончания гимназии целых три года! К тому же на Бестужевских курсах два года вообще не было приема, и, кто знает, хватит ли мест для всех желающих...

Отправляя Ольгу, старшие брат и сестра не могли не предупредить ее, что столичная охранка обязательно будет интересоваться ею, как сестрой революционера, казненного за покушение на жизнь царя, поэтому необходима осторожность в заведении знакомств и в переписке. Прежде всего ей следовало положиться на свою двоюродную сестру Екатерину Ивановну (урожденную Веретенникову) и ее мужа, известного либерального публициста, Матвея Леонтьевича Песковского, которые после ареста Александра и Анны 1 марта 1887 года как могли помогали Марии Александровне в самое тяжкое для нее время. Анна Ильинична посоветовала Ольге познакомиться со своими бывшими приятельницами по учебе на Бестужевских курсах — В. Г. Колодезниковой и Л. В. Винберг.

Разлука родных с Ольгой обещала быть долгой, почти на год. Ведь у нее был такой же твердый характер, как и у Александра, который не считал себя вправе об-

ременять семейный бюджет довольно значительными дорожными расходами ради нескольких дней свидания на зимних каникулах. И только Владимир Ильич мог, в полном смысле слова, сказать Ольге: «До скорого свидания», потому что в 20-х числах августа он тоже отправится в Петербург. Надо было самому уточнить все о предстоящих уже весной экзаменах в университете да запастись недостающими учебниками и пособиями. Что-то можно было приобрести во время кратковременной остановки в Казани, где на юридическом факультете занимались бывшие соученики по Симбирской гимназии. Но главное — литографированные тексты лекций профессоров Петербургского университета, по материалам которых и производились экзамены экстернов. Их можно было достать только в столице.

Удачная поездка

На примере майской поездки Владимир Ильич убедился, что при соблюдении некоторых мер конспирации можно ускользнуть из Самары незаметно для «стражей порядка». И на сей раз он постарался, чтобы отъезд остался для них неизвестным, хотя бы на некоторое время. 19 августа Владимир Ильич выехал из Алакаевки так, как будто отправляется в самую обычную поездку в Самару, а через несколько дней, неприметно для соседей, отплыл пароходом вверх по Волге.

Самарские жандармы не зафиксировали этого, а их казанские коллеги, не получившие предостерегающего уведомления, узнали сами о приезде негласноподнадзорного. 27 августа полицмейстер сообщил рапортом своему губернатору: «Вчерашнего числа прибыл в г. Казань и остановился в номерах сибирских быв. студент

Казанского университета Владимир Ильин Ульянов, исключенный из числа студентов за участие в беспорядках, происшедших в здании университета 4 декабря 1887 года. Вследствие чего, учредив за означенным Ульяновым негласный полицейский надзор, имею честь донести об этом Вашему Превосходительству» [1].

Где бывал Владимир Ильич в августе и с кем встречался, из полицейских документов не видно. Но жандармов заинтересовал тот факт, что почти в одно время с Владимиром Ульяновым в «Сибирских номерах» поселился другой негласноподнадзорный Самарской губернии крестьянин Андрей Аладьин — один из членов земледельческой народнической коммуны, существовавшей в имении К. М. Сибирякова незадолго до приезда Ульяновых в Алакаевку [2]. Однако охранке не удалось установить какой-либо конкретной связи между этими двумя поднадзорными.

4-го числа казанский полицмейстер донес губернатору, что В. И. Ульянов «1 сего сентября выехал из Казани обратно, в г. Симбирск», а затем сообщил об этом также начальнику Казанского губернского жандармского управления (ГЖУ) и симбирскому полицмейстеру [3]. Владимир Ильич, как видим, регистрируясь в «Сибирских номерах», заявил портье, что прибыл не из Самары, а из Симбирска. И он не очень погрешил против истины, так как пароход делал остановку в Симбирске, что дало ему возможность побывать на родной земле. Но, покидая Казань, опять-таки из конспиративных соображений, назвал Симбирск местом своего жительства.

Маневр удался как нельзя лучше, и властям Симбирска и Самары было над чем поломать головы: Владимир Ульянов выбыл из Казани, а в их краях не появился и через полмесяца. Из завязавшейся оживленной переписки между самарскими жандармами, полицейскими и губернатором видно, что упущения в слежке за под-

надзорными уездным полицейским приставам Соколову и Богатыреву не прошли даром: им были сделаны строгие «внушения с предупреждением», а сельские урядники Ролдугин и Власов «за недостаточно внимательное наблюдение за лицами, состоящими под надзором полиции», были подвергнуты самарским уездным исправником «аресту на два дня каждый»[4]. Но этими карающими мерами дела уже не исправить, и самарской полиции ничего не оставалось, как обратиться с расспросами к... Анне Ильиничне Ульяновой-Елизаровой. Только после этого, уже 5 октября, пристав 3-й части Самары смог доложить полицмейстеру, что «быв. студент Казанского университета Владимир Ильин Ульянов, по объяснению Елизаровой, находится в С.-Петербурге, где должен пробыть не менее трех месяцев»[5].

Полицмейстер, как положено, доложил об этом губернатору и начальнику ГЖУ, а те — своим коллегам в столицу. Однако петербургский градоначальник генерал-лейтенант П. А. Грессер, словно наказывая молчанием провинциалов, уже второй раз прозевавших отъезд важного поднадзорного в столицу, только 31 октября соизволил оповестить самарского губернатора, что «Владимир Ильин Ульянов выбыл 24 числа текущего месяца из Петербурга обратно в г. Самару»[6].

Это уведомление поступило в Самару числа 4 ноября, то есть дней через пять-шесть после того, как Владимир Ильич сюда уже приплыл волжским пароходом. Вот так получилось, что во время этой поездки, а затем и в течение 50-дневного пребывания в столице, он благодаря мерам конспирации, по существу, оказался вне поля зрения ищеек всех рангов. Этому способствовали и родные Ильича, в том числе находившаяся в Петербурге Ольга Ильинична. Казалось бы, кто-кто, а она просто должна была в письмах к домашним в Самару сообщать, где остановился Владимир Ильич, чем он занимается, когда собирается отбыть назад и т. п. Но она, тоже строго конспирируя, в письме к старшей

сестре Анне от 26 сентября, когда брат давно уже находился в Петербурге, упомянула о нем лишь в таком отвлекающем контексте: «Познакомилась я у В-б с В. В. В; он говорит, что писал Марку об экзаменах в юридическую комиссию и, кажется, не советовал Володе ехать»[7].

Если бы это письмо и попало в руки жандармов, то они, возможно, и смогли установить, что «В-б» — это хорошо знакомая Анне Ульяновой по Петербургу семья Винбергов, а под литерами «В.В.В.» подразумевается В. В. Водовозов — сын известной детской писательницы Е. Н. Водовозовой, близкий знакомый Александра, Анны Ульяновых и М. Т. Елизарова, недавно прибывший из архангельской ссылки для сдачи экстерном экзаменов в университет на степень кандидата юридических наук. Все это представляло интерес для жандармов, но в данный момент они были озабочены поисками местонахождения Владимира Ульянова, а он, судя по письму его сестры Ольги, в столицу еще и не выезжал.

Только месяц спустя, 26 октября, когда Владимир Ильич уже возвращался в Самару, Ольга Ильинична в очередном письме к сестре Анне упомянула о брате: «Володя, теперь уже верно приехавший, вам расскажет... о чем бы интересно сообщить». А чуть ниже добавила: «Скажи Володе, что я получила свои кофточки и «Завтра» и благодарю его. Пошлю ему книжку, которую *он здесь оставил,* дня через два[8]». (Выделено мной. — *Ж. Т.*).

До сих пор неизвестно, где в Петербурге проживал Владимир Ильич в этот приезд. Наречие «здесь» в процитированном письме позволяет полагать, что Владимир Ильич останавливался у кого-то из двоюродных родственников: у Веретенниковых или у В. Ардашева. Скорее всего именно у них, он мог оставить вещи, которые Ольга Ильинична получила после его отъезда. Если бы вещи и книгу Владимир Ильич оставил в комнате

Ольги, проживавшей в общежитии Бестужевских курсов, то она бы так и написала. Что касается романа «Завтра», перевод которого продолжал печататься в «Самарской газете», то имеется в виду полный экземпляр рукописи. Владимир Ильич привез его для того, чтобы Ольга Ильинична пристроила «Завтра» в журнал «Русское богатство» или какой-нибудь другой столичный орган. А «книжка», которую оставил Владимир Ильич, — это, возможно, «Теория статистики» Ю. Э. Янсона (2-е изд. Спб., 1887). В верхнем углу обложки — надпись владельца: «18$\frac{19}{x}$90. В. Ульянов». Это говорит о том, что книга приобретена в Петербурге и предназначена для его личной библиотеки[9]. Покупка этой книги у столичного букиниста сделана не случайно: это было лучшее русское руководство, удостоенное премии Академии наук и весьма нужное Владимиру Ильичу для предстоящего экзамена по статистике.

В конце октября Владимир Ильич был уже дома, в Самаре. Но жандармы не заметили его возвращения, и только в середине ноября им стало известно, что пропавший поднадзорный отыскался[10]. У Владимира Ильича были все основания быть довольным этой поездкой в Петербург. Уточнено все, что нужно, о предстоящих экзаменах в юридической комиссии, приобретены некоторые учебники и пособия. Он своими глазами убедился, что Ольга живет в сносных условиях, вошла в ритм учебных занятий на Бестужевских курсах, приобрела знакомых, которые радушно ее принимают у себя дома. И, что очень важно, договорился с сестрой о том, какие книги (по составленному им «реестрику») и где именно следует доставать, а затем и пересылать ему в Самару.

Из писем Ольги Ильиничны видно, что Владимир Ильич во время пребывания в столице завязал деловые отношения со своим тезкой, ровесником и двоюродным братом Владимиром Александровичем Ардашевым, недавно перешедшим из Казанского университета на юри-

дический факультет Петербургского. Примечательно, что Владимир Ильич счел возможным оставить своему кузену книгу К. Каутского «Экономическое учение Карла Маркса» на немецком языке издания 1887 года. Ольга Ильинична скептически отнеслась к тому, что В. Ардашев сумеет одолеть столь серьезную книгу, да еще не на родном языке, и в декабре писала в связи с этим Владимиру Ильичу: «Я тебе говорила, что он Каутского читать не станет, а ты ему дал, а я от него не добьюсь» [11]. Надо думать, что Ольга Ильинична имела основания для своих суждений относительно возможностей или желания двоюродного брата переводить столь сложный труд, но для нас более важным является сам факт передачи ему Владимиром Ильичем книги Каутского: он и во время кратковременного пребывания в Петербурге пропагандировал основы экономического учения К. Маркса.

Письма родных из Самары в Петербург не сохранились, за исключением одного письма Маняши от 7 ноября 1890 года. В нем, как бы отчитываясь перед Ольгой, как своей учительницей, двенадцатилетняя сестренка сообщала о своих гимназических делах, о появлении в их комнате клетки с чижиком, которого подарил Марк Тимофеевич, о намерении сходить с Аней в зверинец, недавно приехавший в город. В конце же письма — сведения, касающиеся всей семьи: «Мы подписываемся в библиотеке на 4 книги, и ходят в нее обыкновенно Марк или Аня» [12].

Имелась в виду Александровская публичная библиотека, в которой Ульяновы и Елизаровы брали книги. Почему в начале ноября в библиотеку ходили «обыкновенно Марк или Аня»? Наверное, это были те дни, к которым относится указание Дмитрия Ильича, что в доме Рытикова «Владимир Ильич болел тифом сравнительно в легкой форме, очевидно так называемым теперь паратифом, помнится, осенью 1890 года» [13].

Подтверждением тому, что его болезнь была в «легкой форме» и особенно не помешала его занятиям, является Ольгино письмо старшей сестре из Петербурга от 11 декабря. Высказав подозрение, что не все письма доходят до родных, она заявила: «...я вовсе не так уж редко пишу вам, а теперь из Володиного письма заключаю, что мама одного моего письма не получила: в него была вложена маленькая записочка Володе, где В. В. (Бартенев. — *Ж. Т.*) отметил, какие книги дает и на какой срок одну из них. Неужели это письмо пропало? — Странно; но Володя пишет: пришли мне реестр. Уж, видно, придется еще раз составить этот реестр, а для этого опять обращаться к В. В.» [14].

Как видно, Владимир Ильич в начале декабря работал над присланной из Петербурга юридической литературой и уточнял у сестры контрольные сроки возвращения тех или иных книг. Его реестры, к сожалению, не сохранились. Но из тех отрывков, что дошли до нас в записи Ольги Ильиничны, видно, насколько обширным и разнообразным был круг их литературных интересов [15].

Невозможно точно определить, что именно Ольга Ильинична внесла в эти списки лично для себя, а что — для Владимира Ильича и других родных. Но, учитывая ее стремление стать врачом, а также программу обучения на Бестужевских курсах, можно выделить естественнонаучную литературу, которую Ольга Ильинична наметила для своего чтения. Среди них значились: «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова, «Общая физиология души» А. И. Герцена, «Факторы органической эволюции» К. А. Тимирязева, «Основные понятия химии» А. М. Бутлерова, «Небесные светила», «История неба» и «Воздушные путешествия» К. Фламмариона, «Общепонятная астрономия», «Гром и молния» и «Популярные беседы о научных предметах» Д. Араго, «Происхождение человека» Ч. Дарвина, «Ан-

тропология. Первобытная культура» Э. Тейлора, «Основания биологии» Г. Спенсера, «Лекции по зоологии» П. Бера, «Наследственность» и «Психология внимания» А. Рибо, «Гениальность и помешательство» Ч. Ламброзо и другие труды известных русских и западноевропейских авторов.

Судя по конспектам, письмам и запросам Ольги Ильиничны, можно сказать, что из книг по истории и философии она читала «Боярскую думу в древней Руси» В. О. Ключевского, «Историю Греции», двухтомную «Историю Пелопоннесской войны» Фукидида, «Историю цивилизации в Англии» и «Влияние женщин на успехи знания» Т. Бокля, «Историю умственного развития в Европе» Ф. Гизо, «Генрих IV» Ж. Мишле, «Историю 18 и 19 веков» Ф. Шлоссера, «Подчинение женщин», «Рассуждения и исследования» и «Автобиографию» Д. Милля, «Мир, как воля и представление» А. Шопенгауэра, а также сочинения В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Д. Байрона.

Учитывая тот большой интерес, который проявляла передовая общественность к 100-летию Великой французской революции 1789—1793 годов, можно предположить, что Ольга Ильинична взяла на заметку книги о ней не только для себя. Это были на русском языке: первый том «Истории французской революции» публициста и философа Т. Карлейля, «История французской революции» немецкого либерально-буржуазного историка Л. Гейсера, а также одноименные труды на языке оригинала французских историков «Z. B.» и Ж. Минье. В расчете на всех взрослых членов семьи были и такие книги, как «Последние произведения Л. Т[олстого]» С. С. Громеки, «Вопросы жизни» Н. И. Пирогова, «Байрон» и «Новые веяния» Г. Брандеса, «Эмилия» Ж.-Ж. Руссо (на французском языке), «Общественное движение при Александре I» А. Н. Пыпина и «Пессимизм в XIX веке» Е. Каро.

Но в реестрах есть и немало такой литературы, которая предназначалась именно для Владимира Ильича или преимущественно для него: «История русского права» и «Вече и князь. Русское государственное устройство во времена князей Рюриковичей» В. И. Сергеевича, «История русской жизни с древнейших времен» И. Е. Забелина, «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева. Эти труды входили в обязательный список, по которому готовились экстерны к сдаче экзаменов за юридический факультет университета. А вот ряд книг понадобился Владимиру Ильичу уже в связи с самостоятельным углубленным изучением крестьянского вопроса: «Землевладение и землеведение» А. И. Васильчикова, «Народная терминология и понятие о земельной общине» Ф. А. Щербины, «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» М. М. Ковалевского, «Казенные крестьяне при Екатерине II» В. И. Семевского, «Очерк истории сельской общины на севере России» П. А. Соколовского, «Сборник статистических сведений по Московской губернии» П. А. Орлова, «Экономическая ответственность предпринимателей» В. Г. Яроцкого.

Явно для занятий по собственной программе Владимира Ильича предназначались и «Судьбы капитализма» В. В. (В. П. Воронцова), «Что такое прогресс?», «Прудон и Белинский», «Теория Дарвина и общественная наука», «Что такое счастье?», «Герои и толпа» и другие статьи Н. К. Михайловского, «Синтез учений экономической политики» И. И. Иванюкова, «Очерки по некоторым вопросам политической экономии» (на английском языке) и «Основания политической экономии» Д. Милля, «Опыт о богатстве народов» А. Смита, «Наука и работники» Ф. Лассаля, «Давид Рикардо и Карл Маркс» Н. И. Зибера. В записях Ольги Ильиничны фигурируют «Капитал» и «Нищета философии» К. Маркса, «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса, «Экономическое учение Карла Маркса» К. Каутского,

но это скорее всего — для себя, ибо брат давно уже изучил их.

Этот перечень литературы из реестров Ольги Ильиничны можно было бы продолжить, но и приведенное выше красноречиво свидетельствует о далеко идущих планах обогащения своей памяти знанием тех богатств, которые выработало человечество.

1891 ГОД

Весенняя сессия

Во время последнего пребывания в Петербурге Владимир Ильич уточнил, что все экзамены придется сдавать в мае будущего года. По старому, заведенному еще в гимназические времена правилу он начал подготовку с самого сложного предмета — уголовного права и уголовного судопроизводства. Готовился по учебникам профессора И. Я. Фойницкого: «Курс уголовного права. Часть особенная» (1890), «Курс уголовного судопроизводства» (1884) и «Учение о наказании в связи с тюремоведением» (1889). Какую-то из этих книг Владимир Ильич взял в Петербурге у В. В. Бартенева, и, как это видно из письма Ольги Ильиничны, которое пришло в Самару под Новый год, ее нужно было возвратить владельцу через две-три недели. В этом же письме сестра сообщила важную новость: «На твое счастье экзамены разложены на весну и на осень; но думаю, что ты будешь часть экзаменов сдавать весной, так что приедешь сюда в начале мая» [1].

Сдача экзаменов в два приема хотя и отдаляла срок получения диплома, зато облегчала задачу. На весну выносились: энциклопедия и философия права, история русского права, русское государственное право, полити-

ческая экономия и статистика, римское право (общая часть), а также сочинение по одному из этих предметов. Иными словами, в мае Владимиру Ильичу предстояло сдать экзамены за два курса университета. В дополнение к этому он решает представить весной еще и письменное сочинение по уголовному праву, хотя экзамен по этому предмету будет приниматься осенью.

В первом же послании Ольге он отправляет уже отработанную книгу Н. С. Таганцева для возврата ее в букинистический магазин и просит приобрести «Курс русского уголовного права» того же автора, а также одну из работ правоведа Н. М. Коркунова. Одновременно Владимир Ильич просит сестру уточнить сроки подачи документов в испытательную комиссию университета.

Ольга, как всегда, быстро и аккуратно постаралась сделать все, что было возможно, но таганцевский «Курс» уже был распродан, а литографированные лекции Коркунова по уголовному праву, которые он издавал для студентов, еще не вышли в свет. «Относительно подачи прошения и пр., — сообщала она 20 января 1891 года, — будет публикация в газетах в свое время». И, намекая на то, что у нее, помимо учебных, есть и другие интересующие его новости, она добавила: «Интересно бы поговорить по всяким «вопросам», да как-то не клеится в письме. Постараюсь как-нибудь в другой раз, а там, может, ты к концу апреля будешь здесь» [2].

Ольге самой предстояло весной держать экзамены за первый курс, которые она мечтала сдать уже к началу мая. Однако она успевала заниматься переводами с английского и шведского, подрабатывала у какого-то доктора в качестве помощницы, штудировала серьезную литературу, ходила по редакциям с рукописями старшей сестры и ее мужа, играла популярного Бетховена для подруг-бестужевок, подбирала книги для Владимира и ноты для Маняши, интересовалась общественной

жизнью Самары и все еще мечтала (тем более что прошел слух о скором открытии в Петербурге медицинских курсов) о получении специальности врача...

Умственная работа Владимира Ильича не ограничивалась только подготовкой к экзаменам. Он упорно продолжал углубленное изучение обширной социально-экономической литературы, внимательно следил за газетами и журналами, вникал во все злободневные вопросы общественной жизни. Но шахматами уже, конечно, так не увлекался, как, скажем, в первую самарскую зиму.

Предположение Ольги о скором появлении в печати подробностей о порядке сдачи экзаменов в испытательных комиссиях подтвердилось. А в февральском номере «Журнала министерства народного просвещения» появились «Правила, требования и программы испытаний в комиссии юридической». Одновременно эти «Правила» в виде брошюры на 27 страницах появились в книжных магазинах Самары. Владимир Ильич, конечно, приобрел их и изучил каждую строчку.

В «Правилах» указывалось, что испытательные комиссии создаются министерским приказом в каждом университете и состоят из председателя и пяти членов. Для производства испытаний экстернов-юристов председатель создает пять экзаменационных комитетов из числа университетских преподавателей и приглашенных специалистов: по римскому праву, по гражданскому праву и процессу, по уголовному праву и процессу, по церковному и международному праву, по финансовому и полицейскому праву. Торговое право принимается в одном из этих пяти комитетов.

Желающие подвергнуться испытаниям представляют председателю комиссии прошение о допуске к экзамену, фотографическую карточку, свидетельство из полиции о безупречном поведении, сочинение на избранную тему и квитанцию университетского казначейства об уплате 20 рублей за право сдачи экзаменов [3].

К середине марта Владимир Ильич завершил теоретическую часть подготовки к экзаменам, а также курсовое сочинение по уголовному праву. Сфотографировавшись в фотоателье И. А. Шарыгина, он получает свои визитные фотокарточки, необходимые для представления в комиссию вместе с прошением.

Ольга была в курсе приготовлений брата к отъезду в Петербург и 16 марта писала матери с нескрываемой радостью: «Вероятно, Володя скоро уже приедет сюда. Поджидаю его» [4]. А через пять дней уже настойчиво-нетерпеливо: «...советую Володе нашему немедленно ехать сюда, так как экзамены начинаются 4-го апреля и может выйти очень неудобно для него, если он приедет позже, чем бы надо. Так как то письмо было написано мною в субботу, то, следовательно, вчера вы его получили и вчера же или сегодня утром Володя мог выехать сюда. Во всяком случае, думаю видеть его в субботу (24 марта. — *Ж. Т.*), а вместе с тем узнать побольше о всех вас» [5].

Эти расчеты оправдались: утром 21-го числа Владимир Ильич выехал поездом из Самары в Москву, а в субботу вечером, 24-го, он в приподнятом настроении сошел на перрон Николаевского вокзала Петербурга, где его с восторгом встречала любимая сестра. Он привез ей гостинцы от родных, ее фотоальбом, карточки отца и матери, «Полный курс физики с кратким обзором метеорологических явлений» А. Гано — словом, все, что она просила в последних письмах. И конечно, поведал о домашних новостях и событиях в жизни Самары.

26 марта Владимир Ильич подал прошение на имя председателя испытательной юридической комиссии при университете о допущении его держать, «в качестве экстерна, окончательные по предметам юридического факультета экзамены» [6] и приложил все необходимые документы. Адрес на прошении не указан, и поэтому можно полагать, что первые дни он гостил у Песковских

или у кого-то из своих двоюродных братьев — Владимира Ардашева или Александра Веретенникова, приехавших из Казани учиться в университете и Институте инженеров транспорта. Наверное, они и помогли подыскать подходящее жилье — недорогое и невдалеке от библиотек университета и Академии наук — в квартире 47 дома № 12 по Тучковой набережной (ныне — Адмирала Макарова, 20).

29-го числа Ольга побывала у брата и в первом же письме к матери сообщила все новости из его жизни: «Комната, которую он снял, мне нравится; особенно хорошо для него, мне кажется, то, что в квартире его тихо, так что ему удобно будет заниматься. Он, вероятно, уже писал тебе, что прошение его было принято (да и сейчас еще секретарь принимает прошения) и что хотя срок на подготовку к экзаменам сокращен, но требования, по-видимому, не особенно велики, так что он надеется, что успеет подготовиться. Вероятно, писал также, что обедать ходит в нормальную столовую. Больше, кажется, ничего о нем сказать не могу. Передала ему третьего дня твою записку и книжку, которую прислал Марк» [7].

Владимир Ильич, конечно же, и сам уже отправил домой полное оптимизма письмо, чтобы мать меньше волновалась о нем. Ее беспокоил не только исход экзаменов: она знала, что после недавно перенесенного тифа и нескольких месяцев напряженнейшей работы он, в дополнение ко всему больной гастритом, был на пределе своих физических сил.

Зато он был готов к предстоящим испытаниям. За оставшуюся неделю до экзаменов (по семи предметам, за каких-нибудь двадцать дней) он собирался еще просмотреть некоторые курсы лекций, читавшихся столичными профессорами, да проверить свою готовность по предметным программам.

Владимир Ильич заметил, что в этом году к экзаменам было допущено еще несколько «бывших студен-

тов». Правительство дало им возможность завершить высшее образование, в надежде на то, что после приобретения дипломов они «облагоразумятся» и станут лояльными чиновниками. Для экзаменов всех групп экстернов был отведен малый конференц-зал Академии наук (Университетская набережная, 5). Первый экзамен — по истории русского права и государственному праву — Владимир Ильич сдавал 4 или 5 апреля комитету, состоящему из весьма известных ученых во главе с деканом юридического факультета профессором Василием Ивановичем Сергеевичем. Ему не было еще и 60 лет, а он уже почти два десятилетия руководил кафедрой государственного права столичного университета, и его труды, созданные не без влияния сравнительно-исторического метода Конта, Милля и Льюиса, давно стали настольными книгами юристов России. Идя на экзамен, Владимир Ильич был знаком, по крайней мере, с двумя книгами Сергеевича: «Вече и князь» и «Лекции и исследования по истории русского права» (1883). И поэтому знал, что Сергеевич, не в пример многим народникам, отвергал теорию самобытности исторического развития России и находил в ней немало общего с историей других европейских государств. На экзамене этот маститый либерально-буржуазный профессор создавал непринужденную обстановку и к бывшим участникам студенческих беспорядков относился довольно лояльно.

Под стать Сергеевичу был 45-летний профессор Федор Федорович Мартенс — доктор международного права, президент европейского института международного права, один из авторитетнейших третейских судей в международных спорах, автор капитального труда «Современное международное право цивилизованных народов» (1882). Самым молодым экзаменатором комитета был Николай Михайлович Коркунов — автор «Лекций по общей теории права» (1886), по которым и готовился Владимир Ильич. Знаком он был и с кор-

куновским «Сравнительным очерком государственного права иностранных государств» (1890), а также его статьями, публиковавшимися в «Юридической летописи». И хотя Н. М. Коркунов еще не был ни доктором наук, ни профессором, его слово на экзамене было очень весомым.

Отчитываться перед такими знатоками было не так-то просто. Этим объясняется, что некоторые экстерны, чьи фамилии уже были внесены в ведомости, так и не явились на экзамены. Другие же мечтали получить заветную «удочку» (оценки выставлялись по трехбалльной системе: весьма удовлетворительно, удовлетворительно и неудовлетворительно). Владимир Ильич, тщательно проштудировавший всю литературу, был готов к любым самым каверзным вопросам.

В билете, который достался ему, первым был вопрос по истории русского права: «Несвободные». Кому-то он может показаться не таким уж трудным, так как о различных формах и степенях зависимости холопов говорилось и в гимназических учебниках. Но в юридической комиссии следовало рассказать не только о времени появления и источниках пополнения челяди (пленение, покупка, рождение «от челяди», самопродажа, продажа за долги), но и об отражении их подневольного положения в законодательстве, начиная от «Русской правды» XI века и до Судебника 1497 года, а также о слиянии различных категорий несвободных (дворовой челяди, смердов, рядовичей, обельных холопов, закупов) и об образовании из них крепостных крестьян. И конечно, каждый экстерн должен был показать знание юридической литературы по этой проблеме, особенно трудов В. И. Сергеевича — «Лекций и исследований по древней истории русского права» и 1-го тома «Древностей русского права».

По государственному праву на долю Владимира Ильича достался вопрос «Сословные учреждения». В ходе подготовки к экзаменам он, безусловно, пользо-

вался трехтомником А. Д. Градовского «Начало русского государственного права» и его лекций «О сословных учреждениях и местном самоуправлении». На основании этих трудов, а также «Жалованной грамоты городам» и «Жалованной грамоты дворянству» Екатерины II и следовало говорить о привилегированных сословиях (дворянстве и духовенстве), податных (гильдейском купечестве, мещанстве и крестьянстве) и их учреждениях.

Впрочем, о подлинных тяготах низших сословий Владимир Ильич знал еще из горьких рассказов отца, родившегося в семье бывшего крепостного, с трудом приписавшегося к астраханскому мещанскому обществу. С лихвой хватало и собственных наблюдений за жизнью городской бедноты Симбирска, Казани, Самары и крестьян Кокушкина и Алакаевки. Материал для раздумий поставляла и демократическая публицистика — начиная со статей Чернышевского в «Современнике» и кончая новейшими очерками Г. И. Успенского и Н. В. Шелгунова. Что же касается будущности сословий, то Градовский еще в 1880 году на страницах столичного «Голоса» писал о них как об отживших свой век и ратовал за всестороннее развитие бессословных земских учреждений. Вышедшее же в 1890 году «Положение о земских начальниках» показало бессмысленность подобных мечтаний в самодержавном государстве.

На экзамене Владимир Ильич не имел реальной возможности излагать свое резко отрицательное отношение к самому факту существования сословных учреждений и вынужден был рассказывать о них в соответствии с программой курса и официальной интерпретацией этого вопроса. Но наступит желанное время, и он даст настоящий ответ, подписав 10 (23) ноября 1917 года «Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов»...

По обоим предметам комитет оценил познания Владимира Ульянова высшим баллом — «весьма удовлетво-

рительно». Таких оценок удостоились немногие, большинство же довольствовалось «удочками», а некоторые испытали горечь, получив «неуд».

Первой разделила радость успехов брата Ольга Ильинична и, стараясь рассеять опасения матери, в полушутливой форме, но с нескрываемой гордостью сообщала 8 апреля домой в Самару:

«Мне кажется, дорогая мамочка, что ты напрасно беспокоишься, что он надорвет здоровье. Во-первых, Володя олицетворенное благоразумие, а, во-вторых, экзамены оказываются очень легкими. Он уже сдал 2 предмета и из обоих получил по 5. В субботу (экзамен у него был в пятницу) он отдыхал: утром ходил на Невский, а после обеда пришел ко мне, и мы ходили с ним гулять по набережной Невы — смотрели на ледоход; затем он отправился к П[есков]ским.

Ночей не спать он не будет, так как это совершенно лишнее: все равно голова не может работать в течение 24 часов, так что отдых необходим. Обедать он ходит каждый день, — следовательно, прогуливается» [8].

Из конспиративных соображений Ольга Ильинична не пишет о многом, весьма важном, что еще происходило в эти апрельские дни в жизни брата. Например, что он встречался с преподавателем Технологического института Л. Ю. Явейном [9], лично знакомым с Ф. Энгельсом и В. Либкнехтом, и получил от него «Анти-Дюринг» Энгельса, номера органа германской социал-демократии «Новое время», другую литературу. Умолчала она и о том, что сама интересуется политической литературой и что среди бестужевок пытается создать кружок по изучению марксистской теории; или, что одной из первых поставила свою подпись на приветственном адресе курсисток больному Н. В. Шелгунову, в котором они горячо благодарили писателя-демократа за его произведения, возбуждающие общественную мысль и звучащие «как неустанное искание истины во имя любви к Родине, ко всему человечеству» [10]. Владимир Ильич сам

питал теплые чувства к личности и творчеству Н. В. Шелгунова и был, безусловно, доволен тем, что сестра приняла участие в публичном выражении симпатий к опальному публицисту.

Смерть Оли

Пятидневное «окно» после второго экзамена дало Владимиру Ильичу желанную передышку, а главное, подарило радость встреч с Олей. Он всегда ощущал необходимость в общении с ней и скучал, если несколько дней ее не видел. Прогулки и беседы с Олей, которая всегда и во всем понимала его с полуслова, дали новый импульс его деловому настрою. Торопясь поскорее разделаться с экзаменами, чтобы как можно раньше поехать домой, сестра досрочно сдала богословие, а 1 апреля получила высший балл и по аналитической геометрии. Владимир Ильич был доволен ее успехами, но они не были неожиданностью: такие результаты для них обоих являлись нормой. Можно было не сомневаться, что и следующий, самый трудный, по ее мнению, экзамен — химию — она сдаст так же великолепно. Но, по правде сказать, Владимира Ильича больше радовали уже не оценки Оли. Он с удовлетворением и гордостью в душе отмечал, как высоко интеллектуально выросла она за последнее время благодаря своим блестящим способностям и неизменному трудолюбию, какую силу приобрела ее жажда к знаниям и полезной практической деятельности. Этого поразительного развития ее личности и всестороннего обаяния не могли не замечать и окружающие.

За время жизни в Петербурге курсистка Ольга Ульянова, не прилагая специальных усилий, а просто в силу естественных проявлений своей одаренной и цельной

натуры, завоевала большой авторитет среди сокурсниц, которые считали ее «неутомимым деятелем», человеком «выдающегося ума, развитым, высокообразованным, талантливым». Они восхищались ее игрой на рояле, с благодарностью принимали ее помощь в учебе, ценили ее работу на общественных началах в читальне курсов, изумлялись ее лингвистическим способностям: ведь она хорошо владела английским, французским, немецким, латинским и шведским языками. А то, что она читала лучшие сочинения по политэкономии, социологии и просто, по-товарищески делилась прочитанным с подругами, вызывало их самое искреннее уважение.

Но Владимир Ильич ценил в сестре и нечто большее: ее страстную ненависть к самодержавному деспотизму, стремление глубоко овладеть теорией научного социализма и вести пропаганду этой теории, решимость посвятить всю себя делу освобождения народа. Он знал, что в предстоящей революционной борьбе Ольга будет его верным товарищем.

Очередной экзамен после перерыва Владимиру Ильичу предстояло сдавать 10 апреля, в день его совершеннолетия — ему исполнялся 21 год. Этот вечер он, конечно, проведет с Олей, и это даст ему частичку семейного тепла. Можно будет опять погулять по городу, вместе помечтать о скором путешествии по Волге, о долгожданной встрече с мамой и всей семьей... Но это будет вечером, а с утра — экзамен по политической экономии и статистике. Принимают профессора В. И. Сергеевич, П. И. Георгиевский и Ю. Э. Янсон.

По первому предмету достался вопрос «Заработная плата». Отвечая на него, Владимир Ильич мысленно обращался главным образом к самому молодому члену комитета, 34-летнему Павлу Ивановичу Георгиевскому, доктору политической экономии, автору курса лекций, изданного год назад специально для готовящихся к испытаниям в государственной комиссии.

Насколько сложным считался вопрос о заработной

плате, можно судить хотя бы по тому, что в учебном пособии Георгиевского ему целиком отводилось пять глав. Подробно освещая эту «наиболее жгучую» социальную проблему, волнующую фабричных и сельских рабочих, профессор в своей книге показал преимущества и недостатки различных видов заработной платы (натуральной, денежной и смешанной) и главных ее форм — повременной (почасовой, поденной, помесячной), задельной (сдельной) и долевой (как пайщика).

Курс лекций Георгиевского позволял говорить о праве трудящихся на организацию своих союзов и организованной борьбе с предпринимателями за сокращение рабочего дня и повышение заработной платы, о необходимости государственного вмешательства — с помощью фабричных законов, регулирующих отношения работодателей с наемными рабочими, ограничивающих применение детского труда.

По статистике Владимиру Ильичу пришлось отвечать на вопрос о роли бельгийского ученого Ламбера Кетле (1796—1874) — математика, физика, астронома и социолога — в становлении научной статистики. Предметом особого интереса ученого была социальная статистика, и его заслугой в этой области считалось установление определенных закономерностей в некоторых массовых общественных явлениях (рождаемости, смертности, преступности и т. п.), изучение которых поддается математическим методам.

Профессор Юлий Эдуардович Янсон (1835—1893), по «Теории статистики» которого Владимир Ильич в основном и готовился и которому сейчас сдавал экзамен, в своей книге подвергал критике разработанную Кетле классификацию причин (постоянных и случайных), якобы влияющих на социальные явления. Янсон в принципе отвергал существование в природе каких бы то ни было случайностей («...случайность — это наше субъективное представление или о явлении, законов происхождения которого, связи которого с предшествующими мы

не знаем, или о силе, свойств и действий которой мы не в состоянии объяснить...»). Ученому, по мнению Янсона, следует сосредоточиться не на разработке таких умозрительных классификаций, а на уяснении тех причин, которые действительно оказывают воздействие на социальные явления.

Но Владимир Ильич был знаком еще и с книгой «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» Н. И. Зибера (1885), в которой также содержалась подробная критика взглядов Кетле. Поэтому его характеристика учения бельгийского социолога-позитивиста была настолько полновесной, что и ответ по статистике был оценен высшим баллом.

Таким образом, половина трудной дистанции была пройдена успешно. Сестра, несмотря на наступившее общее недомогание, 13 апреля сдала на пятерку экзамен по химии и тоже вышла, как говорится, на финишную прямую.

Очередным у Владимира Ильича был экзамен по энциклопедии права и истории философии права. Первая его часть не представляла особого труда, ибо курс энциклопедии права он все-таки в основном прослушал в Казанском университете, на лекциях профессора Н. П. Загоскина. Во время же подготовки к этому экзамену он внимательно проштудировал и литографированный курс «Лекций по истории философии права», прочитанных в Петербургском университете профессором С. А. Бершадским, другую обязательную литературу.

Поэтому накануне экзамена, в понедельник 15 апреля, он мог себе позволить прервать занятия и выйти в город. В этот день передовой Петербург провожал в последний путь Николая Васильевича Шелгунова. Видел ли Владимир Ильич многолюдное шествие, в котором участвовали и рабочие, — неизвестно. Но о самих похоронах, принявших характер политической де-

монстрации против царизма, он был хорошо осведомлен и запомнил их навсегда.

16 или 17 апреля он вновь пришел в малый конференц-зал, чтобы отчитаться перед В. И. Сергеевичем и профессором Сергеем Александровичем Бершадским (1850—1896) по энциклопедии права и истории философии права. В его билете был всего лишь один вопрос: «Сочинение Платона «Законы» [1], но вопрос очень конкретный и сложный.

С жизнью и творчеством Платона Владимир Ильич был знаком еще с гимназической скамьи. Приходилось делать переводы из платоновских «Апологии Сократа» и «Криптона» с греческого на русский. «Государство» и «Законы» Платона он изучал в Казанском университете и освежил свои знания этой весной. О том, что его «знакомство» с Платоном оказалось прочным, свидетельствует очередной высший балл в ведомости напротив фамилии В. Ульянова, поставленный таким строгим экзаменатором, как Бершадский.

И вот, наконец, наступило 24-е число — день последнего экзамена — по истории римского права. Принимали тот же В. И. Сергеевич и 34-летний профессор Василий Владимирович Ефимов, брошюрой которого «Лекции по истории римского права» (1889) пользовался Владимир Ильич в ходе подготовки к сессии. В билете стоял тоже один вопрос: «Edicta magistratuum» (эдикты магистратов) [2].

Опираясь на лекции Ефимова, Владимир Ильич должен был очертить круг деятельности древнеримских магистратов (консулов, преторов, цензоров и др.) по руководству войском, управлению провинциями, отправлению правосудия, а также дать характеристику издаваемых ими эдиктов (указов), которые являлись дополнениями к действовавшему законодательству. В ходе рассказа следовало приводить примеры эдиктов, скажем эдикта, который выносил претор на судебном процессе, и т. п. И за этот ответ, в числе немногих, Владимир

Ульянов был удостоен оценки «весьма удовлетворительно».

Как было не радоваться тому, что все пять экзаменов по семи предметам сданы отлично. В тот же день он пошел поделиться новостями с сестрой и проведать ее. Зайдя к Ольге в общежитие Бестужевских курсов, он, к великому огорчению, увидел, что ее общее недомогание перешло в серьезную болезнь. Она, словно помня, как когда-то Александр, да и Владимир стойко, почти на ногах, перенесли тиф, тоже пыталась перебороть лихорадочные приступы и сбить высокую температуру подручными средствами. Но тщетно. Болезнь оказалась брюшным тифом в тяжелой форме. Владимир Ильич поместил сестру в Александровскую больницу, на набережной Фонтанки, и использовал всякую возможность, чтобы побывать у нее и помочь чем-нибудь.

Увы, болезнь на исходе апреля приняла угрожающий характер, и он вынужден был послать матери телеграмму: «Олей брюшной тиф, лежит в больнице, уход хорош, доктор надеется на благополучный исход». К несчастью, тиф осложнился рожистым воспалением, и в начале мая Владимир Ильич уже с большой тревогой телеграфировал домой: «Оле хуже. Не лучше ли маме ехать завтра»[3]. Мать незамедлительно приехала в Петербург. Но спасти Олю так и не удалось. Переутомленный организм не выдержал тяжелой болезни, и она скончалась на руках матери.

Умерла любимая сестра Оля... Больше нет самого близкого с детства, доброго и нежного, умного и сильного, веселого и надежного товарища и, как мечталось, — будущего верного помощника и единомышленника в предстоящей борьбе. Как в это поверить и как пережить? Но чем тогда измерить горе матери и как облегчить его? Новый тяжелый удар на кровоточащую рану мог совсем подкосить ее, и Владимир Ильич, подавляя свою нестерпимую душевную боль, старался стать ей крепкой опорой. Чтобы мать постоянно чув-

ствовала его рядом, он оставил свою комнату на Тучковой набережной и поселился вместе с ней в меблированных комнатах Гречковой на Лиговской улице, в доме № 41/83 (ныне гостиница «Октябрьская»).

Это страшное горе, по трагическому совпадению, обрушилось на Марию Александровну и Владимира Ильича в траурный для их семьи день, 8 мая, в четырехлетнюю годовщину казни Саши. А через два дня, в сырой и холодный день 10 мая, они похоронили свою Олю на Литературных мостках Волкова кладбища. В последний путь Ольгу провожали ее двоюродные сестры В. А. Залежская и Е. И. Песковская с мужем, многие бестужевки. Владимир Ильич вел под руку мать, с другой стороны ее поддерживала подруга Ольги по курсам З. П. Невзорова (впоследствии жена Г. М. Кржижановского). Много лет спустя Зинаида Павловна вспоминала: «Она (Мария Александровна. — *Ж. Т.*) шла молча, прямая, тонкая, хрупкая, с слегка закинутой назад головой, и лишь изредка из-под полуопущенных глаз скатывались скупые слезинки. У меня сердце разрывалось от жалости. Невыносимо было хоронить Олю, чудесную 19-летнюю девушку, умницу, только что развертывавшую свои блестящие способности, милого товарища, так нелепо погибшего. Невыносимо было видеть ее мать, молчаливо идущую за ее гробом. Я знала, что один за другим падали удары на ее прекрасную седую голову: смерть мужа, страшная гибель старшего сына Александра и теперь неожиданная смерть дочери... И все это на коротких отрезках времени! Слишком много для одного человека. А она шла тихая, молчаливая, натянутая как струна, крепко сжав губы» [4].

Еще неделю, самую тяжелую после похорон, рядом с матерью все время был Владимир Ильич. Сделав все необходимое для того, чтобы привести дорогую могилу в порядок, они взяли из общежития курсов небогатые Олины пожитки и 17 мая отправились в свой нелегкий пятидневный путь домой — поездом на Москву и Ниж-

ний Новгород, а оттуда пароходом в Самару. Вот каким оказалось это долгожданное для Владимира Ильича путешествие по Волге...

Между экзаменационными сессиями

На сей раз охранное отделение Петербурга четко зафиксировало отъезд Владимира Ульянова, и уже 21 мая 1891 года столичный градоначальник (все тот же генерал-лейтенант П. А. Грессер) послал в Самару, губернатору и начальнику губернского жандармского управления, уведомление, заключив его архикраткой справкой о поднадзорном: «В поведении и образе жизни его в С.-Петербурге ничего предосудительного замечено не было» [1].

Однако это уведомление поступило в Самару уже после того, как Владимир Ильич с матерью прибыл домой. Таким образом, местная охранка просмотрела и этот его приезд. Более того, начальник ГЖУ полковник Сердюков 28 мая — в тот самый день, когда Владимир Ильич со всей семьей уже направился в Алакаевку, послал письменный запрос самарскому полицмейстеру с просьбой уведомить его о времени прибытия Владимира Ульянова в Самару, «о месте его жительства и роде занятий» [2].

Судя по дальнейшей переписке между полицией и жандармами, Владимир Ильич все три летних месяца провел в Алакаевке и в Самаре ни разу не появлялся. Наверное, так оно и было, ибо в то время, когда мать еще так тяжело переживала неутешное горе, он не мог ее оставить даже на несколько дней.

А вот поездку старшей сестры 10 июня в город на два дня полиция узрела, и, по представлению уездного

исправника М. Кузьмина, за эту «самовольную отлучку» Елизарова была подвергнута (в третий раз за два года) «земским начальником 6-го участка Самарского уезда денежному штрафу на 25 руб.» [3].

Но это была только небольшая досадная неприятность на фоне общего тяжелого состояния, в котором пребывала семья после смерти Ольги. Даже Митю и Маняшу, освободившихся от учебных занятий, не радовало алакаевское приволье. Владимир Ильич понимал, как важна сейчас его роль старшего мужчины в семье. Подавляя постоянную острую боль невосполнимой утраты, он должен быть не просто опорой — железным стержнем потрясенной горем семьи. Самое главное — это забота о матери, страдания которой безмерны, хотя и при этом новом жестоком ударе она проявляла изумительное мужество. Только одно может поддерживать ее силы — это близость к ней остальных детей, постоянная чуткая помощь во всем. Поэтому Владимир Ильич без колебаний отказывается от намерения переехать после окончания университета в Петербург и решает на год-два остаться в Самаре. Являя собой пример большой силы воли и самообладания, он принялся за привычные дела и подготовку к предстоящим осенью экзаменам.

Это лето оказалось на редкость жарким и сухим. Поволжью угрожали очередной неурожай и голод. Можно было видеть, как кое-кто из простого люда обливал друг друга водой, веря, что этот обряд вызовет настоящий дождь. В самой Самаре предпринимались грандиозные по своему размаху меры такого же рода. 14 июня, по сообщению «Самарской газеты», «было совершено второе молебствие о ниспослании дождя... В 7 часов утра во всех церквах города, за исключением собора, начались божественные литургии, по окончании которых, хоругви и иконы из каждой церкви, во главе с причтом, двинулись к кафедральному собору». Затем после божественной литургии, которую в главном со-

боре совершил сам епископ Самарский и Сызранский, начался многотысячный крестный ход по улицам города.

Однако все подобные меры оказались тщетными: дождя не было, поля погибали от засухи. Неудержимо стали расти цены на хлеб. Уже 19 июня газета сообщила о страшном неурожае в Симбирской губернии, где, за исключением Сызранского уезда, не собрали семян даже для озимых посевов. В следующем номере появилась заметка о том, что «страшная жара с горячими ветрами с 2 по 11 июня окончательно уничтожила хлебные растения» в Николаевском уезде своей, Самарской губернии. Такие же сигналы бедствий поступали и из других уездов. При чтении «Казанского Волжского вестника», который Владимир Ильич и Анна Ильинична просматривали регулярно, вырисовывалась совсем удручающая картина: засуха, оказывается, охватила не только Поволжье, но и Приуралье, Тамбовскую, Курскую, Рязанскую и некоторые другие губернии центра и севера Европейской России.

Знакомясь с «Волжским вестником» за первую половину июля, Ульяновы обнаружили и приятную для себя новость: в номерах за 3-е и 5-е числа был напечатан перевод новеллы «Семейная драма», сделанный Анной Ильиничной из сборника рассказов «Воспоминания капитана д'Арче» Джованни Верга — одного из известнейших итальянских беллетристов.

Представляя читателям газеты эту новеллу, Анна Ильинична писала: «Оригинальность выбранного мной небольшого рассказа, верность и тонкость психологического анализа в этой, чрезвычайно сложной, хотя и происходящей в самом тесном семейном кругу, драме, трезвый взгляд на жизнь и полное отсутствие всякой сентиментальности в рассказе, тема которого представляла бы, казалось, для нее такую благодарную почву, искренность и честность действующих лиц, — наконец, остроумие и живость, с которыми ведется рассказ, —

делают его, мне кажется, интересным и для русских, если только я сумела передать хоть отчасти в своем переводе все вышеупомянутые достоинства подлинника»[4].

Это подробное перечисление достоинств рассказа в определенной мере позволяло судить и об эстетическом кредо самой переводчицы. Между прочим, Анна Ильинична выступала в «Волжском вестнике» и в качестве критика: осенью прошлого года была опубликована ее статья о творчестве Е. Н. Чирикова, знакомого Владимира Ильича по Казани, одновременно с ним исключенного из университета за участие в студенческих волнениях.

В целом же Анна Ильинична была не удовлетворена практическими результатами своих ежедневных и напряженных литературных занятий: после публикации романа «Завтра» редакция «Самарской газеты» уже восемь месяцев не помещала ее переводов. Да и «Волжский вестник» за это время дал всего две ее публикации. А ведь в положении политической ссыльной небольшие газетные гонорары для Анны Ильиничны являлись единственным заработком.

Смерть сестры пошатнула и без того слабое здоровье Анны Ильиничны, и Марк Тимофеевич обратился в министерство внутренних дел с настоятельной просьбой разрешить жене, «ввиду ее расстроенного здоровья, поездку в Казань для совета с врачами... на один месяц». Департамент полиции, взвесив все «за» и «против», счел возможным удовлетворить прошение М. Т. Елизарова, предоставив право его жене самой выбрать конкретное время для поездки.

В начале августа Владимир Ильич со старшей сестрой проводили в Самару мать с Митей и Маняшей, у которых 16-го числа начинался учебный год в гимназиях. Оставшись вдвоем, они отдались умственной работе, а в часы досуга отводили душу в сокровенных разговорах, строили планы на ближайшее будущее.

Почувствовав себя лучше, Анна Ильинична решила

отложить поездку к казанским врачам до весны будущего года, о чем официально и заявила интересовавшемуся ее планами уездному исправнику Кузьмину. 31 августа — в последний день разрешаемого губернскими властями летнего пребывания на хуторе — Анна Ильинична, как это видно из донесения исправника, выехала в Самару [5].

Что касается Владимира Ильича, то он так неприметно покинул Алакаевку, что уездная полиция не «засекла» его исчезновения, как и городская — прибытия в Самару. Только недели через две начальнику ГЖУ стало известно, что Ульянов выехал в губернский центр, и 16-го числа он обратился в полицию с запросом о местонахождении поднадзорного. Оттуда ответили, что В. И. Ульянов «действительно в первых числах сего сентября» приезжал для свидания с родными, но, «пробывши в Самаре не более двух дней, обратно выбыл в д. Алакаевку...» [6].

На самом же деле 1 или 2 сентября Владимир Ильич отбыл пароходом в Нижний Новгород, чтобы пересесть там на московский поезд. Причем он отправился не один, а вместе с Юлией Григорьевной Шухт и ее малолетними дочерьми Таней, Юлей и Женей — семьей политического поднадзорного Аполлона Александровича Шухта, одного из знакомых последнего года жизни в Самаре.

Сам факт, что Владимир Ильич взялся сопровождать семью Шухтов до Петербурга (в Царском Селе жила мать Аполлона Александровича), уже говорит о дружеских отношениях между ними. И это не случайно. Судьба А. А. Шухта была достойна глубокого уважения и в чем-то напоминала Владимиру Ильичу судьбу симбирского доктора со славным революционным прошлым А. А. Кадьяна. Аполлон Александрович тоже был сыном генерала и имел все для того, чтобы сделать блестящую карьеру. Однако свободолюбивый юноша за революционную пропаганду в народовольче-

ском духе среди юнкеров столичного Михайловского артиллерийского училища был исключен из этого учебного заведения и разжалован в рядовые. В 1884 году, уже за пропаганду среди солдат, Шухт вновь был репрессирован. Позже он жил в Москве, а затем, уже с женой, поселился в Самаре, где устроился на скромное место писца в отделении Государственного банка.

В 1887 году Аполлон Александрович в третий раз подвергся аресту за противоправительственную деятельность, после чего был сослан на три года в Западную Сибирь. Жена с детьми последовала туда же добровольно. По окончании срока ссылки Шухт с семьей возвратился в Самару, где зимой 1890 года и произошло его знакомство с Владимиром Ильичем, переросшее в знакомство их семей.

Владимиру Ильичу не могло не нравиться достоинство, с которым Аполлон Александрович перенес многолетние суровые испытания и продолжал оставаться стойким противником царизма. В свою очередь Шухт, несмотря на то, что был старше Владимира Ильича на целых десять лет, при первых же беседах почувствовал его превосходство в знании революционной теории, признал, что он по праву является лидером местного подполья и, когда Владимир Ильич вновь направился в Петербург, без колебаний предложил ему в случае надобности остановиться у своей матери в Царском Селе[7]. Сам Аполлон Александрович еще не имел права посещения столицы, поэтому он воспользовался согласием Владимира Ильича сопровождать его семью до Петербурга.

Путешествие прошло вполне благополучно. Петербургская охранка ничего не знала о прибытии поднадзорного Ульянова до тех пор, пока он сам не прописался 7 сентября по адресу: Екатерингофский проспект (ныне — Римского-Корсакова), дом 3, квартира 8. В этот же день он побывал в читальном зале библиотеки Академии наук (Университетская набережная, 7)

и в «Альбоме для посторонних посетителей и читателей» записал свою фамилию, домашний адрес и предметы занятий: «Политическая экономия и статистика» [8].

Экзамены по этим дисциплинам, как мы знаем, он сдал еще в апреле, и если продолжал теперь брать социально-экономическую литературу, то уже в интересах личной программы самообразования.

С дипломом первой степени

На осеннюю сессию в университет собралось 134 экзаменующихся — намного больше, чем весной (тогда было 87), и их разбили на шесть групп. В одной из них, в период с 10 по 15 сентября, Владимиру Ильичу предстояло сдать письменный экзамен из области римского, гражданского или уголовного права. По каждому из этих предметов имелось несколько тем, окончательный же вариант определял председатель комиссии профессор В. И. Сергеевич и объявлял о своем выборе перед самым началом экзамена [1].

Проходил он в дообеденное время в зале Совета университета, на выполнение сочинения отводилось пять часов. Владимир Ильич в числе семи испытуемых писал сочинение по уголовному праву, темы для которого подбирал один из самых грозных, с точки зрения студентов, профессоров — И. Я. Фойницкий (1847—1913). На какую именно тему писал Владимир Ильич, не установлено, но результат известен: работа была оценена высшим баллом.

На подготовку к устному экзамену по уголовному праву и судопроизводству имелось не менее пяти дней, ибо в расписании группы значились дни с 16 по 21 сентября.

Это был, пожалуй, самый трудный предмет, без

овладения всеми тонкостями которого невозможна практическая деятельность юриста. На экзамене требовалось знание общих положений уголовного права и процесса, причем на основании сравнительного изучения русского уголовного законодательства с действующим уголовным правом других государств.

Трудно было сдавать этот экзамен всем экстернам, ибо и здесь нужно было знать курсы лекций самих профессоров-экзаменаторов («Русское уголовное право» В. И. Сергеевича, «Курс уголовного судопроизводства» И. Я. Фойницкого). Но у Владимира Ильича — активного участника студенческих волнений, находящегося под негласным полицейским надзором, брата казненного революционера и гласноподнадзорной сестры — были особые трудности и неприятные моменты при подготовке к очередному экзамену. Ведь в программе содержались такие, например, каверзные лично для него вопросы, как «Полицейский надзор», «Политические преступления. Посягательство на членов Императорской фамилии и священную особу государя Императора. Бунт против власти верховной», «Преступные общества»...

Экзаменационная лотерея упростила задачу, преподнеся ему сугубо «уголовный» вопрос — «Кража документов», по которому можно было спокойно ответить ссылками на соответствующие статьи уголовного законодательства и далекими от него и его семьи примерами.

Второй вопрос билета, по уголовному судопроизводству, представлял для Владимира Ильича уже профессиональный интерес: «Защита в уголовном процессе». Он давал возможность показать глубину своих знаний о месте и роли адвоката в ходе судебного разбирательства, правах, обязанностях и ответственности за свои действия, характере отношений с подсудимыми, участии в прениях сторон на процессе, в апелляционном производстве и т. п. Комитет в составе профессоров Сер-

геевича, Фойницкого и Василия Александровича Лебедева (1833—1911) — известного знатока финансового права — удостоил ответ В. Ульянова по обоим вопросам билета высшим баллом.

Следующий экзамен — по римскому праву — предстоял между 24 сентября и 3 октября. В дни перерыва между экзаменами Владимир Ильич имел возможность навестить людей, которые его интересовали уже не по учебным делам. Он вновь встречается с преподавателем Технологического института Людвигом Юльевичем Явейном, у которого весной брал марксистскую литературу, и получает от него новые номера берлинского «Нового времени» и еженедельника «Архив социального законодательства и статистики» — тоже на немецком языке. На квартире Явейна Владимир Ильич завязывает знакомство с другими столичными марксистами [2].

Посетил Владимир Ильич Сергея Федоровича Ольденбурга (1863—1934), проживавшего на 6-й линии Васильевского острова, в доме 39, квартире 28. Этот молодой доцент-востоковед неоднократно встречался с братом Сашей на заседаниях университетского студенческого научно-литературного общества, немного знал и сестру Ольгу. Разговор шел в основном об Александре. Впоследствии Ольденбург рассказывал о Владимире Ильиче: «Помню его мрачным и молчаливым, смерть брата он переживал трудно... Вопросы его касались, главным образом, научной работы, и это одно из самых сильных воспоминаний об этой встрече... За всеми вопросами Владимира Ильича чувствовался живой, непосредственный интерес и, если бы я не знал, что он занят активною борьбою, я подумал бы, что он решил посвятить себя науке» [3].

Экзамен по римскому праву принимали уже знакомые профессора В. И. Сергеевич и В. В. Ефимов, а также Николай Львович Дювернуа (1836—1906) — известный специалист римского права. Трудность экзамена состояла в том, что испытуемый должен был по-

казать знание «институтов вещного, обязательного, семейственного и наследственного права» по подлинным документам эпохи Юстиниана — «институциям» (всеобъемлющим систематическим сборникам римского права). Владимиру Ильичу достался один из сложных вопросов: «Дарение. Недозволенные действия. Время». Он рассказывал о существе дарения и отношениях, из него вытекающих, о недозволенных действиях, о влиянии времени на происхождение и прекращение прав, о давности и ее видах, о порядке осуществления прав на дарение и видах судебной защиты этих прав. Оценка за ответ — «весьма удовлетворительно» [4].

Гражданское право и судопроизводство, а также торговое право и судопроизводство, которые Владимир Ильич сдавал между 4 и 11 октября, относились к числу главных предметов. Если римское право полезно юристу для понимания истории современного законодательства, то вопросы гражданского и торгового права занимают чуть ли не добрую половину его повседневной деятельности. Экзамены по этим предметам принимали профессора В. И. Сергеевич, Н. Л. Дювернуа и Василий Иванович Адамович. Гражданское право сдавалось по книге Н. Дювернуа «Из курса лекций по гражданскому праву» (1889), а судопроизводство — по «Пособию к лекциям русского гражданского судопроизводства» (1891) В. Адамовича. При подготовке по торговому праву студенты обычно штудировали «Конспект лекций по торговому праву» того же Адамовича.

По гражданскому праву и судопроизводству Владимиру Ильичу выпало отвечать на вопросы: «Исполнение судебных решений. Купля-продажа. Поставки». Отвечая на них, следовало показать не только знание теоретических работ, но и «начитанность в русском гражданском кодексе (законах, распоряжениях, уставах), а также знакомство с судебной практикой. Аналогичные требования предъявлялись к испытуемому по торговому праву и судопроизводству. Владимиру Ильичу достался,

казалось бы, узкий вопрос: «Торговые книги», но при раскрытии его надо было показать особенности торгового судопроизводства, в том числе конкурсного и вексельного, и знание всех «торговых бумаг». И оба эти экзамена Владимир Ильич сдал на «весьма удовлетворительно».

Нетрудно представить, какие чувства испытывал Владимир Ильич, когда готовился к экзамену по полицейскому праву. Он, конечно, просмотрел «Репетиториум полицейского права» И. Е. Андреевского (1888) — того самого, который в бытность ректором университета после ареста Александра и его товарищей произнес в актовом зале верноподданническую речь, вызвавшую возмущение передового студенчества всей России. Но Владимир Ильич и без этого обязательного пособия неплохо знал организацию полицейских учреждений, их участие в «охране общественного порядка», «регулировании передвижения населения», контроле за печатью, книжной торговлей, работой театров, библиотек, аптек и больниц, их содействие в «охране здоровья», «народного просвещения» и «предупреждении голода», а также влияние на многие другие стороны российской жизни... Поэтому ответ Владимира Ильича на вопрос о «науке полиции и ее содержании» оказался достаточно полным, и члены комитета В. И. Сергеевич, В. А. Лебедев и Сергей Владимирович Ведров — 36-летний профессор полицейского права — имели основания для выставления высшего балла.

В эти же дни, между 12 и 19 октября, Владимир Ильич сдал этому же комитету экзамен по финансовому праву — предмету, немаловажному для практической работы любого юриста. Вопрос ему достался весьма объемный: «Бюджет». Здесь требовалось рассказать о главных источниках и видах государственных доходов (от государственных имуществ, земель, лесов, горных промыслов, монетного дела, почтово-телеграфного ведомства, гербовых, судебных и иных пошлин, прямых

и косвенных налогов и др.) и главных статьях расходов.

О сложности этого вопроса красноречиво говорит тот факт, что экзаменаторы давали его и другим экстернам, но те не смогли ответить больше чем на «удовлетворительно». Экзамен вообще был очень трудным: из 29 человек, сдававших вместе с Владимиром Ильичем финансовое право, 22 получили удовлетворительные отметки [5].

Теперь Владимиру Ильичу осталось сдать последние два экзамена — по церковному праву и международному праву, которые согласно расписанию должны были начаться с 23 октября. Эти предметы считались второстепенными, и можно было уже не сомневаться, что с ними он справится с не меньшим успехом.

Чем ближе к концу экзаменов, тем все больше занимали его мысли о предстоящей юридической практике и об активизации своего участия в освободительном движении. Трудно сказать, какие именно конкретные обстоятельства побудили его направиться на набережную Фонтанки, 16, в департамент полиции по вопросу о временном выезде за границу. Раньше он обращался с подобными просьбами, мотивируя желанием продолжить там высшее образование, а потом — необходимостью лечения желудка минеральными водами. Теперь его положение изменилось, да и мать оставить в Самаре надолго он не собирался. Под каким предлогом он просился на этот раз за границу, неизвестно. Но можно предположить, что Владимир Ильич хотел завязать личные связи с членами плехановской группы «Освобождение труда». Вице-директор департамента полиции вновь отклонил просьбу В. Ульянова [6]. Свою мечту Владимир Ильич все-таки осуществит, но позднее — весной 1895 года.

Наступило 23 октября, и стало известно, что экзамены из-за болезни двух профессоров откладываются на

более поздние сроки. И действительно, группа Владимира Ильича сдавала между 2 и 9 ноября, в вечерние часы. По церковному праву основным экзаменатором был 53-летний доктор богословия и профессор университетской кафедры церковного права Михаил Иванович Горчаков, принимавший вместе с председателем В. И. Сергеевичем и Ф. Ф. Мартенсом.

Требования к испытуемым предъявлялись обширные. Надо было иметь «обстоятельные сведения об источниках и памятниках церковного законодательства и русской православной церкви, в частности, об устройстве церкви в первые века христианства и в период вселенских соборов и о дальнейшем историческом ее развитии», а также понятие о юридическом положении и управлении православной церковью в Российской империи; иметь представление об устройстве римско-католической, армянско-григорианской и лютеранской церквей.

Архиученый богослов Горчаков, игравший первую скрипку в профессорском трио, оказался не слишком щедр на оценки: из сдававших вместе с Владимиром Ильичем 30 экстернов 18 получили «удочки» [7]. В. Ульянов отвечал на сугубо юридический вопрос: «Об истории русского церковного законодательства». Ему надлежало рассказать об истории и составе «Кормчей книги», уставе о церковных судах Ярослава Мудрого, постановлении собора 1666—1667 годов, низложившего Никона, духовном регламенте Петра I, а также некоторых церковных дисциплинарных правилах, вошедших в Полное собрание законов Российской империи. Многое из того, что Владимир Ильич говорил по этому вопросу, он изучал в старших классах гимназии и Казанском университете. Этот старый, хотя и нелюбимый багаж теперь пригодился, и он опять получил высшую оценку.

Наконец, наступил заключительный экзамен — по международному праву. Главным лицом в комиссии на этот раз был Ф. Ф. Мартенс, по двухтомнику которого

«Современное международное право цивилизованных народов» и готовились испытуемые.

Сама программа курса для Владимира Ильича представляла определенный интерес. Она включала в себя знание «важнейших политических трактатов, обусловивших политическую систему современной Европы»; сведения о международных юридических отношениях государств, договоры и конвенции, посольское и консульское право, отношение к иностранным подданным, об отношениях государств, как во время мира, так и в период войны. Ему достался актуальный вопрос: «Право нейтралитета». Здесь надо было говорить о так называемом вооруженном нейтралитете, приводя пример России, которая провозглашала его в 1780 и 1800 годах во время ведения морской войны Англией, а также — о постоянном нейтралитете Швейцарии и вечном нейтралитете Люксембурга, который соответствующим договором пяти европейских держав был признан в 1831 году. Наряду с правом нейтралитета следовало упомянуть и об обязанностях нейтральных стран — отказе от военной помощи воюющим державам, от военной контрабанды, блокады и т. п. Из 30 человек, сдававших экзамен по международному праву, Владимир Ильич и еще шестеро получили высшие баллы.

Как говорится, и невооруженным глазом нельзя не заметить выдающихся результатов Владимира Ильича по итогам весенней и осенней экзаменационных сессий. За «домашнее сочинение», кроме него, еще семеро испытуемых получили «весьма удовлетворительно», а за письменный экзамен — шестеро. Из 33 человек, которые вместе с Владимиром Ульяновым вошли в итоговую экзаменационную ведомость, шестеро получили «неуды» и, следовательно, провалили сдачу. Из оставшихся 27 экстернов 18 получили дипломы 2-й степени, а 9 — 1-й [8]. Но только один Владимир Ильич сдал все 14 экзаменов по 18 предметам на высшую отметку. Он набрал значительно больше баллов, чем это требовалось

для получения диплома 1-й степени: согласно «Правилам» для этого достаточно было, чтобы познания испытуемого по римскому праву, гражданскому праву и уголовному праву были признаны комиссией «весьма удовлетворительно», а из общего числа отметок «весьма удовлетворительно» должно быть, по крайней мере, половина [9].

Диплом 1-й степени считался очень престижным для начинающего специалиста. Примечательно, что Владимир Ульянов оказался не только первым по успехам в своем университетском выпуске, но вообще самым молодым юристом России. Это не могло не изумлять, и Анна Ильинична подчеркивала в своих воспоминаниях:

«Тогда многие удивлялись, что, будучи исключенным из университета, он в какой-нибудь год без всякой посторонней помощи, не сдавая никаких курсовых и полукурсовых испытаний, подготовился так хорошо, что сдал вместе со своим курсом (с которым учился в 1887 году в Казанском университете. — *Ж. Т.*). Кроме прекрасных способностей, Владимиру Ильичу помогла в этом большая трудоспособность» [10].

Университетские дипломы изготовлялись типографским способом, на каждого выпускника в отдельности. Для этого требовался месяц, а то и больше. Владимир Ильич торопился домой, и, оставив у секретаря испытательной комиссии свой адрес, он 11 ноября выехал поездом в Москву, сделал там пересадку и 14-го числа был уже в Самаре, где его с нетерпением ждали родные.

Но не одни они... Как только начальник местного губернского жандармского управления получил от петербургского градоначальника извещение о том, что обратно в Самару выбыл Владимир Ульянов, то тут же предложил полицмейстеру возобновить за ним негласный надзор [11].

Голод. В спорах с оппонентами

После того как университетские экзамены остались позади, Владимир Ильич наконец-то освободился от чрезвычайно трудоемкого изучения обязательной литературы, в значительной мере далекой от злободневных вопросов реальной действительности. Теперь можно было сосредоточиться на дальнейшем изучении научного социализма, критическом анализе писаний лидеров либерального народничества и статистических исследований по экономическому развитию страны, организационном сплочении единомышленников в Самаре и упрочении связей с революционным подпольем других городов.

Обстановка в стране в связи со страшным голодом в 17 губерниях, особенно в Поволжье, резко накалилась. Правительство, сначала относившееся к бедствиям десятков миллионов людей «с торгашеской прижимистостью, а потом с торгашескою же трусостью» [1], вынуждено было предпринять наконец экстренные меры: ввело запрет на вывоз ржи, ржаной муки и отрубей за границу, выделило из имперского продовольственного капитала около 32 миллионов рублей для раздачи сельским обществам (под круговую поруку) на продовольственные нужды и приобретение семян для посева озимых, увеличило на 1,1 миллиона рублей объем общественных работ, чтобы дать какой-нибудь заработок бедноте. В качестве временной меры (и это подавалось как благодеяние!) крестьянам разрешили пасти свой скот в казенных и удельных лесах, собирать там для себя валежник, хворост, ветви и листья... [2]

Пошел царизм и на образование в пострадавших губерниях под председательством губернаторов «особых продовольственных совещаний из представителей казенного и земского управлений», а святейший синод, в

свою очередь, приказал учредить в епархиальных городах свои «особые комитеты» из духовных и светских лиц для сбора пожертвований, распределения их между голодающими и организации бесплатных столовых при архиерейских домах, монастырях и церквах. Духовенству предложено было ежедневно произносить перед прихожанами «особые молитвы» в связи с постигшим народ бедствием [3].

Основную часть ссуды правительство выделило для Поволжья: Симбирской губернии — 5 миллионов рублей, Самарской и Казанской — по 4, Пензенской — 3, Нижегородской — 2,8, Саратовской — 2,5. Но те два-три рубля, которые приходились на крестьянина, не могли спасти его от голодной смерти, а тем более сохранить корову, лошадь и другую живность. По примеру Льва Толстого, оказывавшего помощь голодающим в Тульской губернии, других известных деятелей, самарское образованное общество тоже создавало столовые, питательные и медицинские пункты, проводило вечера с лотереями и чтениями, доход от которых шел в пользу «младшего брата — мужичка». Но и частная благотворительность лишь на короткое время и только отчасти смягчала катастрофу. Десятки тысяч самарских крестьян забивали скот, заколачивали окна и двери своих избушек, складывали пожитки на телеги и ехали к Оренбургу или к Волге, в надежде найти там спасение от голода и болезней.

К моменту возвращения Владимира Ильича из Петербурга в Самару разговоры о постигшем бедствии шли повсюду. Писали о голоде, его причинах и последствиях все газеты и журналы страны. И какие только меры не предлагались для предотвращения бедствий в будущем и «улучшения благосостояния народа». Составил в октябре этого года обстоятельную записку для Самарского уездного земского собрания и брат мужа Анны Ильиничны Павел Тимофеевич Елизаров. Записка эта получила широкое распространение и отклик в

казанском «Волжском вестнике». Естественно, что Владимир Ильич не только читал, но и обсуждал ее с самим автором.

Что могло привлекать в рассуждениях П. Т. Елизарова? Прежде всего ясное понимание того, что тяжелое положение самарских крестьян порождено не только засухой. «Население дошло до такой нищеты, — подчеркивал Павел Тимофеевич, — что весь инвентарь крестьянина, отличающий его от пролетария, есть не что иное, как особого рода кредит, так как громадное большинство крестьян столько задолжало казне, земству, в банки, доморощенным кредиторам, что продажею своего инвентаря и даже домов никоим образом не расплатится за долги. Чтобы освободиться от этих всевозможных долгов и недоимок, крестьяне распродают все более и более самое необходимое для их обихода — живой инвентарь. Скотоводство быстро падает, а это, в свою очередь, влияет на урожайность, и, таким образом, ухудшается без надежды на всякий поворот к лучшему экономическое положение крестьян» [4].

Показав безысходность положения крестьянства, а также начавшееся расслоение его, по примеру Запада, на «два противоположных класса — имущих и неимущих», П. Т. Елизаров предсказал возможность и более тяжкого исхода: «Уже теперь отовсюду доносятся до нас слухи о массе случаев, подавляющих ум и раздирающих душу своим ужасом: там разнесли пекарни и булочные, здесь сожгли усадьбу и т. д., и это еще в начале года, но то ли будет к концу его? А если да подобный год повторится?!»

Желая предотвратить новый неурожай, «последствием которого могут быть такие бедствия, какие не в состоянии представить себе и самая пылкая фантазия», Павел Тимофеевич особо выделил меры, которые не терпят отлагательства: помочь крестьянам в сохранении скота и посеве яровых. Излагая далее постоянные меры, которые должно предпринять земство, он на пер-

вое место ставит создание своих земских хлебных складов и элеваторов, ибо правительственная помощь ложится тяжелым бременем на крестьян. «Народ получает в ссуду в некоторых местах 5-й сорт муки, который не много отличается от отрубей, и по такой высокой цене, что за пуд этого суррогата хлеба должен будет возвратить по 2 или даже по 3 пуда хорошего зерна. Это слишком большой процент! Население едва ли осилит расплатиться с этим долгом...» — с нескрываемым раздражением заявил П. Т. Елизаров и предложил земству еще три меры для упрочения положения крестьян: 1) открыть свой склад земледельческих орудий для снабжения ими в кредит хлебопашцев, 2) снабдить их лучшими семенами и 3) «употребить все усилия к побуждению крестьян вести свое хозяйство более рациональным способом» [5]. Один из читателей «Записки» подчеркнул в ней карандашом предлагаемые автором меры помощи обнищавшим крестьянам, а на полях сделал помету «А земство-то откуда будет получать средства? С тех же крестьян?»

Этот же резонный вопрос, причем еще до наступления голода, Владимир Ильич наверняка задавал Павлу Тимофеевичу во время бесед с ним в Бестужевке или Самаре, когда тот приезжал к сыну Евгению. Но то, что было извинительно простому крестьянину, было уже непростительно для образованных людей, причислявших себя к борцам за свободу, равенство и братство. Весьма и весьма скептически относился Владимир Ильич и к участию большинства политических ссыльных Самары в комитетах по оказанию помощи голодающим. Он не был против помощи как таковой, она, безусловно, была необходима. Но он резко выступал против отождествления благотворительности чуть ли не с революционной деятельностью [6], а также против сотрудничества в тех комитетах, где восседали явные реакционеры или дельцы, наживавшиеся на поставках земству гнилой муки. Он считал необходимым разъяс-

нять народу, что голод является следствием не столько засухи, сколько грабительских условий реформы 1861 года, отрезавшей у бывших крепостных их земельные наделы, взвалившей на их плечи непосильные платежи и повинности. При этом он подчеркивал, что нищета и голод являются вместе с тем и следствием развития капиталистических отношений в деревне, породивших там пролетариат и буржуазию, одновременно опровергая злобные вымыслы народников, что марксисты якобы радуются голодовке, надеясь на противоправительственные выступления крестьян.

Не раз пришлось вести Владимиру Ильичу дискуссии по вопросам благотворительности с Василием Васильевичем Водовозовым, получившим той осенью вместе с женой Верой Петровной разрешение на переезд из города Шенкурска Архангельской губернии, где он отбывал ссылку, в Самару. С Водовозовым он познакомился через сестру Ольгу в Петербурге, еще в прошлом году, когда приезжал туда по университетским делам. Позже, по возвращении в Самару, Владимир Ильич получил от Водовозова, тоже юриста по образованию, учебную литературу, необходимую для подготовки к экзаменам.

В семье Ульяновых не раз называлась фамилия Водовозова, когда вспоминали о последних днях жизни Саши. Дело в том, что Александр Ильич взял у Водовозова «Немецко-французский ежегодник» издания 1844 года для того, чтобы сделать перевод с немецкого на русский статьи К. Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение», а затем отпечатать ее в подпольной типографии.

Но так уж получилось, что из-за ареста Александр Ильич не смог возвратить «Немецко-французский ежегодник» Водовозову. На одном из последних свиданий в тюрьме с матерью он просил ее разыскать две одолженные им редкие книги и вернуть их владельцу. Мария Александровна, а затем и Анна, после выхода на

волю, делали все, чтобы выполнить предсмертную просьбу Саши. Одну книгу они нашли у его близкого знакомого самарца И. Н. Чеботарева, но очень редкого «Немецко-французского ежегодника», к сожалению, не оказалось не только у столичных, но и у зарубежных букинистов [7].

Водовозов, который был заядлым библиофилом, однажды, уже в Самаре, в разговоре с Анной Ильиничной вспомнил о пропавшем «Ежегоднике», причем так, что вольно или невольно бросил тень на Александра Ильича, ибо предупреждал его, что книга очень редкая. «Помню, что Володя очень возмутился, — вспоминала Анна Ильинична, — когда я передала ему об этом разговоре. «Пусть он прямо скажет, чего он хочет; пусть скажет, сколько стоит книга, и мы вернем ему». И досадливо передернул плечами, когда я указала, что Водовозов говорит не о деньгах, а вносит, как бы сказать, этим фактом поправку в нравственную характеристику Саши» [8].

Но в целом Водовозов сохранил добрую память об Александре Ильиче как о подающем большие надежды ученом и бесстрашном революционере, и этим объясняется, что первое время после появления в Самаре он, по свидетельству Дмитрия Ильича, «частенько заходил» к ним, но «больше к старшей сестре — они читали вместе по-итальянски», уточняла Мария Ильинична [9]. «У этого Водовозова была большая библиотека, — продолжал Дмитрий Ильич, — так что вся его комната до отказа была заставлена книжными шкафами, все книги были чистенькие, в новых переплетах... По своей начитанности он, вероятно, был первым в городе, но эта начитанность, очевидно, так давила на его мозг, что сам он не представлял из себя ничего оригинального. Он не был ни марксистом, ни народником, а так, какой-то ходячей энциклопедией. К нему приходилось заходить не из-за него самого, а из-за его книг» [10].

Столкновения Владимира Ильича с Водовозовым и

другими политическими ссыльными, принимавшими активное участие вместе с «благонадежными» обывателями в работе комитета по оказанию помощи голодающим, имели серьезный характер. Водовозов и его помощники старались убедить сомневающихся в целесообразности своей деятельности, говоря, что предполагается использовать эту работу для революционной пропаганды среди голодающих. Однако Владимир Ильич «не верил в успешность такой пропаганды среди голодающих. Это соображение играло большую роль в его отрицательном отношении к нашему комитету, — вспоминал потом Водовозов. — Споря против наших взглядов, он доказывал, что наши столовые будут своего рода «пропагандой действия» за примирение с существующим строем, породившим голод, — в этом отношении он оказался, конечно, прав. На собраниях и сходках молодежи Ленин вел систематическую и решительную пропаганду против комитета» [11]. И, как признал Водовозов, небезуспешно: А. И. Ливанов, Н. С. Долгов, И. М. Красноперов и ряд других влиятельных ветеранов-народников вышли из его комитета.

Были у Владимира Ильича дискуссии с Водовозовым и по другим вопросам, в частности о деятельности германских социал-демократов. В то время, по словам Анны Ильиничны, «мы все благоговели перед германской социал-демократией. Помню, как торжествовал Владимир Ильич в 1890 году, когда закончился срок исключительного закона (закона, введенного канцлером Бисмарком против социалистов в 1878 году. — *Ж. Т.*), и с какой живой радостью следили мы за сказочным ростом этой партии. Сочинения Каутского и Бебеля были нашими настольными книгами; мы изловчились найти адреса, по которым доходил бы теоретический орган германских социал-демократов «Нейе цейт»...» [12].

Но если Владимир Ильич рассматривал парламентскую деятельность социал-демократов лишь как часть их борьбы за освобождение трудящихся, то Водовозов

явно недооценивал значение нелегальной работы партии. Это различие во взглядах отчетливо проявилось во время дискуссии на собрании, устроенном Водовозовым в своей квартире, в доме Сычуровой (ныне — Ленинская, 87) [13], в связи с приездом в декабре из Саратова народника Н. Д. Россова и нескольких его друзей.

Водовозов — очень эрудированный и весьма самоуверенный, с резкими суждениями — выступил с небольшим, но насыщенным цифрами и фактами докладом о германской социал-демократии, после которого у слушателей должно было сложиться впечатление, что вот так, шаг за шагом, одними избирательными бюллетенями социалисты завоюют власть, а затем и осуществят социализм.

Владимир Ильич в остроумной форме развеял конституционные иллюзии докладчика, изложил присутствующим марксистскую теорию классовых противоречий, теорию классовой борьбы рабочего класса и, конечно, напомнил о различии условий для политической деятельности в конституционной Германии и самодержавной России. Впрочем, эти разъяснения относились не столько к Водовозову, который именно за распространение нелегальной литературы побывал в тюрьме и ссылке и был хорошо знаком с теорией научного социализма, сколько к другим, менее подготовленным участникам дискуссии.

Той же осенью у Владимира Ильича появился еще один оппонент, но с более солидным, чем у Водовозова, революционным прошлым и несравненно более радикальными политическими взглядами. Это — Мария Петровна Яснева *, миловидная тридцатилетняя женщина, с высшим педагогическим образованием, арестованная в 1889 году в Орле за членство в группе якобинцев П. Г. Заичневского и высланная после выхода из тюрьмы под надзор полиции в Самару.

---

* Впоследствии по мужу — Голубева.

В числе адресов товарищей, на помощь которых она могла рассчитывать, Мария Петровна имела адрес Николая Степановича Долгова. Он и сообщил ей, что в городе живут Ульяновы, и «в симпатичных красках» изобразил всю семью, особо выделив при этом Владимира Ильича как необыкновенного демократа. «На мой вопрос, — вспоминала Яснева, — в чем заключается демократизм Владимира Ульянова, Долгов ответил: «Да так, во всем: и в одежде, и в обращении, и в разговорах, — ну, словом, во всем».

Когда же Долгов привел ее к Ульяновым, то она сама убедилась и в скромности их квартиры, и в их радушии, и в простоте Владимира Ильича, обычный костюм которого составляли блуза или ситцевая косоворотка, подпоясанная шнурком. Вспоминая первое путешествие с ним по городу от дома Ульяновых на Дворянскую улицу, где она снимала квартиру у Кириллова (ныне — Куйбышева, 65), Мария Петровна пишет, что Владимир Ильич подробно расспрашивал, как и зачем она очутилась в Самаре, а когда узнал, что она якобинка, то очень заинтересовался этим.

«Вообще, припоминая Владимира Ильича в Самаре, — продолжала Яснева, — я прихожу к заключению, что он изучал не только Маркса, но, пользуясь всяким случаем, всяким знакомством, впитывал в себя опыт прошлого революционного движения. Владимир Ильич не только проводил меня до дому, но и зашел ко мне, и мы в этот первый вечер долго еще спорили с ним. От якобинцев перешли к Чернышевскому, от Чернышевского к Марксу. Помню, что я городила какую-то ужасную нелепость насчет научного социализма и никак не хотела отказаться от своего мнения, а Владимир Ильич спокойно и уверенно развивал свою точку зрения, чуть-чуть насмешливо, но нисколько не обидно опровергал меня...» [14].

Но Яснева и при последующих встречах упорно отстаивала свойственную всем якобинцам идею о возмож-

ности и необходимости «захвата власти». Владимир Ильич слушал внимательно, но, по ее словам, «никак не мог понять — на какой такой «народ» мы думаем опираться», если народ состоит из классов с различными интересами. Каждый из спорящих старался обратить собеседника в свою «веру», но Владимир Ильич, который, выражаясь словами Ясневой, «как настоящий стратег, с большим вниманием и интересом относился к каждому новому человеку, расценивая его как солдата, с точки зрения пригодности для будущего боя» [15], и на этот раз не без оснований надеялся, что Мария Петровна непременно станет в ряды марксистов. В конце концов так оно и будет.

1892 год

Помощник присяжного поверенного

Передышка между окончанием экзаменов и определением на службу для Владимира Ильича оказалась кратковременной. Уже в первых числах декабря он получил по почте «Свидетельство» из испытательной комиссии при Петербургском университете, удостоверявшее, что он «признан имеющим право на диплом первой степени, каковой ему будет вручен по изготовлении...» [1].

В принципе, вопрос «кем быть?» был решен Владимиром Ильичем еще четыре года назад, при поступлении на юридический факультет Казанского университета: адвокатом, официально именовавшимся «присяжным поверенным». Ведь дорога на государственную службу ему, как брату казненного революционера и активному участнику студенческих волнений, была закрыта. К тому же адвокатская практика позволяла общаться с самыми различными слоями населения и уже поэтому являлась удобным прикрытием для нелегальной деятельности.

Однако даже диплом 1-й степени еще не давал права на самостоятельную работу. Согласно закону пола-

галось пройти пятилетнюю стажировку в качестве помощника присяжного поверенного и, кроме того, достичь 25-летнего возраста.

Присяжные поверенные и их помощники считались состоящими при окружных судах, находящихся только в губернских городах, но не как чиновники, а на правах особой корпорации. Они не получали жалованья, чинов и орденов и не пользовались другими привилегиями, установленными для находившихся на «коронной службе» — судей, прокуроров, следователей, нотариусов и судебных приставов. Присяжный поверенный — это, по существу, глава частной адвокатской конторы, в которую он подбирал по своему усмотрению помощников и секретаря, но с обязательным их утверждением постановлением окружного суда.

Корпорация адвокатов в Самаре была немногочисленной: 11—12 присяжных поверенных и 5—6 их помощников. В числе полноправных адвокатов были небезынтересные для Владимира Ильича люди. Скажем, Григорий Александрович Клеменц — старший брат известного революционера-землевольца Дмитрия Клеменца, находившегося в сибирской ссылке. Или Петр Павлович Подбельский, брат которого, Папий, в 1881 году влепил пощечину министру народного просвещения А. А. Сабурову на торжественном акте Петербургского университета, а с другим братом, Николаем, Владимир Ильич состоял в кружке «вредного направления», сыгравшем решающую роль в подготовке и проведении сходки казанского студенчества 4 декабря 1887 года. Наконец, Карл Карлович Позерн, который вместе с Н. С. Долговым привлекался по нечаевскому делу, да и теперь, по мнению жандармов, относился к числу лиц, «политическая благонадежность коих крайне сомнительна».

И все же Владимир Ильич попросился помощником не к ним, а к Андрею Николаевичу Хардину, своему хорошему знакомому и давнему партнеру по шахматам.

Это был самый опытный адвокат, энциклопедически образованный, у которого многому можно было поучиться. Хардину, в свою очередь, очень импонировал Ульянов, и он, взяв у Владимира Ильича «Свидетельство», пообещал сразу же после рождественских каникул и новогоднего праздника дать делу ход. Человек слова, он 4 января 1892 года направил в окружной суд рапорт по установленной форме с просьбой зачислить В. И. Ульянова своим помощником [2].

В конце месяца Владимир Ильич получил из управления Петербургского учебного округа университетский диплом, датированный 14 января. По вине писаря или типографского наборщика отчество в дипломе напечатали не «Ильин», а «Иванов». Владимир Ильич черными чернилами исправил досадную опечатку и сдал диплом в канцелярию Самарского окружного суда. Вскоре, 30 января, общее собрание отделений этого суда приняло «к сведению» рапорт А. Н. Хардина, и с этого момента В. И. Ульянов официально стал считаться его помощником.

Таким образом, Владимир Ильич приобрел право заниматься адвокатской практикой. Но пока только по уголовным делам: для того чтобы получить доступ и к гражданским делам, нужно было обратиться с прошением в окружной суд и получить от него специальное свидетельство. Однако Владимир Ильич почти месяц медлил с этим прошением. Почему? Прежде всего потому, что знакомился с теми уголовными делами, которые ему предложил А. Н. Хардин, а также с обстановкой, в которой придется вести защиту своих первых подсудимых. Только 28 февраля он представил в суд прошение, в котором согласно требованиям закона сам удостоверил, что для получения им «права быть поверенным нет ни одного из препятствий, означенных в статье 246 устава гражданского судопроизводства» [3].

Но, кроме требований закона, в жизни негласного

поднадзорного действовали конфиденциальные предписания начальства, и секретарь окружного суда сделал на прошении помету: «Ульянов состоит помощником присяжного поверенного при г. Хардине с 30-го января сего 1892 года. — Сведений о нравственных качествах Ульянова в деле не имеется»[4]. Под «нравственными качествами» подразумевалась прежде всего политическая благонадежность, а судить о ней имел право либо университет, либо департамент полиции, о чем и сказал Владимиру Ильичу сам председатель Самарского окружного суда Владимир Иванович Анненков[5].

Владимир Ильич, если еще не лично, то, по крайней мере, заочно, знал этого шестидесятилетнего штатского генерала. Да и кто в Самаре не знал его — сына декабриста И. А. Анненкова и его знаменитой жены, француженки Полины Гебль (ставшей после замужества Прасковьей Егоровной Анненковой), последовавшей добровольно в Сибирь за сосланным туда на каторгу женихом. Одни знали Владимира Ивановича как председателя окружного суда, уже полтора десятка лет занимавшего этот важный в губернии пост. Другие уважали его как безукоризненно честного человека, который, несмотря на свой великанский рост, почти геркулесову физическую силу и суровое выражение лица, на самом деле был добрым и отзывчивым, прекрасным семьянином. Многим сослуживцам было известно также, что Владимир Иванович испытал на себе гнет жандармско-полицейского надзора, и если сумел все-таки подняться по чиновничьей лестнице от писца до председателя окружного суда, то только благодаря своему исключительному трудолюбию и исполнительности.

В. И. Анненков вполне лояльно относился к политическим поднадзорным, но без предъявления удостоверения о «благонадежности» даже председатель окружного суда не мог помочь в выдаче свидетельства на право

ведения гражданских дел. А получить злополучное удостоверение оказалось не так-то просто: Петербургский университет не может выдать его потому, что Владимир Ильич не состоял там студентом, а только сдавал экстерном экзамены [6]. А из департамента полиции, как показал опыт, ответа можно ждать долго...

Однако Владимир Ильич не стал сидеть сложа руки и ждать ответа из Петербурга: он взялся сразу за ведение двух уголовных дел, которые распределялись судом между присяжными поверенными в качестве обязательных, но безгонорарных.

Первое из них — по обвинению 32-летнего сельского портного Василия Федоровича Муленкова. Ему вменялось в вину то, что 12 апреля прошлого года, будучи в нетрезвом состоянии, в бакалейной лавочке села Шиланский Ключ (невдалеке от Алакаевки), «матерно обругал бога, пресвятую богородицу и пресвятую троицу», а также оскорбил «государя императора и его наследника» [7]. Лавочник М. Борисов, давно имевший зуб на Муленкова, донес о случившемся полицейскому уряднику, тот — становому приставу, пристав — уездному исправнику... Расследованием же занялся жандармский подполковник М. А. Эшенбах, тот самый, который руководил слежкой за... самим помощником присяжного поверенного Владимиром Ульяновым и всеми его родными.

Каждому здравомыслящему человеку было ясно, что Муленков без умысла совершил хулиганский поступок и должен был бы понести административное наказание. Но закон рассматривал любой проступок такого рода как преступление, каравшееся тюремным заключением на срок до 1 года и 4 месяцев. Задача Владимира Ильича, которого сам Муленков выбрал в качестве защитника, сводилась к тому, чтобы как можно убедительнее доказать непроизвольность поступка подзащитного, вскрыть противоречивый и вместе с

тем предвзятый характер показаний лавочника-доносчика.

О ходе судебного процесса, проходившего 5 марта, без присяжных заседателей и при закрытых дверях, почти ничего не известно, ибо подробных стенограмм заседаний по делам такого рода не велось. Владимир Ульянов, несмотря на усилия прокурора А. Д. Рудковского, настаивавшего на максимальном сроке наказания Муленкова, добился некоторого облегчения участи своего подзащитного: его приговорили к 1 году тюрьмы. Владимир Ильич имел основания принять поздравления А. Н. Хардина и своих родных за успешный дебют на многотрудном адвокатском поприще.

Для подготовки к следующей защите — крестьянина Михаила Опарина, 34 лет, и отставного рядового Тимофея Ивановича Сахарова, 43 лет, обвинявшихся в краже 146 рублей из сундука кулака Мурзина в селе Березовый Гай Самарского уезда, Владимир Ильич имел всего лишь пять дней. За это время он изучил материалы следствия, побеседовал наедине с Сахаровым в тюремном замке, установил обстоятельства, смягчающие вину обоих обвиняемых, и подготовился к выступлению на процессе.

Судебное заседание состоялось 11 марта, на этот раз — с участием присяжных заседателей. Оправдать кражу, да тем более групповую и с применением «технических средств», — невозможно. Но убедительно и эмоционально показать, что подсудимые во время голода прошлого года совершенно обнищали и во многом именно отчаянное положение довело их до кражи денег у богатея, на которого они батрачили с утра до вечера, — можно и необходимо. Владимиру Ильичу удалось серьезно воздействовать на умы и души присяжных заседателей, и в вердикте появилось смягчающее заключение: «Виновны, но заслуживают снисхождения». Суд, учтя предложение защитника, снизил на одну степень меру наказания по сравнению с той, ко-

торую предлагал прокурор, причем до «низшей меры», и приговорил Опарина и Сахарова только к отдаче на год в исправительно-арестантские отделения [8].

На судебные процессы с участием присяжных заседателей публика допускалась беспрепятственно. Поэтому можно предположить, что на этой, второй защите Владимира Ильича присутствовал кто-то из родных: Анна Ильинична, Марк Тимофеевич или Дмитрий Ильич, а может быть, все вместе, и с матерью.

Затем между сессиями окружного суда наступил перерыв на несколько недель, и Владимир Ильич начинает наверстывать упущенное в своей программе чтения, больше обычного уделяет внимания семье, и особенно матери. К той глубокой и нежной любви, которую он питал к матери с детства, после смерти отца прибавилось постоянное обостренное чувство сострадания ее тяжким переживаниям. И с каждым новым горем, обрушивавшимся на ее седую голову, — потерей Саши и Оли, эта боль за душевные муки матери и беспокойство за ее здоровье безмерно усиливались. Вместе с тем росло и крепло осознанное чувство признательности: только благодаря неустанным заботам и постоянной материальной поддержке матери он смог получить высшее образование, регулярно заниматься самообразованием, а теперь и адвокатской практикой, пока еще не получая вознаграждения за свой труд.

Как бы ни был занят Владимир Ильич, он все бросал, когда по учебным делам к нему обращалась младшая сестренка — любимица Маняша, да и в часы досуга с удовольствием уделял ей время. Все чаще и больше он вникал в дела Дмитрия — и не только в гимназические, но и в его духовные запросы, в круг его друзей. И это естественно. Ведь Дмитрию Ильичу шел 18-й год. Он уже вступил в пору увлечения произведениями революционных демократов, особенно Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского, вдумчивого изучения социально-экономической литературы, которую уже

сам брал в библиотеках А. П. Скляренко и В. В. Водовозова. Владимир Ильич любил слушать, как Дмитрий с товарищами пел хором ходовые в то время песни, вроде «Коперника», «Быстры, как волны», «Из страны далекой» [9].

Но самым близким товарищем и собеседником Владимира Ильича оставалась старшая сестра. Она наряду с усиленными литературными занятиями штудировала социально-экономические, в том числе и марксистские, труды и вместе с мужем поддерживала связь с радикальной молодежью Самары.

Кстати, в связи с приближением конца пятилетнего срока гласного надзора над Анной Ильиничной самарская полиция уделяла ей особое внимание. В эти мартовские дни пристав 3-й части, отвечая на запрос полицмейстера о ее поведении, отмечал в своем рапорте: «...Елизарова хотя и не была замечена в чем-либо предосудительном, но ведет постоянное знакомство с лицами неблагонадежными в политическом отношении, и прекращение гласного надзора, по моему мнению, еще преждевременно» [10].

Тем не менее этот злобный отзыв не достиг результата, и 8 апреля 1892 года распоряжением департамента полиции Анна Ильинична была переведена в разряд негласноподнадзорных, но еще на год без права проживания в университетских городах, а также в Твери и Нижнем Новгороде — руководство политическим сыском все еще опасалось появления родной сестры Александра Ульянова в нежелательных, с его точки зрения, городах. И все-таки тот апрельский день, когда стало известно, что основные тягостные ограничения гласного надзора потеряли силу, был радостным для всей семьи. Теперь Анна Ильинична была вольна, не испрашивая позволения у держиморд разных рангов, в любой день поехать в Алакаевку или обратно в Самару. Полиция потеряла официальное право контроля над ее перепиской. Прекратятся внезапные и наглые визиты урядни-

ков, околоточных надзирателей, приставов и исправников в помещения, где находилась сестра. Меньше станет поводов для пересудов у соседей-обывателей по поводу посещения дома Ульяновых полицией. Словом, это была такая новость, которая пришлась кстати ко дню рождения Владимира Ильича.

Прошло уже полтора месяца с тех пор, как Владимир Ильич обратился с прошением о своем желании вести гражданские дела, а ответа все еще не было. 15 апреля, как бы напоминая о необходимости продвижения дела, он представляет в канцелярию окружного суда квитанцию губернского казначейства о взносе 78 рублей, необходимых для получения свидетельства «на право ходатайства по чужим делам» [11].

А на следующий день Владимир Ильич выступает в окружном суде в качестве адвоката по двум уголовным делам. Вначале он защищает крестьян-бедняков И. И. Уждина, К. Ф. Зайцева и И. В. Красильникова, обвинявшихся в том, что в сентябре прошлого года они вскрыли амбар хуторянина Ф. Кривякова, чтобы похитить зерно. Выступать против доказанной кражи невозможно. Владимир Ильич мог лишь рельефно показать, что только голод 1891 года вынудил подсудимых пойти на преступление, для того чтобы накормить детей. Как свидетельствует протокол, он «ходатайствовал о понижении наказания», и суд приговорил обвиняемых к меньшей, чем требовал прокурор, мере — лишению всех прав состояния и к арестантским ротам сроком на 3 года [12].

По следующему делу проходил уже знакомый нам Муленков, которого Владимир Ильич защищал 5 марта. Теперь же портной обвинялся в четырех мелких кражах, совершенных еще два года назад. Защитнику Ульянову на основании показаний свидетелей и самого обвиняемого удалось убедить суд в неосновательности претензий к Муленкову по трем кражам. Что же касается похищения 2 рублей и 60 копеек у того же самого

А. Борисова, в лавке которого он «богохульствовал», то опровергнуть это обвинение не удалось, и суд с участием присяжных заседателей приговорил Муленкова к 8 месяцам лишения свободы. С учетом же того, что он уже приговорен за «богохульство» к году тюремного заключения, суд ограничился этой более высокой мерой наказания. Несомненная победа защиты содействовала росту популярности молодого адвоката [13].

Через день, 18 апреля, состоялось его новое выступление в суде — в качестве защитника по делу 29-летнего запасного рядового Е. И. Тишкина и крестьянина И. Ф. Зорина, 22 лет, обвинявшихся в конокрадстве. Суть дела заключалась в том, что полицейские сыщики, встретив этих молодых, плохо одетых и полуголодных парней, решили их «прощупать». В одном из трактиров они угостили Тишкина и Зорина спиртным и уговорили их угнать одну безнадзорную лошадь, пообещав за это вознаграждение. Те, не подозревая, что это гнусная провокация, привели в условленное место чужую лошадь, где их уже поджидала полиция.

Владимир Ильич подчеркнул все эти обстоятельства и просил о снисхождении к беднякам, которых полицейские подтолкнули на преступление, но суд с участием присяжных заседателей отказался принять во внимание чистосердечное признание обвиняемых и доводы адвоката и приговорил Тишкина к 3,5 года лишения свободы, а Зорина — к 9 месяцам. Неудача защиты объясняется во многом тем, что Тишкин имел уже несколько судимостей, а также стремлением суда в связи с участившимися в Самаре случаями угона лошадей преподать урок другим похитителям [14].

С этого дня вновь наступает перерыв в юридической практике Владимира Ильича.

Укрощение куща-самодура

Дружеские отношения Владимира Ильича с Марком Тимофеевичем крепли с каждым прожитым вместе днем. Он с удовлетворением отмечал, что зять, и раньше интересовавшийся социально-экономической литературой, становится его верным единомышленником. Работа делопроизводителем у либерально настроенного земского начальника А. И. Самойлова позволяла Марку Тимофеевичу часто разъезжать по уезду и вникать в самые насущные проблемы крестьянской жизни. Своими наблюдениями о положении в деревне он постоянно делился дома с родными. Для Владимира Ильича были очень важны связи Марка Тимофеевича с членами сызранского кружка марксистского направления, возглавляемого бывшим студентом Московской Петровской (ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академии Алексеем Ивановичем Ерамасовым.

Владимир Ильич познакомился с ним через Марка Тимофеевича еще весной 1890 года, вскоре после того, как Ерамасова за участие в студенческих волнениях выслали из Москвы в родную Сызрань. Студент-петровец был немногословен и внешне выглядел по-крестьянски простовато. Когда же Владимир Ильич разговорился с ним у себя дома, то с удовлетворением убедился, что Алексей питает глубокий интерес к общественным наукам и знаком с социально-экономической литературой, как на русском, так и на немецком языке. Ерамасов, которому после отца-купца досталось довольно значительное состояние, был настроен весьма решительно в народовольческом духе и готов был пожертвовать борьбе против царизма все свое наследство. За эту готовность отказаться во имя общего дела от материальных благ и полуаскетический образ жизни с легкой руки Марка Тимофеевича или В. А. Ионова за ним навсегда укрепилась подпольная кличка «Монах».

Немаловажным было и то, что Алексей и его род-

ной брат Сергей — выпускник Петербургского технологического института, работавший архитектором в Сызрани, имели друзей в подпольных кружках обеих столиц и через них доставали запрещенную литературу. Словом, Владимир Ильич сумел разглядеть в Ерамасове честного и преданного делу революции работника.

Алексей Иванович, в свою очередь, проникся безграничным доверием к Владимиру Ильичу и относился с глубоким уважением ко всей его семье. Вспоминая о начале своего знакомства с Владимиром Ильичем весной 1890 года, он писал: «Я испытал какое-то особое чувство при первом посещении ульяновской семьи, перенесшей такое тяжелое горе... Разговор шел на обычные в то время темы: о народничестве, о судьбах капитализма, о В. В. (В. П. Воронцове. — *Ж. Т.*) и Николае -оне (Н. Ф. Даниельсоне. — *Ж. Т.*) и пр.»[1].

Помимо этих, ставших действительно обычными, тем, Владимир Ильич излагал и марксистские взгляды, да так убедительно, что Ерамасов вскоре перешел на его позиции и вместе с Ионовым стал обращать в новую веру ссыльного студента В. М. Андреева («Максимыча», близкого товарища А. П. Скляренко), учителя М. С. Татаринова и других своих сызранских знакомых[2]. А после переезда в январе 1892 года Ионова в Саратов Ерамасов стал сам руководить кружком марксистского направления. Литературой его снабжали А. П. Скляренко, М. И. Семенов, М. Т. Елизаров.

Алексей Иванович сообщает в своих воспоминаниях о переводе Владимиром Ильичем «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, который был, к сожалению, утрачен: «Перевод этот в рукописи ходил по рукам, завезли мы его и в Сызрань. Здесь я отдал тетрадь знакомому учителю, который

считался у начальства неблагонадежным. По какому-то делу этого учителя вызвали в Симбирск к директору народных училищ. Мать учителя испугалась, что нагрянут с обыском, и уничтожила тетрадь» [3]...

За три года жизни в Самаре Владимир Ильич неоднократно бывал в Сызрани и, наверное, встречался там с Ерамасовым. Так, во второй половине мая 1892 года он вместе с Марком Тимофеевичем отправился через Сызрань к родным зятя в Бестужевку. Возможно, что на обратном пути он предполагал увидеться и с Алексеем Ивановичем. Путь из Самары был такой: пароходом вниз по Волге до Батраков (ныне — город Октябрьский, близ Сызрани), затем — переправа на левый берег, а оттуда, уже на лошадях, в деревню. Но случилось непредвиденное.

Когда они оказались уже недалеко от Батраков, то попросили капитана дать свисток, чтобы подозвать лодку для переправы на левый берег. Подошла парусная лодка, но так как на нее вместе с Владимиром Ильичем и Марком Тимофеевичем сел и крестьянин, которому нужно было попасть домой в Батраки, то они подплыли сначала вместе с ним к правому. Ссадив его, они начали подниматься вверх по течению, чтобы затем в удобном месте переправиться на левый берег. Дальнейшие события, в описании современника, разворачивались так: «Тут, на беду, они должны были проехать перед окнами дома перевозчика (купца Арефьева, возомнившего себя безраздельным хозяином переправы. — *Ж. Т.*)... Арефьев, пребывавший в то время в компании гостей на балконе своего дома, предложил проезжавшим сойти с лодки и присоединиться к ним, внушительно добавив при этом, что они все равно не уйдут. Е[лизаров] поблагодарил за приглашение, и лодка стала продолжать путь. В это время раздается властный голос А. Н. Арефьева: «Алексей, взять лодку!» Перевозный паровичок моментально нагнал суденышко, бежавшее под парусом. Лодка была пере-

хвачена с носа парохода и едва не попала под колеса...» [4]

Арефьевские матросы, привычно работая баграми, подтянули лодку и предложили пассажирам перебраться на пароходик. Владимир Ильич разъяснил служащим, что за такое принуждение им грозит тюрьма, но капитан настаивал на своем. Пришлось подчиниться. Владимир Ильич записал фамилии служащих и лодочников, а когда приплыли к пристани, направился к пировавшему Арефьеву и спросил, на каком основании он изловил их. Ответ купца — «на основании таксы, утвержденной министром» — не мог удовлетворить, и он хотел сразу же отправиться к земскому начальнику. Марк Тимофеевич, знавший местные порядки, убедил Владимира Ильича не спешить, а сам обратился к Арефьеву: «Дадите лодку?» Тот ответил: «Вам дам», подчеркивая слово «вам» и тем давая понять, что если он и дает лодку, то делает этим любезность, одолжение и никоим образом не исполняет обязанность, то есть «сам я хочу — везу, а хочу — нет, но другим везти не позволю» [5].

Купец думал, что «своенравные» путники уедут и на том все кончится: не станут же они приезжать сюда за сотни верст без всякой выгоды для себя только ради того, чтобы привлечь его к ответственности за самоуправство. Так уже было не раз, и он давно уверовал в свою реальную силу и безнаказанность.

Еще 15 лет назад симбирское земство имело в Батраках (Сызранский уезд входил в Симбирскую губернию) свой перевоз, который содержался арендатором. Здесь же, по соседству, в 1878 году самовольно устроил переправу и Арефьев на своем более мощном и быстром пароходике. Сначала цены у него были ниже земских, а перевоз людей, грузов, скота осуществлялся быстрее, и он довел земского арендатора до упадка.

В конфликт вмешался симбирский губернатор, предложивший сызранской полиции ликвидировать арефьевскую переправу. Но тот успел уже приобрести участок земли на левом берегу Волги и вообще так закрепился, что не только не выполнял требований полиции, но еще и сам обжаловал постановления сызранского съезда мировых судей в правительствующем сенате.

Высшее судебное учреждение империи ответило, что «устройство и содержание перевозов и переправ на земских путях сообщения» не может быть «предметом коммерческого предприятия, состоящего вне всякого правительственного надзора», и поэтому оставило жалобу купца «без последствий».

После этого симбирское губернское земство имело все основания через суд взыскать с А. Н. Арефьева размер тех убытков-дотаций, которые несло несколько лет, поддерживая свою общественную «весельную переправу» через Волгу. Однако, прикинув расходы на ведение нового судебного дела, оно решило свой перевоз в Батраках сохранить, но при этом, смирившись, записало: «иск же мещанину Арефьеву, в смысле возмещения земству убытков, комиссия считает безнадежным, почему и предлагает его не начинать» [6].

В последующие пять лет симбирское губернское земство продолжало бороться с Арефьевым, но, увы, безуспешно, и тот держал свою переправу, применяя при этом бессовестные приемы. Например, такой. Подставное лицо купца зазывает на хозяйский пароходик желающих, обещая перевезти чуть ли не даром, а потом, «отплыв от берега, начинает с пассажиров взимать плату, какую захочет» [7].

В конце концов симбирские власти, резонно полагая, что батракским перевозом больше всего пользуются жители Самарской губернии, обратились к самарскому губернатору и самарскому губернскому земству

с предложением передать общественную переправу в их ведение, но те не приняли этот дар. И симбирское земство, по существу, махнуло рукой на свою переправу. Между тем Арефьев разбогател, перешел из мещанского сословия в купеческое и окончательно завладел перевозом между Батраками и деревней Якобьевкой на левом берегу Волги. Став монополистом, он устанавливал цены, какие ему заблагорассудится, а недовольным угрожал, что, если они будут жаловаться, в следующий раз их вообще не повезет. Время от времени жалобы доходили до министра внутренних дел, как, например, в 1886 году, когда Арефьев отделался небольшим денежным штрафом, и продолжал как ни в чем не бывало куражиться над пассажирами.

«Несомненно, были люди, которые не могли не видеть, — писал Дмитрий Ильич, — что купец действует беззаконно, но не решались или не хотели тягаться с ним по судам. Одним это было невыгодно с материальной стороны, другие же, предвидя кучу хлопот, судебную волокиту и т. д., по инертности и «русской» лени отказывались от борьбы» [8].

На этот же раз купец-самодур просчитался: Владимир Ильич, с его обостренным чувством ненависти ко всем проявлениям несправедливости и произвола, не любивший к тому же откладывать дела в долгий ящик, направил земскому начальнику 2-го участка Сызранского уезда А. Д. Ребровскому официальную жалобу с просьбой о привлечении Арефьева и его подручных к уголовной ответственности.

В эти же майские дни Владимир Ильич узнал в окружном суде, что вопрос о выдаче ему свидетельства на право вести гражданские дела не сдвинулся с места. 1 июня он сам направил прошение директору департамента полиции с просьбой известить председателя Самарского окружного суда о неимении со

стороны департамента препятствий к выдаче ему свидетельства на право быть поверенным [9]. Из Петербурга, против обыкновения, довольно быстро ответили (через самарского губернатора), что «соответствующий отзыв будет дан на запрос надлежащего судебного начальства» [10]. Владимиру Ильичу ничего не оставалось, как вновь просить председателя окружного суда сделать такого рода запрос директору департамента полиции... [11]. Пока же придется заниматься только уголовными делами.

5 июня Владимир Ульянов выступает в окружном суде в качестве защитника по делу крестьянина села Вязовый Гай М. С. Бамбурова, обвинявшегося в краже носильных вещей. Кража была мелкой: из квартиры отставного коллежского регистратора он похитил «3 горбушки хлеба», мешок и потертый форменный сюртук, а у одного крестьянина — поношенную рубашку. Бамбуров чистосердечно признался, что сделал это «по крайности и неимению никаких средств к пропитанию и работы». Владимиру Ильичу удалось убедить присяжных заседателей в необходимости смягчения меры наказания, предлагавшейся прокурором. Но и это согласно закону означало для Бамбурова год пребывания в арестантском отделении [12].

Через четыре дня, 9 июня, Владимир Ильич защищает в суде группу крестьян деревни Раковки Самарского уезда — П. Г. Чинова, С. В. Лаврова, Ф. И. Куклева и его 13-летнего сына Николая, обвинявшихся в краже зерна и «разных вещей» из амбаров сельских богатеев. Вскрыв бездоказательность ряда обвинений, Владимир Ильич добился того, что каждый из подзащитных в чем-то был оправдан, хотя они ранее уже и привлекались к ответственности за хищения, а мальчик был вообще оправдан и вышел на свободу [13].

После этого дела наступил трехмесячный перерыв в адвокатской деятельности Владимира Ильича, зато на-

чалась его собственная судебная тяжба с купцом Арефьевым. Кто-то из знакомых Владимира Ильича или Марка Тимофеевича послал заметку о случае на Батракском перевозе в казанский «Волжский вестник». Там ее поместили в номере от 4 июня, и эта история получила широкую огласку во всем Поволжье. В газете имя Арефьева было названо и указано, что погоня его пароходика за лодкой «грозила неминуемой катастрофой» пассажирам, поэтому замять преступное самоуправство стало уже невозможно.

Вскоре Владимир Ильич получил и повестку, извещавшую, что разбор возбужденного им дела назначен на 15 июня в камере земского начальника, находившейся в Сызрани [14]. Отправляясь туда, Владимир Ильич, очевидно, еще раз заглянул в соответствующие статьи уголовного законодательства и в «Положение» о земских начальниках. Сам Арефьев в камеру Ребровского не явился, а прислал в назначенный час своего поверенного Н. А. Ильина. Присутствовал также штурман пароходика А. Семенов.

Даже по очень краткому газетному репортажу видно, что заседание происходило довольно бурно. Наемный адвокат Арефьева «всяческими способами и изворотами старался выгородить своего клиента. То он доказывал, что матросы сами изловили лодку по своему почину... То утверждал, что приказал не Александр Николаевич, а брат его, Сергей Николаевич, то ссылался на распоряжение полиции, которая будто бы сама велела излавливать, то... и не перечтешь всех тех способов защиты, из которых каждый новый побивал все предыдущие».

Ясно, что на эти «извороты» адвокат Ильин вынужден был идти под методичным натиском Владимира Ильича, искусно использовавшего и показания свидетелей обвинения, и ответы штурмана, который сначала взял всю вину на себя, а затем бесхитростно пояснил,

что «хозяин (А. Н. Арефьев. — *Ж. Т.*) завсегда так велит...».

Когда Ильин понял тщетность своих попыток обелить самоуправство клиента-купца, то принялся убеждать, что Арефьев имел право это сделать, так как ему принадлежит монополия перевоза в данной местности, и просил Ребровского отложить разбирательство до представления документов, подтверждающих эту монополию. «Хотя У[льянов] и возражал, — говорится далее в газетном репортаже, — что все документы не идут к делу, так как суть дела не изменится, потому что самовольная защита и своих действительных прав признается за самоуправство, но г. земский начальник все-таки уважил ходатайство защитника и разбор дела отложил» [15].

Владимир Ильич понимал, как подчеркивал Дмитрий Ильич, что «Арефьев, зная о безнадежности своего положения и грозившей ему каре, пустил в ход все свои связи, чтобы оттянуть по возможности дело» [16]. Понимал он и положение Ребровского, всего лишь пару лет назад сменившего профессию врача на административно-судебную должность и поэтому не ведавшего о всех тонкостях юридического крючкотворства и оказавшегося просто неготовым к внезапному извороту Ильина, пообещавшего представить документы купца на монополию перевоза. Вместе с тем земский начальник должен был постоянно помнить о законе, обязывавшем его стараться, чтобы стороны по тяжбе, поступившей к нему, «прекратили дело миром».

Отсрочка вызывала чувство досады, но Владимир Ильич имел основания для удовлетворения первым этапом разбирательства, так как ему удалось доказать сам факт самоуправства, за которое купца неотвратимо ждет тюремное наказание.

Холера. В ответ на нападки Михайловского

С наступлением лета к Самаре стремительно стало приближаться новое грозное бедствие — холера: в Саратов она пришла с юга 18 июня, а через четыре дня появились первые больные и в Самаре. 30 июня в срочно созданных бараках «временной больницы» находилось 29 больных холерой, 47 — «холериной» и 10 — «подозрительных». За неделю из больницы выписалось 5 человек, а на кладбище в закрытых гробах, без отпевания в церквах и без «скопления народа», были отправлены первые 11 жертв эпидемии. В следующие две недели в больнице уже умирало «преимущественно истощенных бедных людей» до 50 человек в день. 12 июля «Самарская газета» писала: «Благодаря холере между городскими обывателями царит настоящая паника. Многие бегут не только из города, но и из соседних дачных местностей куда-нибудь подальше от города: на Сергиевские минеральные воды, даже в Москву и Петербург».

Но бежать в столицы, не говоря уже о поволжских и уральских губерниях, было бесполезно: там тоже свирепствовала «азиатская холера». Правительство рассылало циркуляры по организации карантина, устройству временных бараков, созданию мобильных медицинских отрядов. Врачи публиковали в газетах советы и рецепты по предупреждению заболевания и лечению заразившихся.

Проведение в жизнь «указаний науки» нередко осуществлялось чисто полицейскими мерами. «Стоило врачам в Самаре и Саратове, — вспоминал современник, — указать на то, что квас надо варить из кипяченой воды, — как все квасные посудины на пристанях внезапно, точно бурей, были опрокинуты полицией, и

тысячи бурлаков вынуждены были пить грязную воду прямо из волжских затонов, как будто она была кипяченая, и всюду, где строился холерный барак, — перед населением вставал призрак принудительного, при содействии полиции, водворения в это учреждение даже сомнительных больных и заболевших другой болезнью...» [1] Неудивительно, что после появления в газетах сообщений о бунтах, во время которых народ сжигал холерные бараки, а кое-где и нападал на врачей и фельдшеров, и в Самаре стали опасаться подобных волнений.

Как водится, в тяжелую годину среди власть имущих нашлись дельцы, стремившиеся погреть руки на людском горе. Так, городской голова Бугуруслана некий Серебряков, по словам корреспондента «Самарской газеты», «пользуясь случаем» и «коммерческой тактикой», продал студенту-медику Голубеву «для потребностей народа» хинин и содрал за него втрое дороже, чем он стоил в аптеках. Голубев предал этот факт гласности, и «г. Серебряков, состроив из себя угнетенную невинность, обиделся...»

Владимир Ильич знал и отрадные факты. Давний знакомый, фельдшер Дмитрий Александрович Гончаров (добившийся-таки права экстерном сдавать за 5-й курс медицинского факультета Киевского университета) проявил в борьбе с холерной эпидемией в Самарском уезде «необычайную энергию и полное самоотвержение», сообщал 7 марта «Волжский вестник».

В прошлые годы обычно уже в мае Ульяновы перебирались в Алакаевку, а в это холерное лето Владимир Ильич задержался в городе до конца июля. 27-го числа он наконец-то получил в окружном суде «Свидетельство» на право ходатайства по чужим судебным делам в течение 1892 года [2], и, наверное, в этот же день отправился в Алакаевку. Пристав 3-й части Самары упустил это и в докладе полицмейстеру задним числом проставил другую дату убытия поднадзорного —

25 июля. Слежка за Владимиром Ильичем продолжалась. Широкая же общественность из «Самарских губернских ведомостей» от 5 августа и «Самарской газеты» от 9 августа узнала, что помощник присяжного поверенного Владимир Ильич Ульянов получил «свидетельство на право ведения чужих судебных дел в Самарском окружном суде в течение 1892 года», то есть стал полноправным адвокатом.

Этим летом Владимир Ильич, как обычно, много читал, в том числе труды ведущих идеологов либерального народничества — В. П. Воронцова, С. Н. Южакова и особенно — Н. К. Михайловского. Со многими статьями и очерками Михайловского в «Отечественных записках», «Северном вестнике» и «Русских ведомостях» Владимир Ильич был знаком. Что же касается его произведений, печатавшихся в «Русской мысли», которую Ульяновы давно выписывали, то Владимир Ильич их не просто читал, а штудировал и делал выписки. Это особенно относится к статьям Михайловского «Литература и жизнь», которые с марта 1891 года почти ежемесячно появлялись в журнале. Многое привлекало в них: живые воспоминания о писателях и публицистах, с которыми Михайловскому довелось встречаться, поучительный анализ творчества братьев Курочкиных, Д. Писарева, Н. Добролюбова, Д. Минаева, Г. Елисеева, Н. Некрасова, Г. Успенского, М. Салтыкова-Щедрина, Н. Шелгунова, Л. Толстого, А. Чехова. Интерес разночинного читателя вызывала и борьба Михайловского с теоретиками «чистого искусства».

В 1914 году Владимир Ильич напишет: «Великой исторической заслугой Михайловского в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России было то, что он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивал в легальной, открытой печати — хотя бы намеками сочувствие и уважение к «подполью», где действовали

самые последовательные и решительные демократы разночинцы, и даже сам помогал прямо этому подполью»[3].

Примерно с такими, довольно доброжелательными чувствами принялся Владимир Ильич за чтение появившейся в июньской книжке «Русской мысли» за 1892 год очередной, уже девятой по счету, статьи Михайловского из цикла «Литература и жизнь». Заголовка она не имела, но автор перечислил все пять вопросов, которые рассматриваются в ней: «Книга о книгах». — Воспоминание о маленьком человеке. — Н. И. Зибер. — Письмо К. Маркса. — Кающиеся дворяне.

При разборе «Книги о книгах» — объемистого рекомендательного каталога, изданного в Москве под руководством известного политэконома и статистика профессора И. И. Янжула «в пользу голодающих», критик Михайловский справедливо отметил такие серьезные недостатки каталога, как отсутствие в нем философских трудов Л. Фейербаха, Л. Толстого, Ф. Лассаля, литературы «о международном обществе рабочих». Владимиру Ильичу наверняка пришелся по душе и совет Михайловского Янжулу: при подготовке следующего издания «Книги о книгах» зорче «заглянуть в долину жизни», учесть, в частности, циркулирующие «среди жаждущих чтения самодельные указатели»[4].

Несомненно, что Владимир Ильич с интересом прочел в статье рассказ о трагической судьбе «маленького человека» — девушки, которая после окончания в Петербурге фельдшерских курсов, прежде чем служить народу своими медицинскими знаниями, пожелала устроиться на фабрике или в деревне, чтобы там, в самом широком смысле слова, изучить среду для понимания судеб капитализма в России. Она добилась своего — поехала весной 1891 года в Самарскую губернию для оказания помощи голодающим, но вскоре заразилась тифом и умерла. Вспомнил же Михайловский

о ней для того, чтобы еще раз упрекнуть составителей «Книги о книгах» за «слишком презрительное или слишком боязливое» отношение к тому, «что живо и живьем пахнет» и, в частности, за пропуски в каталоге дискуссионных статей о К. Марксе, в том числе и его, Михайловского, статьи «Карл Маркс перед судом г. Жуковского», напечатанной в «Отечественных записках» за 1877 год.

В этом пропуске, замечает Михайловский, не было ничего удивительного, если бы не одно обстоятельство: «Случилось так, что статья эта, написанная в защиту Маркса, но с оговорками, вызвала вмешательство самого Маркса в наш русский спор: его возражение на мою статью или объяснение по поводу ее, уже после его смерти, было напечатано в «Юридическом вестнике» (за 1888 г.) под заглавием «Письмо Карла Маркса».

Владимир Ильич читал еще в Казани это очень важное для каждого революционера письмо К. Маркса в «Юридическом вестнике», как и статью Михайловского в «Отечественных записках», и немало размышлял над ними. Как же теперь, спустя 15 лет после появления своей статьи в некрасовском журнале, Михайловский смотрит на те «оговорки», с которыми он раньше «защищал Маркса» от нападок Жуковского, а главное, как сейчас он относится к «русскому спору» о судьбах капитализма в России?

Прежде чем перейти к этой волнующей многих читателей проблеме, Михайловский изложил суть шестой главы «Капитала», где К. Маркс скрупулезно раскрывал процесс первоначального накопления капитала. Минуя подробности, Михайловский подводил читателя к выводу, что развитие капитализма в Европе сопровождалось ужасами нищеты, унижения, гнета, обрушившимися на крестьян и ремесленников после того, как они лишились земли, средств существования и орудий труда. Искренне желая, чтобы в России эти ужасы не повторились, Михайловский стремится убедить читателя

в возможности миновать капиталистический путь развития, ибо у нас еще сохранились общинное землевладение, кустарная промышленность, артели и другие виды «принадлежности земли или орудий производства работнику».

Игнорируя очевидные для многих читателей факты быстрого разложения крестьянской общины и развития капиталистических отношений в экономике пореформенной России, Михайловский безапелляционно заявляет, будто мы находимся «еще в самом начале» этого процесса и поэтому «должны сознательно» избежать «чреватого бедствиями» капиталистического периода, возникшего в истории Европы «стихийно».

За эти типично субъективистские рассуждения можно было только пожалеть маститого публициста. Но после этого Михайловский пошел на явное извращение взглядов российских сторонников научного социализма: «...положение русского ученика Маркса представляется мне крайне трудным и двусмысленным. Идеал его есть коллективная организация принадлежности рабочему земли и орудий производства, и, в то же время, он должен приветствовать разлучение труда и собственности, обезземеление крестьян, нарождение пролетариата и вообще распадение связи между работником и условиями производства, потому что все это — отдельные акты необходимого, но, в конце концов, благодетельного процесса»[5].

Вот так, не приводя ни одного примера утверждений «русских учеников Маркса» о том, что в России «должен быть» капитализм, «потому что он был на Западе», и повторяя банальные побасенки пошляков народнического толка о желании социал-демократов «обезземелить народ», Михайловский самоуверенно заявляет далее: «Задача наша не в том, чтобы вырастить непременно «самобытную» цивилизацию, но и не в том, чтобы перенести на себя западную цивилизацию целиком со всеми раздирающими противоречиями: на-

до брать хорошее отовсюду, откуда можно, а свое оно будет или чужое, это уже вопрос не принципа, а практического удобства. По-видимому, это столь просто, ясно и понятно, что и разговаривать не о чем».

Как он жестоко ошибался! В Самаре (где жил племянник Михайловского и где он сам побывал всего лишь месяц назад, совершая поездку по Волге) молодой адвокат Владимир Ульянов законспектирует эти и другие строчки из его статьи в «Русской мысли», прокомментирует их сначала для себя, а затем решительно примется за обстоятельнейшую работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Да, Владимир Ильич, как никто другой из современников, сразу же расценил эту журнальную статью как первое программное выступление народников против российских учеников Маркса. Учитывая громадный авторитет Михайловского, которого редакция «Русской мысли» именовала «самым талантливым нашим критиком-публицистом» [6], а автор книги «Основы народничества» Юзов (Каблиц И. П.) громогласно назвал «...одним из вреднейших марксистов» [7], Владимир Ильич твердо решил развенчать самоуверенного публициста-субъективиста, на самом деле ничего общего не имевшего с социал-демократами.

Набросав свои возражения по поводу статьи, Владимир Ильич поделился ими с Алексеем Скляренко и членами его кружка. Матвей Семенов в связи с этим вспоминал: «В июньской книжке «Русской мысли» за 1892 год появилась первая статья Н. К. Михайловского с обвинениями марксистов в проповеди необходимости «отделения производителей (крестьян) от средств производства». В. И. Ленин немедленно реагировал на эту выходку столпа либерального народничества соответствующим докладом в нашем кружке» [8].

Эта статья Михайловского обсуждалась на собраниях у А. И. Ливанова и других ветеранов-народников,

которые узнали о взглядах Владимира Ильича, и на головы «марксят» и «гегельянцев», по свидетельству того же Семенова, посыпались всяческие наветы: «Марксистов обвиняли прежде всего в нереволюционности их учения, в искусственности пересадки этого учения из Западной Европы в Россию, где для его развития и применения на практике якобы нет подходящих условий. Говорили, что марксисты стоят за развитие капитализма, т. е. за усиление эксплуатации рабочих, за пролетаризацию крестьянства и т. п.» [9].

Не могло пройти мимо внимания Владимира Ильича и выступление в «Самарской газете» скрывавшегося под инициалами «Н. И. С-ъ» одного из поклонников «столпа либерального народничества». Похвалив Михайловского за его многолетнюю борьбу с мракобесами, окопавшимися в «Московских ведомостях» и «Гражданине», он поставил в заслугу своему кумиру и его нападки против сторонников К. Маркса, которые стоят-де за развитие капитализма в России.

Слепо следуя за Михайловским, самарец утверждал, что марксисты якобы поддерживают «обезземеление наших крестьян, переход мелкой промышленности, орудий труда в руки крупного землевладения, а также мелкой кустарной промышленности в руки крупных акционерных предприятий». Далее «Н. И. С-ъ» пишет: «Это, — говорят увлекшиеся доктриной К. Маркса, — необходимая стадия в развитии каждого человеческого общества, процесс, хотя и болезненный и мучительный, но естественно необходимый; после него, когда он рухнет, что необходимо должно случиться, экономический строй нашей жизни обоснуется тогда на справедливых началах».

И как доволен «Н. И. С-ъ», что в России «авторитетному учению» К. Маркса «не дано было ходу, и одним из разрушителей его был Н. К. Михайловский» [10]. Вот так, ни больше ни меньше: и широкое распространение

марксизма в России предотвратил, и продолжает борьбу против его сторонников.

Что именно противопоставлял Владимир Ильич всем этим надуманным выпадам против российских марксистов тогда, в 1892 году, видно по тем страницам ленинского труда «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894 г.), которые написаны по поводу приведенного выше совета Михайловского «брать хорошее отовсюду».

Владимир Ильич «разговаривает» с Михайловским, причем жестко, без скидок на его авторитет: «И в самом деле, как это просто! Хорошее «брать» отовсюду — и дело в шляпе! От средневековых форм «взять» принадлежность средств производства работнику, а от новых (т. е. капиталистических) форм «взять» свободу, равенство, просвещение, культуру. И разговаривать не о чем! Субъективный метод в социологии тут весь как на ладони: социология начинает с утопии — принадлежность земли работнику — и указывает условия осуществления желательного: «взять» хорошее оттуда-то да еще оттуда. Философ этот чисто метафизически смотрит на общественные отношения, как на простой механический агрегат тех или других институтов, простое механическое сцепление тех или других явлений» [11].

Владимир Ильич не просто противопоставлял Михайловскому те или иные положения Маркса. Уже тогда творчески развивая марксизм, применяя его к современной российской действительности с ее бурным экономическим подъемом, с выходом на политическую арену нового класса — пролетариата, изменениями в деревне, он показывал, что русским марксистам присущ совершенно иной, диалектический подход к судьбам своей страны.

«Видя, что вся пореформенная история России состоит в разорении массы и в обогащении меньшинства, наблюдая гигантскую экспроприацию мелких произво-

дителей наряду с повсеместным техническим прогрессом, замечая, что эти полярные течения возникают и усиливаются там и постольку, где и поскольку развивается и упрочивается товарное хозяйство, — они не могли не заключить, что имеют дело с буржуазной (капиталистической) организацией общественного хозяйства, *необходимо* порождающей экспроприацию и угнетение масс. Их практическая программа прямо уже определялась этим убеждением: она сводилась к тому, чтобы примкнуть к этой борьбе пролетариата с буржуазией, борьбе неимущих классов против имущих, которая составляет главное содержание экономической действительности России, начиная от глухой деревушки и кончая новейшей усовершенствованной фабрикой» [12].

Правомерно ли полагать, что Владимир Ильич еще в Самаре примерно так излагал взгляды русских марксистов? Ответ на этот вопрос дала Анна Ильинична, которая, вспоминая о самарском периоде жизни Владимира Ильича, указывала: «...он написал частью разбор сочинений народников, который вошел потом в его работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» [13]

Защитник и обвинитель

Слежка за Владимиром Ильичем велась постоянно, но «стражи порядка» словно не признавали его новое общественное положение. Так, самарский уездный исправник в рапорте губернатору от 5 октября 1892 года писал: «Имею честь донести Вашему превосходительству, что состоящий под негласным надзором полиции быв. студент Казанского университета Владимир Ильин

Ульянов 8 сентября из д. Алакаевки, Самарского у., выбыл в г. Самару» [1].

А «бывший студент» в качестве защитника продолжает выступать в окружном суде. 15 сентября Владимир Ильич пришел на заседание суда по делу мещанина Н. И. Гусева, обвинявшегося в систематическом избиении своей жены. Защиту его должен был осуществлять адвокат К. Позерн, но ввиду занятости последнего суд перепоручил дело В. Ульянову. Когда в ходе процесса выяснилось, что Гусев систематически и беспричинно истязал свою молодую жену, то Владимир Ильич не стал просить суд о снисхождении. Секретарь так и записал в протоколе: «Частная повинительница просит наказать подсудимого по закону. Защитник ничего не сказал». Суд наказал Гусева довольно строго — годом содержания в исправительном арестантском отделении [2].

Через день, 17 сентября, Владимир Ильич выступает на заседании суда в качестве защитника по делу рабочего, прусского подданного Вильгельма Садлоха, и 13-летнего солдатского сына Степана Репина, обвинявшихся в краже вещей у купца Коршунова. Обвинение их выражено одной фразой: «Из сундука выбрали разные вещи на сумму около 9 рублей». Владимир Ильич сумел найти изъяны в материалах следствия, и после его выступления в защиту мальчика присяжные заседатели вынесли оправдательный вердикт: «Нет, не виновен» [3]. Садлох же был осужден на год заключения в исправительном арестантском отделении.

В наступивший 40-дневный перерыв в адвокатских делах Владимир Ильич продолжает свою теоретическую работу по разоблачению писаний идеологов либерального народничества, которую прервала повестка, приглашавшая его прибыть в Сызрань 25 сентября для дальнейшего разбирательства по обвинению Арефьева в самоуправстве на Батракском перевозе.

Отсрочка дела длилась уже три месяца. В это лето, когда свирепствовала холера и люди избегали путешествий на пароходах и поездах, а родители не пускали детей в школы и гимназии, Арефьев вполне мог снова не явиться на разбирательство, заручившись справкой о болезни. И если бы приговор состоялся без него, то он потерял бы свою силу и дело согласно закону возвратилось бы в положение, в котором находилось до приговора.

С приближением дня второго разбирательства дела в доме Ульяновых несколько раз поднимался вопрос о целесообразности новой поездки Владимира Ильича. Несомненно, обсуждалась при этом и личность земского начальника. Мария Александровна знала семью Ребровских. Двое братьев нынешнего земского начальника, Дмитрий и Михаил, были учениками Ильи Николаевича по Пензе, а в 80-х годах содействовали развитию народного образования в Симбирской губернии — словом, принадлежали к либеральной части общества, и можно было полагать, что третий Ребровский доведет дело в соответствии с законом. Но ведь он был лишь винтиком в сложном бюрократическом механизме властей, и кто знает, что еще придумают подручные Арефьева.

Марию Александровну беспокоило, что поезд отходил из Самары очень поздно, и Владимиру Ильичу предстояла бессонная ночь. Поэтому мать, по свидетельству Дмитрия Ильича, всячески отговаривала его, но безуспешно:

«— Брось ты этого купца, они опять отложат дело, и ты напрасно проездишь, только мучить себя будешь. Кроме того, имей в виду, они там злы на тебя.

— Нет, раз я уж начал дело, должен довести его до конца. На этот раз им не удастся еще оттягивать.

И он стал успокаивать мать» [4].

Владимир Ильич своевременно прибыл в камеру земского начальника, но на заседание на этот раз не

явился даже частный поверенный купца. Положение А. Д. Ребровского было сложным, но, кроме всего прочего, он учитывал, что за ходом дела следят многие в Поволжье, и согласился с настояниями потерпевшего-обвинителя безотлагательно завершить разбирательство. При вынесении обвинительного приговора Ребровский руководствовался статьей 142 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», предусматривавшей от 3 дней до 3 месяцев ареста. Если учесть, что по «Уставу» даже «за нанесение обиды действием без всякого повода со стороны обиженного» виновные подлежат аресту «не свыше одного месяца», то 30 суток ареста, данные Ребровским Арефьеву (7 суток — штурману И. Семенову), — наказание суровое.

Так полагал и автор репортажа «Финал Арефьевского дела», появившегося 3 октября в «Самарской газете»: «Таким образом деяния Арефьева получили достойную оценку в приговоре земского начальника, и, вероятно, когда Арефьев познакомится с сладостью ареста, то у него пропадет всякая охота излавливать на своем пароходе переезжающих Волгу. Только такими мерами и возможно доказать Арефьеву и ему подобным, что личность неприкосновенна и что право, даже и действительное, а не только созданное пылкой фантазией, следует защищать не самоуправно, а в указанном законом порядке».

Последний вывод относился уже явно к Владимиру Ильичу, который своей непреклонной борьбой по укрощению купца-самодура всколыхнул стоячее обывательское болото. В Сызрани еще долго говорили о позорном аресте Арефьева. Дмитрий Ильич справедливо подчеркивал, что брат дал еще и наглядный пример лодочникам, как надо бороться за свои права [5].

Когда Владимир Ильич, со свойственными ему задором и юмором, обрисовал в картинках родным и друзьям сценку заключительного заседания в камере земского начальника, их, конечно, обрадовало столь

успешное завершение этого судебного дела. Трудная и почетная победа над зарвавшимся Арефьевым сказалась и на росте авторитета Владимира Ильича как юриста.

По счастливому совпадению в это время наметились и сдвиги к лучшему в литературной деятельности старшей сестры. После почти полуторагодичного перерыва казанский «Волжский вестник» принял у Анны Ильиничны для публикации переводы с итальянского антивоенной новеллы «Борьба приходов» Дж. Верги и антиклерикального рассказа «Джулия» У. Валькаредджи [6], а редакция «Самарской газеты» после длительного перерыва стала готовить ее перевод, тоже с итальянского, рассказа «Трупик», проникнутого идеями гуманизма [7].

Общее облегчение для всех самарцев наступило с приходом осени — прекратилась холера. Ведь за это страшное лето, к 27 сентября, эпидемия унесла в Самарской губернии 17,5 тысячи жизней. Более губительные масштабы бедствие имело лишь в Саратовской губернии, там от холеры умерло еще на три тысячи человек больше. В Симбирской погибло около 6 тысяч человек (из них более половины — в одном Сызранском уезде), в Казанской — 3,5 тысячи [8].

Но с наступлением заморозков в Самаре началась новая эпидемия, на сей раз — небывалая вспышка тифа...

Все ужасные напасти — голод, холера и тиф — сильнее всего поражали пролетариев города и деревни, и именно это обусловило многие уголовные преступления, особенно мелкие кражи, которыми Владимиру Ильичу и пришлось заниматься в первые полгода своей адвокатской практики. В каждом из дел о голодных кражах он добивался большего или меньшего, но все-таки успеха. Однако поколебать жестко-неумолимого принципа, согласно которому даже за украденную краюху хлеба бедняк карался лишением свободы, он

не мог. Между тем Владимиру Ильичу продолжали поручать главным образом такие дела о мелких кражах, которые попадали в суд уже с настолько очевидными уликами против обвиняемых, что не позволяли защитнику, при самом добросовестном отношении к своим обязанностям, развернуть в полной мере свои профессиональные способности.

Как бы там ни было, но по возвращении в Самару после победы над Арефьевым Владимир Ильич не спешил с возобновлением адвокатской деятельности: очередное, десятое по счету уголовное дело, в котором он участвовал, слушалось в окружном суде только 26 октября. Защитником его избрали сами обвиняемые — трое мастеровых-мещан в возрасте от 18 до 22 лет: Василий Алашеев, Алексей Карташев и Дмитрий Перушкин. Они обвинялись в хищении у купца Данилина 20 стальных рельсов и у купчихи Бахаревой чугунного колеса от молотилки. На скамью подсудимых попали также приказчики Андрей Червяков и Василий Абрамов — подстрекатели преступления и покупатели краденного для них «железного» товара. Одного из последних — Червякова — защищал частный поверенный А. М. Михайлов, известный умением сорвать куш с подзащитных.

Это создавало непривычную обстановку для Владимира Ильича: он имел дело не только с председательствующим (на этот раз им был товарищ председателя окружного суда престарелый штатский генерал А. И. Смирнитский) и председателем государственного обвинения (Д. Д. Микулиным), но и адвокатом Михайловым, который был не столько союзником, сколько противником.

И все же Владимир Ильич добился определенного успеха и в этом деле: Алашеев и Карташев хотя и были признаны присяжными заседателями виновными, но суд приговорил их к минимальному наказанию — направлению на год в исправительно-арестантские от-

деления, а Перушкин был оправдан по обвинению в хищении чугунного колеса и лишен свободы лишь на 8 месяцев [9].

В ноябре Владимиру Ильичу пришлось вести два дела. О первом из них «Самарская газета» написала очень скупо: «18 ноября в Самарском окружном суде слушалось дело по обвинению уже лишенного всех прав состояния отставного рядового из мещан г. Костромы... Василия Петровича Красноселова, 67 лет, в краже... Обвинял товарищ прокурора г. Прохоров, защищал Красноселова пом. присяжного поверенного г. Ульянов». Между тем процесс этот по своей значимости окажется одним из самых памятных для окружного суда.

Подсудимый, неграмотный старик кузнец, обвинялся в похищении из незапертой квартиры торговца Сурошникова 113 рублей. Следствие поверило навету этого торговца, утверждавшего, что старик неоднократно покупал у него капусту, «так что больше делать кражу некому». В пользу «пострадавшего» сочли и второй «аргумент» истца: поскольку 100-рублевый билет был найден полицией у Красноселова «в сапоге за чулком», то «нечего тут и думать, что деньги украл он». К числу «улик» следствие отнесло и заявление начальника городской тюрьмы о том, что Красноселов при недавнем освобождении из заключения «ни копейки денег не имел».

Вот таким голословным «уликам» поверил и прокурор Самарского окружного суда Мясников, а составленный им обвинительный акт был утвержден уголовным департаментом Саратовской судебной палаты. Казалось, что приговор уже предопределен. Но Владимир Ильич, взявшийся за защиту Красноселова по его просьбе, вскрыл на заседании суда явные нарушения следствием процессуального кодекса: отказ обвиняемому в ходатайстве о вызове новых свидетелей — служащих тюрьмы, где он сидел раньше и заработал свои

деньги, а также непроведение очной ставки между Красноселовым и Сурошниковым.

Однако присяжные заседатели (по социальному положению близкие к торговцу) признали кузнеца виновным, и Ульянов вынужден был лишь ходатайствовать о смягчении наказания своему подзащитному, после чего суд приговорил того к отдаче в исправительно-арестантские отделения на 2 года и 9 месяцев.

Но Владимир Ильич не сдался. Он помог Красноселову обжаловать приговор, и указом уголовно-кассационного департамента сената решение Самарского окружного суда было отменено, а кузнец вышел на свободу! Насколько редким в практике был случай отмены решения суда подобного ранга, красноречиво говорит такой факт: из 31 жалобы и протеста, поступивших за год на приговоры Самарского окружного суда в сенат, 29 оставлены без последствий. А по жалобе защитника был кассирован только приговор Красноселову [10].

Но об этой своей победе Владимир Ильич узнает через два месяца. На следующий же день после суда над кузнецом он защищает в суде крестьянина Филиппа Лаптева, обвинявшегося в оскорблении своего отца. Владимир Ильич сумел найти в материалах следствия факты, свидетельствовавшие о том, что Лаптев-отец сам во многом виноват, и суд смог бы в этом убедиться, если бы согласился вызвать названных сыном свидетелей. Аргументация Владимира Ильича подействовала, и рассмотрение дела было отложено. А вскоре отец и сын окончили его сами примирением [11].

Последним уголовным делом, которым Владимир Ильич занимался в 1892 году, был процесс над отставным прапорщиком А. Н. Языковым, начальником железнодорожной станции Безенчук, и отставным рядовым, стрелочником той же станции И. И. Кузнецовым, обвинявшимися в неправильных действиях или неисполнении

обязанностей, допущенных по неосторожности или небрежности, в результате чего погиб 9-летний мальчик Андрей Коротин. Суть этой драматической истории вкратце такова. Утром 8 мая 1891 года на железнодорожную дрезину, на которой рабочий П. Наурсков вез питьевую воду, подсели покататься мальчики. Поднявшийся ветер погнал со станции под уклон пять пустых вагонов, которые, по халатности стрелочника Кузнецова, не были застопорены «башмаками». В результате наезда вагонов на дрезину мальчик получил смертельное ранение.

Суд состоялся 17 декабря. Прокурор В. П. Богданович подвел ответственность Языкова и Кузнецова за случившееся под 2-ю часть статьи 1085 Уложения о наказаниях, предусматривающую тюремное заключение. Владимир Ильич, защищавший Языкова, настаивал, а суд с участием присяжных заседателей согласился с его доводами, что Языков подлежит наказанию по более мягкой 3-й части статьи 1085, то есть за «недостаточный надзор» за действиями стрелочника. Итак, вместо тюрьмы Языков подвергся штрафу в 100 рублей [12].

Вот так, почти по каждому из 13 уголовных дел, в которых участвовал Владимир Ильич в 1892 году, он, по справедливому замечанию писателя-юриста В. Шалагинова, что-то выигрывал: либо у самого обвинения — против обвинительного акта, либо у представителя обвинения — против его требований о размере наказаний.

Владимир Ильич мог быть вполне доволен результатами своей адвокатской практики, если бы не одно чрезвычайно важное «но», присущее всему царскому правосудию, против которого еще предстояла суровая и решительная борьба: «Мелкий вор — на каторгу, а крупный вор, все эти тузы, министры, директора банков, строители железных дорог, инженеры, подрядчики и пр., хапающие десятки и сотни тысяч казенного имущества,

они расплачиваются в самом редком и самом худшем случае ссылкой на житье в отдаленные губернии, где можно жить припеваючи на награбленные деньги... и откуда легко удрать за границу...»[13]

«Палата № 6»

В схватке с распоясавшимся купцом Владимиру Ильичу в известной мере повезло, потому что дело вершилось таким земским начальником, как А. Д. Ребровский, который был новичком в своей должности, к тому же человеком с высшим образованием, воспитанным в интеллигентной мелкопоместной дворянской семье.

В целом же институт земских начальников, созданный законом от 12 июля 1889 года в угоду ярым крепостникам, комплектовался, как правило, из небогатых, но властолюбивых дворян, охотников до званий, чинов и орденов. Считалось, что человека на эту «хлебную» должность подбирает из своего состава земство, но фактически на нее попадало лицо, угодное губернатору. Земский начальник получил власть, очень похожую на былую «отеческую власть» помещика-крепостника. Во вверенном ему участке он мог приостановить любое решение сельского схода и волостного суда, карать по своему усмотрению крестьянина денежным штрафом или заключением в арестный дом, то есть действовал почти бесконтрольно. Этому произволу способствовало и введение 12 июня 1890 года «Положения о губернских и уездных земских учреждениях», которое обкарнало и без того куцые права земств.

В Самарской губернии эти реакционные узаконения вступили в силу с 1 января 1891 года, и понятно, что Владимир Ильич, готовившийся к юридической деятельности, с пристальным вниманием следил за претво-

рением их в жизнь, брал на заметку конкретные факты санкционированного властями беззакония, чтобы при удобном случае предать их гласности. И когда, в сентябре 1892 года, В. В. Водовозов переезжал из Самары в Петербург, то Владимир Ильич пообещал ему присылать обличительные материалы для помещения их в той или иной форме в столичной печати.

До нас дошло одно такое письмо, от 24 ноября 1892 года, в котором Владимир Ильич, оговорив, что не считает возможным откладывать отправку информации до более серьезного случая, делится тем, что ему стало известно после отъезда Водовозова из Самары: «Здесь ходят разговоры о земском начальнике Бугурусланского (?) уезда местном помещике и дворянине Аксакове (начальнике 10-го участка Бугурусланского уезда С. А. Аксакове. — *Ж. Т.*). В прошлый неурожайный год он взялся поставить хлеб управе. Управа поручила ему же выдать хлеб крестьянам, и хлеб был выдан — качества совершенно невозможного, гнилой, *с червями*. Протесты кр[естья]н были оставлены без последствий. Дело получило законный ход, к прокурору, — начато было следствие. Говорят теперь, что дело это замято.

Может быть, — и Вы еще слыхали об этом происшествии?

Тут все еще нуждается в подтверждении: слухи самые противоречивые (другие говорят, следствие производится), и источники их не проверены. Намерен постараться разузнать дело» [1].

Пообещав написать о других «небезынтересных случаях» из практики земских начальников Самарской губернии, Владимир Ильич на конкретном примере показал, как сказывается институт земских начальников на выборе гласного из крестьян в Самарское уездное земское собрание. В одном из сел крестьяне, не раз избиравшие своего земляка И. П. Беспалова гласным, хотели и в очередной раз видеть его своим представителем в земстве. Однако присутствовавший на сходе земский

начальник И. А. Чернышов заявил, что Беспалова выбирать не следует, так как он выступал против общественных запашек, а из-за этого-де крестьяне и голодали прошлый год.

«Присутствовавший на сходе Беспалов попробовал смиренно возразить свирепому начальнику, — продолжал с иронией Владимир Ильич, — что как раз против общественных запашек он никогда и не говорил, но это замечание совсем возмутило Чернышова. Он стал кричать, что не потерпит ослушников, что на них у него есть управа ((арест по ст[атье] 61? пол[ожения] о з[емских] н[ачальниках])) и чтобы подкрепить угрозу арестом тут-же приказал десятским приготовить подводы (на случай ареста и увоза «крикунов»).

Беспалов выбран не был.

Новое земство, по всей видимости, будет жалкой комедией с действительным хозяйничаньем земских начальников и с неуклюжей внешностью самоуправления». Поясняя это «хозяйничанье», Владимир Ильич в примечании дописал: «Интересно отметить, *как* сразу сказалось положение начальников: они были «приглашаемы» в уездное земск[ое] собрание (Самарское) — последнее (1892 г.) да и раньше — где и обращались к собранию с речами, предложениями, настояниями и т. д., не будучи гласными. Если принять во внимание председательство в у[ездном] з[емском] с[обрании] у[ездного] предв[одителя] двор[янства] (=предводителя з[емских] нач[альни]ков), то едва ли можно отрицать важность подобных «приглашений» [2].

Если земские начальники считали возможным вести себя по-хозяйски на земских собраниях, где большинство принадлежало дворянству, представителям сельской и городской буржуазии, то с рядовыми крестьянами они вообще не церемонились. Владимир Ильич наверняка обратил внимание и на такой эпизод из фельетона «Новоузенская степь», появившегося в «Самарской газете», а затем и других органах печати.

Фельетонист, критикуя одного земского начальника за то, что он принимает по служебным делам только два часа в день, рассказал и о другом начальнике, «который терпеть не может, когда тяжущиеся подают на его имя жалобы. Жалобы, как известно, приносятся уездному съезду через самого же земского начальника, и вот он почти всякому из жалобщиков (крестьян, конечно) говорит так:

«Помни, душа у тебя Богова, голова — Государева, а остальное — мое: что хочу, то и сделаю!»

Однако бесследно такое наглое хамство не проходит. Владимир Ильич позднее, но, безусловно, с учетом самарских наблюдений напишет: «Известен факт растущего возмущения в крестьянстве (в котором даже убогие обрывки образования начали уже пробуждать чувство человеческого достоинства) против дикого произвола той шайки благородных оборванцев, которую напустили на крестьян под именем земских начальников» [3].

Самодурством и самоуправством пробавлялись не только «благородные оборванцы» и не только на селе. Об этом со всеми неприглядными подробностями неоднократно сообщалось и в «Самарской газете» в том же 1892 году. Так, 19 сентября она рассказала читателям о безобразном скандале, который учинил в коммерческом собрании (клубе) сын самарского миллионера А. С. Аржанов. Где-то упившись «до белых слонов и полосатых аспидов», этот гуляка завалился в клуб с оравой «прихвостников и собутыльников», где они сначала покуражились, а потом затеяли между собой драку. В пылу азартной схватки сын миллионера стал бить посуду на столе, а в одного из членов комитета клуба «пустил канделябру», но, к счастью, промахнулся.

8 октября в газете появилась заметка, характеризовавшая отношение служителей губернской земской больницы к пациентам и посетителям. «На днях к воротам больницы подошла одна старушка, с небольшим узелком, в котором находились домашнее белье и обувь ее

мужа, последний в этот день выписывался из больницы. Когда старушка хотела войти во двор больницы, то привратник остановил ее и почему-то не допустил в барак, где ожидал ее выписывавшийся муж. Несмотря на убеждения посетительницы, что муж ее в данное время не имеет собственного белья и обуви и что в такой холод он должен идти босиком и может простудиться и т. д. — «верный» слуга был неумолим, спустя некоторое время в воротах показался ее муж, босиком с рассыльным, который и сдал босого старика по принадлежности».

Владимир Ильич, недавно испытавший на себе самоуправство купца Арефьева, знавший о грязных уловках попечителя Казанского учебного округа и директора Самарской гимназии, к которым те прибегали, чтобы преградить путь к получению среднего образования брату Дмитрию, о пришибеевских придирках, которым подвергалась со стороны полиции сестра Анна, немало слышавший от Марка Тимофеевича и его родных о проделках администрации на селе, сам вращавшийся в окружном суде, куда стекались дела о противоправных действиях должностных лиц, — имел несравненно более полное представление о неправде в русской жизни, чем давали те крохи информации, что проникали на страницы «Самарской газеты».

Знал и, насколько это было возможно в его положении, боролся, и глубоко переживал, что основная масса людей заражена рабской психологией и не только не протестует, но и смирилась с ужасной и унизительной для человека жизнью. Может быть, поэтому Владимир Ильич очень любил Чехова, который в своих произведениях так мастерски выставлял напоказ все гнусности российской действительности, побуждая тем самым вдумчивого читателя к активному протесту против них.

И каким сюрпризом для Владимира Ильича стала ноябрьская книжка «Русской мысли», в которой оказалась новая повесть Антона Павловича — «Палата № 6». Сюрпризом в том отношении, что Чехов до этого никог-

да раньше не печатался в «Русской мысли». Владимир Ильич в один присест прочитал невыносимо грустную историю о том, как Иван Дмитриевич Громов, в общем-то нормальный человек, честный, с университетским образованием, угодил-таки в сумасшедший дом, а его лечащий врач Рагин — тоже неглупый, но пьющий человек, из-за гнусных интриг своего подчиненного-врача оказался в той же палате № 6, что и Громов.

Талантливо написанная повесть любимого автора произвела на Владимира Ильича потрясающее впечатление. На следующий день он признался старшей сестре: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6» [4]. Эти слова приоткрыли Анне Ильиничне завесу над душевным состоянием брата: «...для него Самара стала уже такой «Палатой № 6», он рвался из нее почти так же, как несчастный больной Чехова» [5]. При этом она имела в виду и стремление Владимира Ильича поскорее поселиться в революционном центре страны — Петербурге.

Думается, что многие страницы из чеховской повести подвели Владимира Ильича к такому же глубокому выводу, какой сделал тогда же известный писатель Н. С. Лесков: «В палате № 6» изображены общие наши порядки и характеры. Всюду — палата № 6. Это — Россия...» [6]. В самом деле, разве негодование Громова, узника палаты № 6, по поводу того, что «в городе душно и скучно жить, у общества нет высших интересов, оно ведет тусклую, бессмысленную жизнь, разнообразя ее насилием, грубым развратом и лицемерием; подлецы сыты и одеты, а честные питаются крохами; нужны школы, местная газета с честным направлением, театр, публичные чтения, сплоченность интеллигентных сил; нужно, чтоб общество сознало себя и ужаснулось», — не являлось характеристикой общественной жизни любого российского города? А разве слова о том, что «между

палатой и теплым, уютным кабинетом нет никакой разницы», что «между домом мещанки Беловой и палатой № 6 нет никакой разницы», не являются оценками общероссийской действительности?

Владимира Ильича потому так и взбудоражила эта повесть, что благодаря писателю-реалисту образ палаты-тюрьмы предстал перед ним как символ самодержавно-помещичьей власти — злейшего врага угнетенного большинства населения страны, виновника его темноты и невежества. Вместе с тем гениальное чеховское произведение не расслабило, а, наоборот, укрепило и закалило решимость Владимира Ильича, его волю и активность в схватке с темным царством.

1893 год

В марксистском кружке. Переписка с Н. Е. Федосеевым

Еще в 1892 году, в ходе дискуссий, развернувшихся в Самаре после появления в «Русской мысли» нашумевшей статьи Н. К. Михайловского, местное подполье размежевалось на сторонников народнической точки зрения об «особом пути» России и «учеников Маркса». По-настоящему марксистским стал кружок Алексея Скляренко, который и возглавил Владимир Ильич.

«Наш кружок, — вспоминал М. И. Семенов, — был весьма немноголюден: в него входили кроме Владимира Ильича, А. П. Скляренко и пишущего эти строки также ученица фельдшерской школы Мария Ивановна Лебедева и Иван Александрович Кузнецов — помощник железнодорожного машиниста. Кроме этого постоянного круга лиц собрания кружка нередко посещал учитель села Царевщины Алексей Александрович Беляков. Однако Беляков не был нашим единомышленником — он крепко держался народнических взглядов. Он посещал кружок главным образом для дискуссий и получения здесь легальной и нелегальной литературы или для информации по политическим вопросам» [1].

Квартира, которую Скляренко снимал вместе со своим ближайшим другом Марией Ивановной Лебедевой на

Садовой в мезонине деревянного дома (ныне д. 151), состояла из двух комнаток, прихожей и кухни и имела выход по деревянной лесенке во двор. Алексей Павлович и на сей раз выбрал себе жилище подальше от улицы, чтобы затруднить наблюдение шпиков. Даже окна вечером с этой целью занавешивались плотной темно-синей материей.

Мария Ивановна была родом из Сибири и приехала учиться в фельдшерскую школу по идейным соображениям — после окончания ее она мечтала о служении народу, невзирая на серьезную болезнь легких. Это была тихая, спокойная и немногословная девушка, одетая обычно в скромное темное платье. В кружке она заведовала выдачей книг и переписывала рукописи Алексея Павловича, почерк которого был очень неразборчив. Владимир Ильич, по свидетельству М. Семенова, был весьма дружен с Лебедевой и иногда подолгу беседовал с ней, помогая осваивать марксистскую теорию, хотя ученица и была двумя годами старше своего учителя. Марию Ивановну охотно принимали в доме Ульяновых. Несмотря на свою застенчивость, она пользовалась авторитетом в кружке, образовавшемся в фельдшерской школе, и благодаря Лебедевой участницей собраний у Скляренко стала ее соученица Анна Морицевна Лукашевич.

Иван Александрович Кузнецов был ровесником Владимира Ильича. С 17 лет он уже трудился на железнодорожной станции Самара, много занимался самообразованием. Вначале, как и сам Скляренко, он был настроен народнически, но потом под влиянием Владимира Ильича стал марксистом и руководителем рабочего кружка в железнодорожных мастерских.

Владимир Ильич помогал кружковцам в овладении работами К. Маркса и Ф. Энгельса («Капитал», «Манифест Коммунистической партии», «Нищета философии», «Положение рабочего класса в Англии»), регулярно выступал перед ними с рефератами по новейшим трудам

столпов народничества — В. П. Воронцова, Н. Ф. Даниельсона, Н. И. Кареева, С. Н. Кривенко, С. Н. Южакова, делился сведениями о деятельности социал-демократов в России и за рубежом, растолковывал методику сбора статистических сведений по экономике города и деревни. Но он не только учил, но и сам жадно впитывал рассказы товарищей о настроениях рабочих, учащейся молодежи, работе кружков самообразования.

Что касается Алексея Скляренко, то он делился с Владимиром Ильичем новинками нелегальной литературы, своими впечатлениями о поездках по деревням (он, как и Марк Тимофеевич, служил у земского начальника), передавал ему свои связи с революционерами поволжских городов.

Осенью 1892 года Алексей Павлович получил две рукописи Н. Е. Федосеева, привезенные его близкой подругой Марией Германовной Гопфенгауз. После прочтения он передал их Владимиру Ильичу и предложил ему наладить переписку с Федосеевым, который после выхода из петербургских «Крестов», не имея права проживать в университетских городах, Нижнем Новгороде, Саратове и Твери, поселился во Владимире.

Понятно, как был рад Владимир Ильич известиям о Николае Евграфовиче, судьбой которого, как и других известных ему членов казанских марксистских кружков, он постоянно интересовался. Радовало, что этот стойкий революционер, просидевший более двух с половиной лет в тюрьмах Казани и Петербурга, не раскаявшийся, не упавший духом, даже в тюремных застенках продолжавший заниматься теоретической разработкой насущных социальных проблем, теперь на свободе.

Фамилия приехавшей из Владимира Марии Германовны Гопфенгауз в революционной среде была известной. Ее сестра Софья (в замужестве Хренкова) в 1886 году помогала в конспиративных делах Александру Ульянову [2]. Брат Николай за активное участие в студенческих волнениях 1887 года был исключен из Мо-

сковского университета, а потом несколько раз подвергался арестам за принадлежность к революционным кружкам [3]. Мария Германовна после окончания гимназии в Барнауле, где ее отец работал врачом, поступила учиться на петербургские женские («Надеждинские») курсы и тоже стала членом нелегального кружка. Именно ей, беззаветно преданной революционному делу, политический «Красный Крест» и поручил стать «невестой» находившегося в тюрьме Федосеева — поддерживать его материально и морально. Она была его связной и верным другом. Когда же в начале 1892 года Федосеев вышел из тюрьмы и отправился во Владимир, поехала туда и Мария Германовна. Словно любящая старшая сестра, она взяла на себя все домашние заботы, помогала Федосееву в поддержании связей с единомышленниками в других городах. С наступлением лета Николай Евграфович отправился в деревню, где нашел место репетитора, и под этим легальным прикрытием бывал в Орехове-Зуеве — уже с целью пропаганды. Тем временем Мария Германовна и выехала в Самару, чтобы подготовить к намеченному на сентябрь переезду сюда же и Федосеева.

Свобода для Николая Евграфовича продлилась недолго. К несчастью, охранка проведала о его деятельности в Орехове-Зуеве, и 10 сентября он был заключен во владимирскую тюрьму. Получив весть о случившемся, Мария Германовна хотела немедленно выехать к Федосееву, но тот, зная, что она уже имеет место гувернантки и жилье, отговорил ее от поездки.

В ноябре Гопфенгауз все же едет во Владимир, добивается свидания с «женихом», делится с ним впечатлениями о Скляренко и его друзьях и по возвращении в Самару налаживает связь Федосеева с Ульяновым.

Переписка Владимира Ильича с Николаем Евграфовичем велась с соблюдением строжайшей конспирации: ульяновские письма Мария Германовна переписывала, а подлинники уничтожала. Только за три месяца

1893 года Федосеев отправил из тюрьмы в Самару 19 писем, а получил оттуда 36. Кроме того, 22 февраля и 11 марта Николай Евграфович послал в Самару две ценные посылки со своими рукописями [4].

Из единственного сохранившегося письма Федосеева в Самару, от 8 ноября 1892 года, видно, что хотя он и «замурован в каменный гроб», однако не падает духом и работает по 10—12 часов в сутки. Зная, что закон не допускает для «политиков» знакомства с газетами и журналами, Николай Евграфович просит Гопфенгауз сообщить ему: «содержание очерка А. М. о попытках увеличения заработной платы в России», об экспорте русского хлеба за границу, публикуемые в статистических сборниках материалы, причем не столько цифры, сколько заключения. В ближайшее же время он обещал возвратить в Самару «Освобождение крестьян» Н. Семенова [5].

Последнюю книгу, как и фундаментальный труд «Крестьянское дело в царствование императора Александра II» А. Скребицкого и «Пошехонскую старину» Салтыкова-Щедрина, Федосеев использовал в начатых давно собственных исследованиях. Через Марию Германовну, а также в посылках он слал Скляренко свои работы «О купчих крестьянских землях до 1861 года» и «Пореформенный быт в произведениях художественной литературы» (в основном на анализе «Пошехонской старины», которую он рассматривал с точки зрения марксистского понимания причин падения крепостного права) [6].

Одну из федосеевских работ прочитал и Дмитрий Ильич. «Помнится, — писал он, — в том же 1893 году я познакомился со статьей Федосеева «Причины падения крепостного права в России», которая в рукописном виде ходила по рукам самарских марксистов... В то время... когда еще крепко держались, особенно в либеральном обществе и частью в народе, нелепые предрассудки о свободолюбии царя и его ближайших помощников, для

молодого марксиста, каким был Федосеев, очень важно было опровергнуть эти вредные для трудящихся масс предрассудки, эту неправду об «освобождении» крестьян и доказать, что реформа была проведена в интересах господствующего класса... во всяком случае, наиболее богатой, экономически сильной его части» [7].

Вместе с тем Федосеев провел и ту мысль, что «наши помещики не скоро собрались бы освободить своих крестьян, если бы сами крестьяне не выразили настойчивого требования свободы; они еще во время Пугачевщины кровавым, но безуспешным бунтом заявили свое требование уничтожения крепостного права; с тех пор волнения их не прекращались... медлить стало опасно» [8].

Владимир Ильич очень внимательно прочел федосеевские рукописи и карандашиком сделал пометки в тех местах, где те или иные положения освещались автором с недостаточной полнотой. В целом же он очень одобрительно отнесся к его анализу причин отмены крепостного права и написал развернутые и глубоко аргументированные замечания; при этом исходил из того, что реформа 1861 года — «продукт развития товарного хозяйства и что весь ее смысл и значение состояли в том, что разрушены были те путы, которые сдерживали и стесняли развитие этого строя» [9].

Свои замечания Владимир Ильич послал через М. Г. Гопфенгауз Николаю Евграфовичу, продолжавшему томиться во владимирской тюрьме. С некоторыми из них, например о происхождении общины, о роли буржуазии в уничтожении крепостного права, Федосеев не вполне согласился. Однако большую часть замечаний Владимира Ильича он принял и, возможно под их впечатлением, дал чересчур резкую оценку своей работе: «И эта моя работа, я сознаю это теперь сам, вздорная благодаря бессистемности, неясности основных положений и массе неинтересных мелочных доводов». Однако критический самоанализ Николая Евграфовича завершился твердым намерением взяться за более основатель-

ную переделку работы, с тем, чтобы вообще не касаться вопросов происхождения крепостного права и общинного землевладения, а начать прямо «с последней эпохи существования крепостного хозяйства». Появилась и мысль написать новый очерк — об «умственном движении в эпоху крепостного хозяйства» [10].

Все говорит о том, что развернутые отзывы Владимира Ильича на труды Н. Е. Федосеева сами по себе явились серьезными «литературными работами экономического характера» [11]. Это высказывание принадлежит Исааку Христофоровичу Лалаянцу, который одно время, будучи студентом Казанского ветеринарного института, жил вместе с Н. Е. Федосеевым.

По федосеевскому делу Лалаянц привлекался в качестве свидетеля, но жандармы все-таки настояли на его высылке из Казани. Вместе с П. П. Скворцовым и М. Г. Григорьевым, ранее тоже состоявшим в кружке Федосеева, они создали марксистский кружок в Нижнем Новгороде и вели пропаганду среди рабочих Сормовского завода. Осенью 1892 года Лалаянц вернулся в Казань, но уже в январе следующего года за революционную пропаганду вновь был арестован и через два месяца выслан в Самару.

Устроившись наскоро с комнатой, Исаак Христофорович направился по данным ему в Казани адресам. Сначала он побывал у Португаловых. Старик доктор встретил его радушно и уверял, что местная жандармерия до сих пор преследует его своей слежкой. На следующий день Лалаянц отправился к Николаю Степановичу Долгову, который тоже принял его очень приветливо, рассказал о своем прошлом, о жизни в Самаре.

«Тут кто-то постучался, — вспоминал Исаак Христофорович, — вошел молодой человек лет 22—23, невысокого роста, но очень крепко и основательно сложенный, с русыми, заметно рыжеватыми, особенно на усах и бороде, волосами. Передо мной стоял человек с необыкновенно умной и глубоко симпатичной физиономией, как-

то сразу располагающей к себе. Это был Ульянов Владимир Ильич» [12]. Вспоминая о впечатлении, которое произвел на него Владимир Ильич после первой же откровенной беседы, Лалаянц продолжал: «В этом 23-летнем человеке удивительнейшим образом сочетались простота, чуткость, жизнерадостность и задорность, с одной стороны, и солидность, глубина знаний, беспощадная логическая последовательность, ясность и четкость суждения и определений — с другой» [13].

Владимиру Ильичу тоже пришелся по душе новый знакомый: внушала уважение его четырехлетняя революционная деятельность, подкупали честность и порядочность, непоколебимая решимость бороться с самодержавием, настойчивая работа над повышением своих теоретических знаний и страстная приверженность к марксизму. Сближало их и то, что Исаак Христофорович переводил с немецкого на русский язык «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, хорошо знал «Капитал» К. Маркса, другие работы основоположников научного социализма, а также издания плехановской группы «Освобождение труда». Молодые люди были сверстниками и имели общих знакомых среди федосеевцев.

Убедившись, что Лалаянцу вполне можно доверять, Владимир Ильич ввел его в свои дела, познакомил с родными, а затем и со Скляренко, который поделился с ним соображениями о конспиративной работе и показал свою библиотеку.

Лалаянц был приятно удивлен, увидев здесь редчайшие издания. «Правда, многие из них были только на немецком языке, — вспоминал он, — как-то: «Нищета философии» Маркса, 2-е издание, «Коммунистический манифест», «Анти-Дюринг» и «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса, довольно много книжек журнала «Die Neue Zeit», стенографические отчеты заседаний германского рейхстага и пр. — книги, которыми пользовался Владимир Ильич и, как мне известно, мог-

ли пользоваться и другие, конечно, очень близкие к нему лица. Да и женевских изданий группы «Освобождение труда» было несколько больше, чем в Казани. Затем, как оказалось, существовала в Самаре очень богатая и интересная по составу полулегальная библиотека, состоявшая из книг и журналов, в свое время вышедших вполне легально, но впоследствии изъятых из обращения» [14].

Общность взглядов на важнейшие вопросы — о развитии пореформенного народного хозяйства России, о характере крестьянских движений до и после отмены крепостного права, о положении крупной промышленности и сельского хозяйства, рабочего класса России и стран Западной Европы, о теории классовой борьбы, философии истории Маркса — Энгельса, истории революционного движения, — проявившаяся во время их обсуждения между Владимиром Ильичем, Скляренко и Лалаянцем, способствовала тесному сближению, образованию тройки, которую иные называли «кружком». Но в понимании некоторых частностей обнаруживалось и несогласие, что порождало, по словам Лалаянца, «жесточайшие споры, пока путем детального разбора темы не удавалось достигнуть полного единомыслия. Почти всегда в таких случаях бывал прав, конечно, В[ладимир] И[льич]» [15].

Это неудивительно. Взять, например, Скляренко. Он не раз привлекался жандармами к делам политического характера, побывал и в «Крестах». К моменту приезда Лалаянца этот симпатичный, остроумный, общительный человек, стойкий революционер и сложившийся марксист пользовался огромной популярностью среди демократической молодежи и доверием рабочих, особенно железнодорожников. Но в противоположность Владимиру Ильичу Алексей Павлович, по мнению Лалаянца, «не отличался усидчивостью, стремлением к терпеливым и упорным теоретическим занятиям, требующим уединения и настойчивости. Он был главным образом практик

и притом с пропагандистско-агитаторским уклоном, ему всегда нужно было общество, нужна была аудитория, внимательно и с интересом прислушивающаяся к его словам и где он чувствовал бы свою руководящую роль» [16].

В основных чертах эта дружеская характеристика применима и к самому Исааку Христофоровичу. Внешне он отличался от рослого и статного Скляренко. Поюжному смуглый, высокий, но сутуловатый, с черными бородкой и усами, в очках, 23-летний Лалаянц выглядел значительно старше своих сверстников — членов «тройки». Что же касается революционных черт, то он был тоже больше практиком, с пропагандистско-агитаторским уклоном. Тем не менее, как и Скляренко, постоянно пополнял свой теоретический багаж, писал рефераты и выступал с ними.

Собирался кружок по-разному, где придется, но для серьезного обсуждения чаще всего у Скляренко. Иногда отправлялись за город, например в Аннаевское кумысолечебное заведение (в трех верстах выше города), где на крутом берегу Волги имелся прекрасный парк, или к пароходным пристаням, где Алексей Павлович, прозванный друзьями за пристрастие к «Жигулевскому» «доктором пивопития», находил спокойный уголок в павильоне [17]. Здесь удобно было, не привлекая внимания, побеседовать, да и понаблюдать за хлебным маклером, крючником, матросом с парохода, мелким торговцем или служащим, ломовым извозчиком, мастеровым, хулиганом-«горчишником» и другой разношерстной публикой. Несколько раз друзья собирались в городском общественном Струковском саду, чтобы посмотреть на народные гулянья или взять на пристани лодку для прогулки по Волге. Но Владимир Ильич участвовал в подобных походах не часто, хотя бы потому, что с наступлением лета он большую часть времени находился в Алакаевке. Скляренко и Лалаянц наведывались и туда и были желанными гостями.

«Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни»

Еще осенью прошлого года, тщательно проштудировав вышедшую в 1891 году в Москве объемистую книгу В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство», Владимир Ильич выступил с рефератом о ней в кружке А. П. Скляренко. Книга эта выделялась из огромной массы земских статистических трудов тем, что ее автор, чиновник-землеустроитель Таврической губернии, прекрасно знавший описываемый район в отличие от В. П. Воронцова и К°, отодвигал «на задний план цифирный материал», а все внимание уделял полноте и выпуклости описания, причем не столько техническим сторонам, «сколько политико-экономическому исследованию» крестьянского хозяйства[1]. Владимир Ильич рассматривал книгу Постникова как «одно из выдающихся явлений в нашей экономической литературе последних лет», но не получившее развернутой оценки в печати. Тогда он решил восполнить этот пробел и написать для столичного журнала статью «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни. По поводу книги В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство» и изложить собственные взгляды на земскую статистику и экономическое развитие пореформенной деревни.

Напомнив в первой главе своей статьи главные выводы книги Постникова о росте производительности крестьянского труда с увеличением размеров хозяйства и употреблением машин и о расслоении крестьянства, Владимир Ильич переходит к анализу во второй главе взглядов Постникова на «эти новые хозяйственные движения» в крестьянской жизни.

Владимир Ильич цитирует те места книги, где автор протестует против дилетантских попыток рисовать благополучие отдельных деревень «средними цифрами»,

и подчеркивает, что о крестьянском достатке «можно судить лишь по совокупности многих данных, *расчленяя население на группы*»[2].

Предвидя возражения, что почти в каждом сочинении, посвященном крестьянскому хозяйству, констатируется факт дифференциации в деревне, Владимир Ильич замечает, что если другие авторы «не придают ему значения, считают его несущественным или даже случайным», то Постников протестует против таких взглядов, против «стремления рассматривать крестьянский мир как нечто цельное и однородное, каким он и до сих пор еще представляется нашей городской интеллигенцией»[3].

Явно соглашаясь с этим мнением Постникова, бьющим прямо по Воронцову и другим идеологам либерального народничества, Владимир Ильич решает показать, кто из них прав, на материале рецензируемой книги. Кроме этого основного вопроса, он ставит и ряд других, тесно связанных с ним и нарастающих по своему значению: «...насколько глубока эта разнородность? препятствует ли она общей характеристике крестьянского хозяйства со стороны политико-экономической, на основании одних только средних данных? способна ли она изменить действие и влияние практических мероприятий по отношению к различным разрядам крестьянства?»[4]

Прежде чем перейти к разрешению этих проблем, Владимир Ильич дает справку о земской статистике. Первоначально она проводила переписи общинные, потом — подворные, а уж затем перешла к группировке крестьян по имущественным различиям: по числу десятин посева и рабочего скота, по количеству надельной земли на двор и т. д. Причем он считает принятую Постниковым группировку крестьян по числу десятин посева «не только удачной, но наилучшей и безусловно необходимой»[5].

И только теперь, уточнив свое отношение к книге Постникова и основным методам земской статистики,

Владимир Ильич дает свою обработку массы данных, разбросанных в рецензируемом исследовании: опуская второстепенные таблицы, он объединяет другие, маловыразительные, в общую таблицу, более рельефную и значимую, и, главное, сопровождает цифровые выкладки более глубоким, чем у Постникова, марксистским объяснением.

Постников, например, утверждал, что зажиточная группа крестьян «не только пользуется большим наделом, что может происходить вследствие большого состава семей, но в то же время она является и наиболее покупающей землю и наиболее ее арендующей». По этому поводу Владимир Ильич делает существенное замечание: «...возрастание надела от низшей группы к высшей не может быть *вполне* объяснено увеличением состава семей»[6]. Далее, пользуясь таблицей самого Постникова, он подчеркивает, что «количество надельной земли на двор повышается от низшей группы к высшей гораздо быстрее, чем число душ обоего пола и работников»[7]. Эта закономерность относится и к аренде: «...чем обеспеченнее крестьянин своей землей, тем более арендует он земли, лишая таким образом беднейшие группы необходимой для них земельной площади»[8].

Если Постников не видел «ничего греховного» в том, что зажиточные крестьяне улучшают свои постройки, заводят машины, прикупают землю, ибо был убежден в отсутствии здесь проявления каких-то «кулацких элементов», то Владимир Ильич думал иначе: «Кулацких элементов здесь действительно нет, но элементы эксплуатации, без сомнения, есть: арендуя землю в размере далеко превышающем потребность, зажиточные крестьяне не отбивают у бедных землю, нужную тем на продовольствие; расширяя размеры хозяйства, они нуждаются в добавочных рабочих силах и прибегают к найму»[9]. Чуть ниже, проанализировав данные о распределении скота и инвентаря у различных категорий крестьян, Владимир Ильич делает важный вывод о том, что

«громадная группа крестьян лишена возможности вести *самостоятельное* хозяйство» [10].

В третьей главе статьи Владимир Ильич приводит аргументированное утверждение Постникова, что в крупных зажиточных хозяйствах и более высокая производительность труда, а затем дает пояснение, свидетельствующее о глубоком знании им всей экономической литературы: «Этот последний вопрос сильно запутан многими авторами...» [11] Когда же Постников утверждает, что более выгодное ведение большого хозяйства стало уже законом, которым в «значительной мере уничтожается экономический смысл мелкого земледельческого хозяйства», Владимир Ильич квалифицирует эту верную мысль как высказанную несколько преждевременно: «...чтобы доказать неизбежность вытеснения мелких хозяйств крупными, недостаточно установить большую выгодность последних (большую дешевизну продукта); необходимо еще установить преобладание денежного (точнее: товарного) хозяйства над натуральным, потому что при натуральном хозяйстве, когда продукт идет на собственное потребление производителя, а не на рынок, дешевый продукт не встретится с дорогим на рынке, а потому и не в состоянии будет его вытеснить» [12]. Когда же Постников позже все же доказывает применимость этого закона ко всей России, Владимир Ильич с удовлетворением отмечает удачу автора.

Затем, опираясь на материалы книги, он четко проводит мысль, что с развитием в России товарных отношений денежными средствами обладает не только зажиточный крестьянин, но и крестьянин полуразоренный, приобретающий недостающий ему хлеб (хотя бы в меньшем количестве и худшего качества) «случайными «заработками» [13].

Это, казалось бы, частное замечание было направлено против народнических публицистов, утверждавших, что разорение миллионов крестьян ведет к сокращению внутреннего рынка и тем самым делает невозможным

развитие капитализма в России. Но оно касалось и либерального буржуа Постникова, который недооценил того непреложного факта, что крестьяне-бедняки вынуждены продавать свою рабочую силу, а зажиточные, ведущие коммерческое хозяйство, — покупать ее. Владимир Ильич резонно упрекает его: «Постников как будто не причисляет это явление к «новым хозяйственным движениям в крестьянской жизни» (по крайней мере, не упоминает о нем в предисловии, где резюмирует результаты труда), но оно заслуживает гораздо большего внимания, чем введение машин или расширение запашки у зажиточных крестьян» [14].

В четвертой главе Владимир Ильич подвергает Постникова критике за свойственную буржуазному экономисту недооценку важности «розни» между различными группами крестьян: «Аренда надельной земли у обедневшей группы населения, наем в батраки крестьянина, переставшего вести свое хозяйство, — это уже не только рознь, это — прямая эксплуатация» [15].

Так как автор книги не выяснил размеры и причины экономической «розни» среди крестьянства, за эту задачу взялся Владимир Ильич и решил ее. Пользуясь данными, рассеянными по книге Постникова, он на примере Таврической губернии дал четкую характеристику трех основных групп крестьянства. К первой, низшей, самой бедной, относится 40 процентов населения. Подавляющее большинство этих бедняков почти не имеет рабочего скота, пахотных орудий и поэтому зачастую бросает свои наделы либо сдает их в аренду. Средняя группа крестьян (с посевами от 10 до 25 десятин), составляющая тоже 40 процентов населения, живет доходом от своего хозяйства. Но она вынуждена для обработки земли прибегать к супряге *, аренде чужих наделов, что делает ее положение непрочным, шатким, особенно из-за

* Супряга — простейшая форма кооперации в дореволюционной деревне, объединение двух или нескольких хозяйств для совместной обработки земли.

возрастающего давления зажиточных крестьян. Обращаясь к последней, высшей группе (с посевами свыше 25 десятин на двор), обнимающей 20 процентов населения, Владимир Ильич снова подчеркивает, что она ведет коммерческое хозяйство, «основанное в весьма значительной степени на эксплуатации наемного труда» [16].

Подводя итог своему политико-экономическому обзору различных групп крестьянских хозяйств (необходимость которого Постников признавал, но сам сделать не смог), Владимир Ильич выразил надежду, что земская статистика «не замедлит» заняться этим во всероссийском масштабе.

В заключительной главе Владимир Ильич останавливается на верном утверждении автора книги, что дифференциация крестьянского населения в последние десятилетия «стала проявляться очень резко и, по-видимому, прогрессивно возрастает», а голод 1891 года дает новый толчок этому процессу. Но когда Постников отправляется на розыски причин этого явления, он, по словам Владимира Ильича, иногда, хотя и ненадолго, «совершенно сбивается с пути и принимается рассуждать о «шалтайстве», «пьянстве», даже пожарах и конокрадстве». В дальнейшем же он к коренным причинам упадка многих крестьянских хозяйств относит измельчание наделов, ограниченность размеров крестьянского землепользования, не позволяющих утилизировать всю рабочую способность семьи, и вообще перенаселенность земледелия.

Владимир Ильич возражает против такого объяснения причин разложения деревни: «...вопрос ведь в том именно, почему распалось крестьянство на столь различные группы, а перенаселенность земледелия уже предполагает такое распадение...» [17] В то же время он охотно цитирует верные мысли Постникова: «Нельзя ожидать, чтобы ожесточенная борьба, происходящая теперь в сельской жизни на почве землевладения, способствовала в будущем развитию в населении начал общинности и

согласия. И борьба эта не есть временная, вызываемая случайными условиями... Она представляется нам... борьбой экономических интересов, которая должна окончиться роковым исходом для одной части населения, в силу существующего малоземелья»[18]. Эти суждения буржуазного экономиста относительно непрерывной и ожесточенной борьбы в деревне, сопровождающейся образованием сельской буржуазии и сельского пролетариата, объективно наносили сильнейший удар по взглядам либеральных народников, уповавших на крепость устоев крестьянской общины и утопическую возможность для России избежать развития капитализма.

Завершив рассмотрение «новых хозяйственных движений в крестьянской жизни», Владимир Ильич отказался рассматривать ту часть книги, где Постников излагал «практические мероприятия, долженствующие разрешить «аграрный вопрос», ибо здесь оказалось «более всего противоречий и недомолвок...»[19].

Судьба статьи сложилась драматично. После того как с ней познакомились товарищи по марксистскому кружку, Владимир Ильич послал рукопись в либеральный московский журнал «Русская мысль», но редакция отклонила ее, «как неподходящую к направлению журнала». После переезда в Петербург Владимир Ильич в письме в Самару П. П. Маслову (политическому поднадзорному) попросил его переслать эту статью Н. Е. Федосееву и предупредить, что ее нужно вернуть автору сразу же по прочтении[20]. В 1894 году рукопись была изъята жандармами у знакомого Владимира Ильича С. И. Мицкевича и пролежала в архиве Московской судебной палаты почти три десятилетия... Только в 1923 году она увидела свет[21].

К счастью, Владимир Ильич имел под руками второй экземпляр рукописи и выписки из книги Постникова и воспользовался ими при написании реферата «По поводу так называемого вопроса о рынках», а затем и фундаментального труда «Развитие капитализма в России».

Дело Графова. «Мельница»

Наряду с напряженной теоретической работой и руководством марксистским кружком Владимир Ильич продолжал свою адвокатскую практику, которая, впрочем, складывалась не всегда так, как этого бы хотелось. Миновал 1892 год, а он так ни разу и не использовал своего права на ведение гражданских дел, а ведь только они и могли компенсировать обязательный денежный взнос и дать хоть какой-нибудь заработок. Правда, в декабре Андрей Николаевич Хардин передоверил было своему помощнику ведение запутанного и сложного дела владельца фруктовых садов И. С. Чекмарева, но, так как рассмотрение в суде затянулось, снова сам взялся за него. Примечательны заключительные слова нотариально заверенной доверенности, которую адвокат дал Владимиру Ильичу: «Всему, что Вы по этой доверенности законно сделаете, я Вам верю, спорить и прекословить не буду...»[1]

4 января Хардин выдал Владимиру Ильичу очередную доверенность на ведение гражданского дела приказчика Л. Брискера, обвинявшегося со своим компаньоном Б. Шимковичем в присвоении 12 с лишним тысяч рублей, принадлежавших купцу А. И. Константинову. Но для того, чтобы иметь право вести такое дело, Владимир Ильич вносит в губернское казначейство 75 рублей и только после этого получает необходимое «Свидетельство» на весь 1893 год[2].

13-го числа он выступает в суде с защитой Брискера. Интересы другого ответчика представлял адвокат Григорий Александрович Клеменц. Суть дела сводилась к следующему. Константинов утверждал, что ответчики получили у него 62 тысячи рублей на заготовку шпал, а отчитались за израсходование только 50 тысяч. Остальные 12 тысяч он и просил суд взыскать с Брискера и Шимковича.

Ульянов и Клеменц считали этот иск не только преждевременным, но и недоказанным, а потому и не подлежащим удовлетворению. Однако окружной суд не внял их аргументации и принял решение об удовлетворении иска Константинова. Тогда адвокаты приказчиков подали апелляцию в Саратовскую судебную палату, и та отменила приговор Самарского окружного суда, а позже, в мае того же года, подтвердила правоту В. Ульянова и Г. Клеменца.

По совету Хардина и по доверенности крестьянина А. К. Палалеева Владимир Ильич 19 января взялся за ведение судебного дела последнего о присоединении усадьбы и получении имущества покойной сестры А. К. Мороченковой-Головиной. Несмотря на все ухищрения опытного адвоката А. Лялина, пытавшегося укрепить это наследство за С. И. Мороченковым, Самарский окружной суд согласился с доводами Владимира Ильича и решил дело в пользу его доверителя [3].

Казалось бы, столь успешный дебют Владимира Ильича станет хорошим стимулом для активизации престижной юридической практики. Но — наоборот, Владимир Ильич стал меньше заниматься судебными тяжбами. В феврале он не ведет ни одного дела, а 12 марта появляется на заседании суда лишь для доведения до успешного исхода старого дела, об отставном рядовом В. П. Красноселове [4]. Да и в последующие пять месяцев он выступает в суде всего лишь по двум делам о мелких кражах: 24 апреля — с защитой мещанина В. Г. Юдина и 12 мая — мещанина В. Т. Крылова, обвинявшегося в похищении поношенного белья, стоимостью в... 10 копеек. Владимиру Ильичу и в этом курьезном деле удалось добиться оправдания подсудимого [5]. Это было последнее уголовное дело, которым он занимался в Самаре.

Трудно сказать, как сам Владимир Ильич оценивал итоги своей судебной деятельности. Видимо, прав исследователь В. Шалагинов, заявляя, что «успехи за

адвокатским столиком не увлекали и не могли увлечь революционера по духу и мысли. Занимаясь адвокатской практикой, Ленин не служил царскому строю. Он насмерть бился с ним и за стенами суда, и в суде»[6]. Как бы то ни было, в середине мая Владимир Ильич, по существу, простился с окружным судом.

В субботу 15 мая в «Самарской газете» появилось объявление Ульяновых и Елизаровых: «Продается небольшой участок земли с водяной мельницей, с хутором и садом, в 50 верстах от Самары. Почтовая, д. Рытикова». Да, уже во время сдачи Дмитрием экзаменов на аттестат зрелости, а Маняши — за 5-й класс гимназии, на домашнем совете было принято решение окончательно расстаться с самарским краем и перебраться в Москву. Причин для этого было несколько, но речь о них пойдет позже.

В течение месяца подходящего покупателя не нашлось, и вся семья в последний раз отправилась в Алакаевку. Дмитрий же после завершения экзаменов сначала отправился с группой товарищей-гимназистов на лодке в увлекательное «кругосветное» путешествие вокруг Самарской луки. «Выезжали из Самары вниз по Волге до села Переволоки на правом берегу Волги, — рассказывал он впоследствии, — там брали у крестьян подводу и перевозили лодку к верховьям реки Усы. По этой небольшой речушке спускались до ее устья, т. е. впадения Усы в Волгу, примерно напротив Ставрополя, и дальше плыли по Волге опять вниз по течению обратно в Самару»[7]. Нетрудно представить, с каким интересом слушал Владимир Ильич, сам с детства любивший прогулки по Волге, восторженные рассказы брата, вернувшегося из «кругосветки».

Отдых в Алакаевке, как всегда, у всех сочетался с работой. По традиции, уже с утра Владимир Ильич занимался в своем «зеленом кабинете». На сей раз он штудировал «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» Николая -она (Н. Ф. Даниельсона), со-

ставленные из статей, печатавшихся ранее в журнале «Слово». М. А. Сильвин, с которым Владимир Ильич уже осенью в Петербурге будет состоять в одном марксистском кружке, вспоминал: «Ни один автор того времени — ни Воронцов, ни Кривенко, ни сам Михайловский — своей критикой марксизма и нападками на его адептов не доставил нам столько хлопот, не вызывал столько задора и не требовал такой полемической изворотливости в спорах с противниками, как Николай -он своими «Очерками». Целый монблан статистических выкладок, большая эрудиция, навык оперировать экономическими понятиями, наконец, обаяние первого переводчика Маркса — сделали его наиболее серьезным противником» [8].

Но Владимира Ильича не смутил высокий авторитет Даниельсона, и он нашел существенные изъяны в его статистических выкладках, с помощью которых доказывалось, что хлебное производство в России «находится в абсолютном застое». Разобрался он и с теоретическими построениями и рекомендациями маститого народника, обнажив их псевдонаучность. Этими замечаниями Владимир Ильич делился в письме к Н. Е. Федосееву, в беседах с приезжавшими к нему А. Скляренко и И. Лалаянцем, со старым знакомым Алексеем Андреевичем Преображенским, продолжавшим жить на соседнем хуторе Шарнеля.

Вместе с Преображенским Владимир Ильич составил опросный бланк для подворного статистического обследования села Неяловка Тростянской волости Самарского уезда, который затем размножил за свой счет в типографии. Вопрос о развитии капитализма в деревне, особенно о ее пролетаризации, по-прежнему нуждался в глубоком исследовании. Этим же вопросом интересовались и А. Скляренко, И. Лалаянц, В. Ионов. Одну из статистических таблиц, составленную Скляренко по плану Владимира Ильича, скопировал и сохранил Дмитрий Ильич [9].

Вспоминая эту пору, А. Преображенский писал: «Наш хутор Шарнеля служил местом паломничества крестьян-сектантов, ищущих правды и спрашивающих, как жить по-божьи. Один из них, крестьянин Амос из села Старого Буяна... знал наизусть всю Библию, другой, Кисликов из села Гвардейцы, оно же Преображенское, тоже хорошо знал Библию. Владимир Ильич встречался с ними обоими у меня. Кисликов давал ему читать свои стихи» [10]. Это был рассказ в стихах о жизни человека, одолевшего грамоту в 30-летнем возрасте. Дмитрий Яковлевич Кисликов бывал и в Алакаевке, заходил к Ульяновым. Владимир Ильич живо интересовался этим крестьянином-самородком, очень смело высказывавшим оригинальные мысли о многом, с чем ему приходилось встречаться в жизни. Примечательно, что именно о Кисликове он спрашивал в 1905 году в письме к А. Преображенскому: «Жив ли тот радикал-крестьянин, которого Вы водили ко мне? Чем он стал теперь?» [11] А Дмитрий Яковлевич в годы первой русской революции вел среди крестьян пропаганду, близкую по духу к социал-демократической.

В часы досуга Владимир Ильич просматривал новинки художественной литературы, вникал в переводческую деятельность сестры Анны, которая продолжала время от времени печататься в «Самарской газете». Последнее время она увлеклась творчеством известного итальянского писателя Ф. де Роберти. 4 апреля газета опубликовала в ее переводе «Прощальные письма», а 2 и 4 июня — рассказ «Схороненная любовь». Любопытное примечание сделала Анна Ильинична к последнему рассказу, где речь шла о трагизме совместной жизни мужа и жены, не любящих друг друга. «И знаете, на что походит тогда ваше положение, — писал де Роберти. — На положение двух каторжников, скованных одною цепью, из коих каждый не может шагу ступить без другого...» И переводчица заметила по поводу этих слов: «Выражение заимствовано, вероятно, из «Крейцеровой

сонаты» Толстого», тем самым как бы приглашая читателей «Самарской газеты» познакомиться с полузапрещенной повестью гениального русского писателя.

В июльских номерах «Самарской газеты» несколько раз появлялось еще одно объявление Ульяновых и Елизаровых: «Продается рояль, мебель и цветы, от 3 до 7 ч. вечера, угол Почтовой и Сокольничьей, д. Рытикова на верху». Однако покупателей на это имущество тоже долго не находилось. А вот приобрести недвижимое имение, согласно майскому объявлению, изъявил желание сосед по Алакаевке, выходец из Финляндии С. Р. Данненберг. Владимир Ильич от имени матери составил соответствующий договор [12], но сделка эта не состоялась.

Трудности с распродажей недвижимого и движимого имущества задерживали переезд в Москву. А ехать надо было бы в первых числах августа, чтобы успеть устроиться там с жильем, оформить поступление Дмитрия на медицинский факультет университета, а Маняши — в шестой класс женской гимназии.

Отъезд осложнялся еще по одной причине. В июле стояла такая жара, какой не было уже четверть века, и в Самаре опять вспыхнула холера. 2 августа наконец разразилась гроза, и к 5-му числу ртутный столбик упал до 10 градусов по Цельсию. Появилась надежда, что самое страшное осталось позади. Но в городе все еще было тревожно, эпидемия продолжалась: как сообщила 12 августа «Самарская газета», за сутки в холерную больницу поступило 15 человек, а умерло трое. Поэтому самарцы, находившиеся в деревне, не торопились возвращаться в город. Из газетных же сообщений было видно, что и в Москве положение очень неблагополучное: с 1 по 10 августа холерой заболело 380 человек и умерло 179 [13].

В такой напряженной обстановке, когда каждый день был на счету и все помыслы Владимира Ильича были сосредоточены на предстоящем отъезде из Сама-

ры, он вдруг берется за гражданское дело Графова и в середине августа выступает его защитником в окружном суде [14].

Что побудило Владимира Ильича в столь ответственную пору взяться за это дело? В чем оно заключалось? Кто такой Графов? Исследователям удалось выяснить из журнала публичных заседаний Самарского окружного суда лишь то, что это гражданское дело слушалось по иску конкурсного управления несостоятельного торгового дома «И. Д. Зварыкин и сыновья» к Алексею Петровичу Графову. Самого же дела в архивах обнаружить пока не удалось [15].

Просмотр комплектов «Самарской газеты» позволяет утверждать, что Владимир Ильич неоднократно встречал на ее страницах фамилию Графова: то как арендатора зварыкинской мельницы — одной из крупнейших в Поволжье, то как владельца построенного по его собственным чертежам судна, на котором были оборудованы паровая мукомольная мельница и просообдирка, то как инициатора электрического освещения Дворянской улицы. Но, пожалуй, самым крупным изобретением Графова, о котором сообщала «Самарская газета» 1 августа 1890 года, было создание им «цилиндрических разсевов» для мельниц, позволявших значительно удешевить мукомольное производство и получать помол 14 сортов. Это изобретение, по словам корреспондента, позволяло России освободиться от покупки «заграничных сит» и улучшить свои конкурентные позиции на зарубежных рынках.

Словом, личность Графова, изобретателя-самоучки, переоборудовавшего многие мельницы не только в Самаре, но и в Симбирске, Саратове, Казани, Нижнем Новгороде, Ярославле, Астрахани, Бузулуке, Ельце, заслуживала внимания и уже поэтому должна была представлять интерес для Владимира Ильича. С другой стороны, он из «Самарской газеты», да и из рассказов знакомых знал и о том, что торговый дом «И. Д. Зва-

рыкин и сыновья» приобрел печальную славу как злостный банкрот, разоривший сотни доверчивых кредиторов, особенно крестьян. Но в чем конкретно состоял конфликт между Зварыкиными и Графовым как арендатором их мельницы, по-прежнему остается загадкой.

Занимаясь разысканиями по делу Графова, я проштудировал изданную в Москве в 1890 году очень редкую рекламную брошюру «Отзывы мельнично-строительной конторы первого изобретателя универсальных плоских разрезов и строителя мельниц Алексея Петровича Графова». На одном из отзывов о работе самарской мельницы Зварыкиных, переоборудованной Графовым, а затем и взятой им в аренду, стояла подпись бухгалтера этой мельницы А. Г. Буянова. Эта, казалось бы, совсем незначительная деталь вдруг высветила совершенно новую грань «дела Графова».

Ведь из воспоминаний М. И. Семенова (М. Блана) известно, что А. Г. Буянов и его жена Е. И. Козманова — оба политические поднадзорные — организовали кружок демократической интеллигенции и учащейся молодежи, вошедший в историю революционной Самары 90-х годов под кратким и выразительным названием... «Мельница»[16]. Теперь стало ясно, где подпольный кружок нашел себе приют.

Бухгалтер Буянов и Козманова с сыном Филадельфом и дочерью Зинаидой (тоже состоявшими под надзором полиции) жили во флигеле на территории зварыкинской мельницы, находившейся на северной окраине города. Фактическим же хозяином всего этого владения был его арендатор А. П. Графов. Идейным руководителем подпольного кружка на мельнице сначала был В. А. Ионов, а потом А. П. Скляренко. И это знал Владимир Ильич. Скляренко перевез в квартиру Буянова — Козмановой свою библиотеку легальных изданий, а затем и собрание подпольной литературы. Книгами этой библиотеки пользовался Владимир Ильич, а на одной из них — «Южно-русское крестьянское хозяйство»

В. Е. Постникова (той самой, по поводу которой был написан известный нам реферат!) — имеются его многочисленные пометки [17].

Есть основание считать, что Владимир Ильич выиграл в суде дело Графова, потому что потом в письме матери из Петербурга в Москву он напишет, что рассчитывает получить за него «рублей 70» [18]. Однако решающее значение для юриста Ульянова, конечно, имела нравственная сторона любого гражданского дела.

Дар общественной библиотеке

Строки из письма, посланного Владимиром Ильичем товарищу из Шушенского 26 января 1899 года, приоткрывают завесу над теми трудностями, с которыми он сталкивался в Самаре при работе над многочисленными печатными изданиями: «Если не очень стесняться в средствах для выписки книг, — делился он личным опытом, — то можно, я думаю, и в глуши работать, — я сужу, по крайней мере, по себе, сравнивая свою жизнь в Самаре лет 7 тому назад, когда я читал почти исключительно чужие книги, и теперь, когда я начал заводить привычку выписывать книги» [1].

Да, в Самаре, когда приходилось жить главным образом на пенсию матери, которую она получала за отца, Владимир Ильич действительно был стеснен в средствах и не мог позволить себе приобретать всю необходимую литературу. Брал он книги и журналы у А. П. Скляренко, В. В. Водовозова, а также А. Н. Хардина, прибегая иногда и к его абонементу в библиотеке Благородного собрания. Но чаще и больше всего Владимир Ильич пользовался городской общественной библиотекой, офи-

циально именовавшейся в честь Александра II «Александровской публичной библиотекой».

Размещалась она на втором этаже трехэтажного каменного дома купца Христензена на Дворянской улице (ныне — ул. Куйбышева, 95) и, помимо хранилища с 59 шкафами, имела читальный зал и зал-музей, посвященный царствованию Александра II. Верхний этаж дома сдавался под квартиры, а в нижнем бойко торговал принадлежавший хозяину «Сарептский магазин», наполненный «всевозможными русскими и иностранными товарами, начиная от детских игрушек и игральных карт, до бриллиантовых вещей, готовой обуви и одежды, дорожных принадлежностей, дамских шляпок и пр.»[2].

Само же помещение библиотеки, хотя и вполне приличное по отделке, было очень тесным для хранения возрастающих с каждым годом фондов. Небольшим был и читальный зал, работавший очень интенсивно — 355 дней в году и обычно с 9 утра до 9 вечера. Только в неприсутственные дни он открывался на два часа позже. Ежедневно в нем бывало от 70 до 200 человек[3]. Счастливчики сидели на стульях, остальные — на витринах, подоконниках и карнизах. Такую «живописную» картину через несколько лет наблюдал здесь и Максим Горький[4].

«Публичной библиотекой, — вспоминал М. И. Семенов, — заведывали две сестры Богомоловы (Юлия и Софья Даниловны. — *Ж. Т.*), очень культурные общественные работницы, заметно выделявшиеся на фоне тусклой жизни губернского города... Здесь находила приют бездомная городская беднота, поднадзорные и даже лица, находившиеся на нелегальном положении. Некоторые заходили сюда погреться во время зимних морозов, а подпольщики назначали здесь деловые свидания, обменивались нелегальной литературой и т. д. Бывал здесь и Ленин»[5]. Сестры Богомоловы вместе с отцом, бывшим самарским уездным землемером, при-

нимавшим теперь заказы на межевые работы и составление планов, имели жилье в том же доме Христензена, имевшем вход со двора. Обеим было уже за тридцать. Эти скромные идейные девушки отдавали все свое время любимому делу, удивляя посетителей легкостью, с какой ориентировались среди книжного богатства. Небольшого роста, подвижные, приветливые, они были знакомы всем частым посетителям. Сами же они наперечет знали постоянных и вдумчивых читателей из демократической молодежи и, как полагали жандармы, содействовали обращению запрещенных изданий среди хороших знакомых и лиц, рекомендованных последними.

На 1 января 1893 года библиотека имела книг, брошюр и периодических изданий на русском, немецком, французском и английском языках 21 921 наименование в 35 742 переплетах. Наибольшей популярностью у читателей пользовались произведения Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова, А. Шеллер-Михайлова, С. Надсона, И. Тургенева, В. Белинского, М. Салтыкова-Щедрина, Г. Успенского, Н. Некрасова, каждая книга которых за год бралась от 7 до 18 раз. Для Ульяновых особое значение имели поступавшие в библиотеку лучшие журналы и газеты Петербурга и Москвы.

Выдача книг на дом производилась ежедневно, за исключением неприсутственных дней, с 11 утра до часу дня и от 16 до 18 часов. В 1892 году книги на дом брали 1083 читателя. Согласно правилам библиотеки на один абонемент за годовую плату в 7 рублей можно было получить на дом две книги на двухнедельный срок. Для Ульяновых и Елизаровых эта норма была явно недостаточной, и они пользовались особым абонементом, который за 10-рублевую плату в год предоставлял им возможность брать на дом 4 книги или журнала с правом пользоваться ими месяц.

К великому сожалению, неизвестно, что брали Ульяновы и Елизаровы в 1889—1892 годах, но и по сохранившемуся абонементу Анны Ильиничны, в котором

зарегистрирована литература, взятая на дом с января по 21 августа 1893 года, видно, насколько многообразен и глубок был круг их читательских интересов.

На первом месте в этом списке стоят 22 тома самых популярных «толстых» журналов:

1) «Русское богатство» за 1892 год, книги (№) 11 и 12; за 1893 год, книги 1, 3, 4 и 5.

2) «Вестник Европы» за 1893 год, книги 1, 2, 3, 4 и 6.

3) «Русская мысль» за 1892 год, книга 12; за 1893 год, книги 1, 2, 3, 4, 6 и 7.

4) «Северный вестник» за 1893 год, книги 1, 4, 5 и 6.

Здесь публиковались новинки отечественной и зарубежной беллетристики и поэзии, воспоминания о виднейших деятелях русской культуры, статьи по философии, политической экономии, статистике, обозрения жизни России и зарубежных государств, сообщения о научных открытиях и хроника театральной жизни, обзоры крупнейших журналов и рецензии на новые произведения художественной и научной литературы. Владимир Ильич, безусловно, внимательно прочитывал все статьи, касающиеся актуальных вопросов современности, и делал выписки, чтобы использовать их в своих рефератах, а потом и книгах. Мы уже знаем, что он в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» цитировал из июньской книжки «Русской мысли» за 1892 год статью «Литература и жизнь» Н. К. Михайловского и подверг ее острой критике.

К этому можно добавить, что в произведениях, вошедших в первый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина, цитируются две статьи из первого и третьего номеров «Вестника Европы» за 1893 год, тех самых, которые брались в Александровской публичной библиотеке на абонемент Анны Ильиничны. Выписки из журналов Владимир Ильич использовал очень оперативно. Реферат «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» был написан им весной 1893 года, и в нем уже подвергается критике статья Л. З. Слоним-

ского «Крестьянские наделы и их исследователи» — из только что появившейся мартовской книжки «Вестника Европы»[6].

Из художественной литературы на имя Анны Ильиничны были взяты III том сочинений Глеба Успенского и IV том — Чарльза Диккенса да несколько книг на английском языке, а из разряда художественной критики — книга М. В. Авдеева «Наше общество 1820—1870 годов в героях и героинях литературы». Однако это отнюдь не означает, что в семье ничего больше не читали из беллетристики. Во-первых, в каждом из 22 номеров «толстых» журналов, которые были взяты в январе — августе, произведения художников слова занимали большую часть. Кроме того, стихи, рассказы, повести и романы чуть ли не ежедневно печатались в «Самарской газете», «Волжском вестнике» и «Русских ведомостях». Не будем забывать, что, имея только один абонемент в Александровской библиотеке, Ульяновы и Елизаровы не могли получать больше четырех книг в месяц, и поэтому брали только то, что было необходимо в первую очередь Владимиру Ильичу и другим взрослым членам семьи. Дмитрий и Маняша пользовались гимназическими библиотеками и брали книги у знакомых.

Книги по истории — сочинения В. О. Ключевского, С. М. Соловьева, «Очерки истории Московского государства» Н. И. Костомарова, «История нового времени» К. Фишера, «История крестьянства» Я. Г. Гуревича, «Происхождение общественного строя современной Франции» И. Тэна, «Афанасий Прокофьевич Щапов. Жизнь и сочинения» Н. Я. Аристова — предназначались всем взрослым членам семейства. Такая литература, кстати, всегда интересовала и Марию Александровну. А вот книгу «Русский огород» Р. И. Шредера, очевидно, в первую очередь взяли для нее.

Что касается таких исторических и экономических исследований, как «Городское самоуправление в России до 1870 года» И. И. Дитятина, «Артели в России»

А. А. Исаева, двухтомная «История французской революции» Ф. О. Минье, «История местного управления в России», «Представители власти в России после Петра I» С. В. Андреева, «Иван Посошков, как экономист» А. Г. Брикнера, «История философии» Д. Г. Льюиса, то они скорее всего понадобились Владимиру Ильичу.

Еще более категорично об этом можно утверждать относительно статистических исследований, таких, как «Сборник сведений по России за 1884—1885 годы», «Статистическое обозрение России», пять томов «Трудов комиссии по исследованию кустарной промышленности», «Свод материалов по кустарной промышленности», «Сборник материалов поземельных обществ» и «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II» Н. П. Семенова [7].

По поводу последнего исследования, написанного одним из составителей Положения об освобождении крестьян сенатором и писателем Семеновым, нельзя не отметить любопытного факта. Из письма Н. Е. Федосеева в Самару к М. Г. Гопфенгауз видно, что этот семеновский труд ему посылался из Самары во владимирскую тюрьму, а после прочтения — обратно [8]. И вряд ли простым совпадением является то, что одна и та же книга побывала в руках Владимира Ильича и Федосеева. Если же это и совпадение, то — весьма знаменательное.

Еще один пример, свидетельствующий о том, как плодотворно, целеустремленно и с дальним прицелом работал Владимир Ильич над литературой, взятой в самарской публичной библиотеке: из упомянутых выше пяти выпусков-томов «Трудов комиссии по исследованию кустарной промышленности в России» четыре (1, 2, 3-й и 6-й) он использует через несколько лет в Шушенском при написании своей книги «Развитие капитализма в России» [9].

Этот перечень литературы может навести на мысль, что Владимир Ильич подбирал себе книги главным

образом для своих теоретических работ. Но возьмем, скажем, книгу «Городское самоуправление в России до 1870 года» И. И. Дитятина, вышедшую в свет несколькими изданиями в 70-х годах. Это, казалось бы, сугубо историческое исследование приобрело актуальность в связи с обнародованием 12 июля 1892 года нового «городового положения», которое значительно урезало прежнее самоуправление. Если, например, раньше лишь некоторые постановления городских собраний подлежали утверждению губернаторов, то отныне права последних резко расширились. Другим реакционным нововведением стало большое повышение имущественного ценза для участия в городских выборах, фактически лишившее избирательных прав даже средних домовладельцев и купцов. Либеральная печать выражала неудовольствие и обращалась за «добрыми» примерами к книге Дитятина [10]. Так что Владимиру Ильичу знание этой книги было необходимо и для юридической деятельности, и в еще большей мере для своих пропагандистских выступлений на злобу дня.

Таковы некоторые примеры из наблюдений, сделанных на основании записей в абонементе Ульяновых только за неполный 1893 год. И совершенно невозможно представить, сколько и какие именно книги и журналы брали они на дом из Александровской библиотеки за предыдущие три с половиной года. Во всяком случае, высказывание Анны Ильиничны о том, что Владимир Ильич «городскую самарскую библиотеку — библиотеку для провинциального города хорошую — ...во всем для себя существенном уже использовал» [11], надо понимать в буквальном смысле.

Неудивительно, что Ульяновы питали добрые чувства к самарской общественной библиотеке и в знак признательности подарили ей многие книги Ильи Николаевича по педагогике, математике и физике. А в августовские дни 1893 года, когда они распродавали часть своего имущества, А. И. Ульяновой было пожертвовано еще

42 наименования (в 52 томах) иностранных книг, а М. Т. Елизаровым — один том на русском и три наименования (в 4-х томах) на иностранных языках. Об этом их последнем даре сказано в отчете Александровской публичной библиотеки, появившемся в «Самарских губернских ведомостях» 18 июня 1894 года.

Теперь в бывшем доме Христензена функционирует библиотека политической книги, бережно хранящая уцелевшие фонды старой общественной библиотеки, а мемориальная доска на фасаде напоминает:

«Во втором этаже этого здания находилась
Самарская публичная библиотека,
ее активным читателем в 1889—1893 гг.
был В. И. Ульянов-Ленин»

В Петербург!

В середине августа, когда стало ясно, что распродажа движимого и недвижимого имущества не состоялась, решили, что Марк Тимофеевич задержится на некоторое время в Самаре, а остальные члены семьи поедут в Москву, чтобы обосноваться там — все, кроме Владимира Ильича: он из Москвы отправится на жительство в Петербург.

Анна Ильинична объяснит это так: «Он решил поселиться в более живом, умственном и революционном также центре — Питере. Москву питерцы называли тогда большой деревней, в ней в те годы было еще много провинциального, а Володя был уже сыт, по горло сыт провинцией. Да, вероятно, его намерение искать связи среди рабочих, взяться вплотную за революционную работу заставляло его также предпочитать поселиться самостоятельно, не в семье, остальных членов которой он мог бы компрометировать» [1].

На первых порах, чтобы иметь легальное прикрытие

и источник существования, он должен будет продолжать юридическую практику в адвокатской конторе. Андрей Николаевич Хардин, твердо уверовавший в большие способности своего помощника, одобрил это намерение и дал Владимиру Ильичу рекомендательное письмо к своему хорошему знакомому по Самаре, с твердой демократической закваской, весьма опытному и известному в Петербурге присяжному поверенному М. Ф. Волкенштейну.

16 августа Владимир Ильич подал на имя Анненкова прошение о выдаче удостоверения в том, что он состоял помощником присяжного поверенного при Самарском окружном суде и «получал в 1892 и 1893 годах свидетельство на право ведения чужих дел»[2]. Через два дня нужный документ уже был у него на руках. Наступило время окончательного решения, когда именно и как ехать.

С учетом еще не погасшей холерной эпидемии, лучше было бы поехать на поезде — безопаснее и быстрее. Однако Ульяновы решили все-таки плыть по Волге, чтобы во время 5-часовой стоянки парохода в Симбирске побывать на могиле Ильи Николаевича, а в Казани — повидаться с родственниками.

У Владимира Ильича имелись и свои планы использования этого маршрута. Он хотел задержаться на пару дней в Нижнем Новгороде, чтобы встретиться там с П. Н. Скворцовым, которого знал по статьям в «Юридическом вестнике» как автора легальных работ марксистского направления по экономике России, а после Нижнего наметил остановиться во Владимире — для встречи с Н. Е. Федосеевым, которого должны были выпустить из тюрьмы на поруки. Во время пребывания в Нижнем и Владимире он надеялся обсудить с тамошними марксистами вопросы борьбы против либеральных народников, получить явки в столичных городах.

Владимир Ильич, конечно же, предпринял все возможное, чтобы деятельность социал-демократических

кружков Самары и Сызрани после его отъезда не ослабла. Какие именно поручения он дал А. П. Скляренко, И. Х. Лалаянцу, А. И. Ерамасову, М. И. Семенову и А. А. Преображенскому, неизвестно. Но они с честью продолжали начатую Владимиром Ильичем работу, и, видимо, не случайно департамент полиции империи в 1894 году причислял Самару к городам, где имеются «вполне организованные революционные кружки, преследующие чисто социал-демократические цели»[3].

Владимир Ильич и позднее с удовлетворением отмечал, что наиболее близкие его товарищи по самарскому подполью связали всю свою жизнь с борьбой против царизма. Алексея Скляренко он встретил на III (Лондонском) съезде РСДРП, где тот представлял саратовских большевиков. Аресты, тюрьмы и ссылки не сломили этого бесстрашного революционера, и в годы реакции он боролся за сохранение и упрочение партии, сотрудничал в большевистских газетах «Звезда» и «Правда»[4].

С Исааком Лалаянцем Владимир Ильич встречался в 1895 году в Петербурге, в 1900 году — в Москве и в 1906-м — снова в Петербурге, на первой конференции военно-боевых организаций РСДРП. Несмотря на то что в первые годы после революции Лалаянц отошел от политической деятельности, Владимир Ильич продолжал считать его «несомненно, преданным революционером, *коего надо использовать*»[5]. В петербургской квартире М. П. Ясневой (Голубевой) Ленин встречался с членами ЦК партии. Стойким большевиком показал себя А. А. Преображенский. После победы Октября он немало потрудился для восстановления народного хозяйства Самарской губернии, а в 1922 году, по предложению Владимира Ильича, был назначен управляющим совхоза «Горки», и Ленин часто виделся с ним[6]. Во время первой русской революции Владимир Ильич не раз бывал в петербургской квартире А. И. Ерамасова, который на протяжении многих лет оказывал серьезную материальную поддержку большевистской печати[7].

Навсегда остались верными учениками Владимира Ильича М. И. Семенов и А. А. Беляков, которые принимали активное участие в совершении Октябрьской революции и строительстве социализма.

Словом, покидая Самару, Владимир Ильич твердо знал, что у него здесь остаются единомышленники, на которых он смело может положиться.

Вот почему сюда чаще, чем в другие города Поволжья, пойдут его деловые письма. В «Самарском вестнике» осенью 1895 года появится одна из первых опубликованных работ Владимира Ильича — «Гимназические хозяйства и исправительные гимназии». В феврале 1897 года, будучи в Самаре по дороге в сибирскую ссылку, он использовал часовую стоянку поезда для того, чтобы навестить семью Хардиных. Через три года, перед тем, как выехать за границу, Владимир Ильич опять побывал в Самаре, где договорился с будущими корреспондентами «Искры» об их содействии в постановке общерусской социал-демократической газеты и способах связи[8].

Именно в Самаре в январе 1902 года создается Бюро Русской организации «Искры» — первое в стране. Узнав об этом успехе своих самарских товарищей, Владимир Ильич с воодушевлением откликнулся: «Ваш почин нас страшно обрадовал. Ура! Именно так! шире забирайте! И орудуйте самостоятельнее, инициативнее — вы первые начали так широко, значит и продолжение будет успешно!»[9]

Но вернемся к событиям 1893 года. В пятницу 20 августа в два часа дня Владимир Ильич с матерью, сестрами Анной и Марией и братом Дмитрием покинули Самару. Как обычно, поплыли на товаро-пассажирском пароходе общества «Кавказ и Меркурий», билеты на который продавались «по уменьшенной таксе». Уехать постарались как можно незаметнее. Кстати, в связи с холерой народа на пристанях и пароходах оказалось меньше обычного.

Полицейские и жандармы, осуществлявшие надзор за Ульяновыми, и на сей раз не «засекли» их отъезда из Самары. В какой-то мере это можно объяснить тем, что в июле убыл на новое место службы начальник губернского жандармского управления генерал-майор М. В. Сердюков, а его преемник полковник А. А. Попов прибыл из Петербурга в Самару только 16 августа [10]. К тому же за последние годы в городе дважды сменялись полицмейстеры — непосредственные руководители слежки за двумя с лишним десятками политических поднадзорных. Решающее же значение в ослаблении бдительности «стражей порядка» сыграли сами Владимир Ильич и его родные — своим умением водить знакомства с людьми безупречной порядочности и соблюдать меры конспирации: за все время жизни в самарском крае на них не поступило ни одного доноса от «благонамеренных» обывателей.

Так или иначе, а полицейско-жандармские донесения свидетельствуют, что они составлялись задним числом. И на этот раз пристав 3-й части в рапорте от 23 августа на имя полицмейстера сообщил, что В. И. Ульянов «20 сего августа выбыл в г. Москву», а полицмейстер А. А. Агатицкий известил об этом начальника ГЖУ, самарского губернатора и московского обер-полицмейстера только 27-го числа [11]. О конечном пункте следования Владимира Ильича ни Ульяновы, ни Марк Тимофеевич после их отъезда не говорили любопытствующим, так что его след для жандармов на какое-то время затеряется... Конечно, Владимир Ильич догадывался, что вдогонку за ним понесутся по проводам предупреждающие полицейско-жандармские депеши в губернские центры Поволжья, и поэтому внутренне, как всегда, был готов к возможной слежке за собой, но внешне выглядел спокойно и уверенно и на пароходе был в приподнятом настроении. Оно передалось и Дмитрию Ильичу, который через многие годы с воодушевлением вспоминал:

«Поездка была превосходная, какая-то радостная и светлая. Впереди чувствовалось что-то большое, красивое, необъятное.

Я читал Добролюбова и беседовал с Владимиром Ильичем о Роберте Оуэне (английском социалисте-утописте. — *Ж. Т.*). Под шум колес уселись удобно... на палубе за шахматы. Рассматривали, между прочим, известную партию Андерсена (немецкого шахматиста, одного из сильнейших игроков XIX в. — *Ж. Т.*), названную за свою красоту и силу «бессмертной».

Родные волжские берега бежали назад, — продолжал Дмитрий Ильич свой рассказ, — оставались позади. Для Владимира Ильича оставались позади первые страницы его жизни, страницы учебы и подготовительной работы. Впереди рисовалось большое дело революционной работы, основные вехи которой были им уже намечены. Страница перевертывалась, и начиналась новая глава великой книги...

Для Владимира Ильича было уже все ясно... До сих пор он вооружался, готовился к бою, теперь ему предстояло начать этот бой, начать ту войну против царизма и капитализма, которой он потом посвятил всю свою жизнь, все свои силы без остатка, весь гений своей души» [12].

Вечером памятного 20 августа братья обсудили и предстоящую встречу с родным Симбирском, где пароход имел стоянку с 5 до 10 часов утра следующего дня. Дмитрий Ильич попросил родных разбудить его в 7 часов, чтобы успеть съездить к приятелю-гимназисту Алексею Яковлеву (сыну известного руководителя чувашской школы). Но взрослые уехали на извозчике в город значительно раньше намеченного времени, пожалев будить крепко спавшего Дмитрия, и тот проспал до 9 часов, когда ехать к Яковлевым было уже поздно [13].

Кратковременное пребывание Владимира Ильича в Симбирске, а потом в Казани, Нижнем Новгороде и

Владимире осталось для полиции и жандармов незамеченным.

Проводив в Нижнем Новгороде родных на московский поезд, Владимир Ильич остановился на сутки в гостинице. Он познакомился не только с П. Н. Скворцовым, но и его товарищами М. Г. Григорьевым и приехавшим из Москвы студентом-медиком 5-го курса С. И. Мицкевичем.

«В беседе нашей с Ильичем, — вспоминал Мицкевич, — мы касались многих вопросов: мы рассказывали ему о наших знакомых марксистах в Москве и Нижнем, о нашей начавшейся работе среди рабочих, говорили о перспективах этой работы. Помню, что Ильич особенно подчеркивал необходимость создания прочных организаций, установления связей между городами. Для поддержания постоянной связи между Петербургом и Москвой он дал мне адрес своей сестры в Москве, к которой он собирался время от времени приезжать и тогда видеться с москвичами. Говорили еще о рабочем движении на Западе, о борьбе с народниками, о перспективах развития капитализма в России... Было у всех нас какое-то приподнятое настроение: нас, марксистов, было тогда еще очень мало в России, но мы предчувствовали, что будущее принадлежит нам...»

Подытоживая свои впечатления от встречи с Владимиром Ильичем, С. Мицкевич далее писал: «...чувствовалась большая эрудиция и какая-то особая основательность и глубина его суждений. Интересно отметить, что уже тогда проявилась его черта будущего организатора нашей партии — собирательство всех наличных революционно-марксистских сил, установление связей между марксистами, разбросанными в разных городах» [14].

Скворцов и Григорьев хорошо знали Н. Е. Федосеева, читали его последнюю рукопись о падении крепостного права в России и, узнав о том, что Владимир Ильич отправляется во Владимир, чтобы повидаться с

Николаем Евграфовичем, рассказали ему еще немало интересного об этом замечательном революционере.

Во Владимире, как было условлено, Владимира Ильича встретил близкий товарищ Федосеева Н. Л. Сергиевский и провел на квартиру, куда должна была подойти Мария Германовна Гопфенгауз с освобожденным из тюрьмы другом [15]. Но она пришла одна и рассказала, что жандармы снова нашли повод для отсрочки и не выпустили его на волю. Владимиру Ильичу пришлось отправиться в Москву, так и не повидав своего выдающегося единомышленника. Впоследствии он с огорчением писал: «Помню, что посредницей в наших сношениях была Гопфенгауз, с которой я однажды виделся и неудачно пытался устроить свидание с Федосеевым в г. Владимире. Я приехал туда в надежде, что ему удастся выйти из тюрьмы, но эта надежда не оправдалась» [16].

25-го числа Владимир Ильич прибывает поездом в Москву и уже со следующего дня работает в читальном зале библиотеки Румянцевского музея (ныне Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина) вплоть до своего отъезда в Петербург в конце августа.

Долгожданный Петербург... Сложные чувства испытывал Владимир Ильич при встрече с ним: и неизменный восторг перед его уникальной красотой, и щемящую печаль невосполнимых потерь, и триумф экзаменов в университете. Но теперь он уже с новым интересом всматривался и в его фешенебельные проспекты, и в фабричные окраины, уже с иным прицелом подыскивал себе жилье, с особыми мерками подходил к определению круга своих знакомств, потому что теперь он приехал с выношенными идеями и замыслами и, словно сжатая пружина, был полон энергии для осуществления единственной, четко поставленной, большой цели.

Едва устроившись с жильем, он зачисляется помощником присяжного поверенного к М. Ф. Волкенштейну, посещает Волково кладбище и пишет матери, что могила сестры Ольги находится в сохранности [17], а затем,

как бы успокаивая ее безопасным характером своего времяпрепровождения, сообщает, что квартирует всего лишь в 15 минутах ходьбы до публичной библиотеки. На самом же деле он уже в сентябре знакомится со студентом М. А. Сильвиным, к которому у него было рекомендательное письмо от нижегородских марксистов, а в октябре вступает в марксистский кружок студентов-технологов (С. И. Радченко, В. В. Старков, П. К. Запорожец, Г. М. Кржижановский, А. А. Ванеев, М. А. Сильвин, Г. Б. Красин и другие) [18].

Вспоминая о первых встречах с приезжим волжанином, Г. М. Кржижановский писал: «В лице 23-летнего Владимира Ильича мы имели перед собою учителя и законченного мастера, тогда как мы в своих духовных исканиях были лишь учениками и подмастерьями.

Стоило юному Владимиру Ильичу появиться в 1893 году среди нашей студенческой — передовой по тогдашнему времени — петербургской молодежи, как он немедленно занял доминирующее положение.

Мы, конечно, знали, что он родной брат Александра Ильича Ульянова, героически державшегося на последнем крупном народовольческом процессе и казненного в Шлиссельбурге. Но не это одно так сильно выделяло его среди нас. И внешность этого молодого человека на первый взгляд еще не являла чего-то такого, что прямо свидетельствовало бы о его грядущих необычных судьбах. Только всмотревшись, мы начинали чувствовать, что и во внешности в этом некрупном по росту, но хорошо сложенном юноше, от которого веяло какой-то особо опрятной подтянутостью, было нечто совсем незаурядное. Высокий обнаженный лоб с импозантно выступающей надбровной площадкой (она так бросается в глаза на лучших портретах Ленина), блещущие необычным потенциалом мысли и жизни яркие темно-карие глаза, юношеский свежий румянец щек, даже эта слегка грассирующая речь — все это при ближайшем

знакомстве с интеллектом этого юноши становилось таким неповторимо дорогим и милым.

...Перед нами в лице юного Владимира Ульянова в знаменательный 1893 год был не просто первоклассный знаток нашей родной литературы и знаток творений Маркса и Энгельса, но уже и самостоятельный мыслитель, превосходно справлявшийся с «первозданным» материалом искомых им научных истин» [19].

Самарский период стал той ступенью, с которой Владимир Ильич смог решительно шагнуть в набирающий силу поток рабочего движения, чтобы направить его в идейное русло революционной теории марксизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ АВТОРА

[1]См.: Трофимов Ж. Великое начало. М., 1979; он же. Казанская сходка. М., 1986.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 324.

[3] Семенов М. И. (М. Блан). К самарскому периоду жизни В. И. Ленина. Куйбышев, 1937; он же. Революционная Самара 80—90-х годов. Куйбышев, 1940; В. И. Ленин и Самара. Сборник документов и материалов. Куйбышев, 1966; Беляков А. А. Юность вождя. Воспоминания современника В. И. Ленина. М., 1958.

[4] Блюменталь И. И. В. И. Ленин в Самаре. Самара, 1925; М. — Самара, 1931; Волин Б. Ленин в Поволжье. М., 1955; Чуев В. В. В. И. Ленин в Самаре. М., 1960; Барковская Т. Начало большого пути. Куйбышев, 1964; Арнольд В. Семья Ульяновых в Самаре. Куйбышев, 1979, и др.

Часть первая. 1889 год

ПЕРЕЕЗД В АЛАКАЕВКУ

[1] Москва, 1958, № 4, с. 59.

[2] Там же, с. 60.

[3] Красный архив, 1934, № 1, с. 69.

[4] Волжская коммуна, 1980, 29 июня.

[5] См.: Трофимов Ж. А. Казанская сходка. М., 1986, с. 194—196.

[6] ЦПА ИМЛ, ф. 11, оп. 4, д. 16, л. 42.

[7] В. И. Ленин и Самара. Сборник документов и материалов. Куйбышев, 1966, с. 229.

[8] Титов И. И. «...С этой деревней знаком лично». Очерки истории села Алакаевка. Куйбышев, 1983, с. 51.

[9] ЦПА ИМЛ, ф 11, оп. 4, д. 16, л. 48.

[10] Ульянова М. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. Воспоминания. Письма. Очерки. М., 1978, с. 34—35.

РАДОСТИ И НЕВЗГОДЫ ПЕРВОГО ЛЕТА

[1] Ульянов Д. И. Очерки разных лет. Воспоминания. Переписка. Статьи. М., 1984, с. 64.
[2] Ленин и Самара, с. 230.
[3] Семья Ульяновых в Татарии. Казань, 1985, с. 144.
[4] Арнольд В. Семья Ульяновых в Самаре. Куйбышев, 1983, с. 30.
[5] Семья Ульяновых в Татарии, с. 41.
[6] Ленин и Самара, с. 231.
[7] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 18335, л. 49.
[8] Там же, л. 49.
[9] Красная летопись, 1925, № 2, с. 151.
[10] ЦПА ИМЛ, ф. 11, оп. 4, д. 16, л. 47.
[11] Там же, ф. 13, оп. 1, д. 13, л. 48.
[12] Ленин и Самара, с. 231.
[13] ЦПА ИМЛ, ф. 13, оп. 1, д. 15, л. 30—30 об.
[14] Ленин и Самара, с. 235.
[15] ЦПА ИМЛ, ф. 13, оп. 1, д. 15, л. 33—33 об.
[16] Ленин и Самара, с. 238—239.
[17] Там же, с. 239.
[18] Там же, с. 242.

ПЕРВЫЕ ЗНАКОМЫЕ. В ПАМЯТЬ О ЧЕРНЫШЕВСКОМ

[1] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1. М., 1984, с. 27.
[2] Там же, с. 31.
[3] ЦГАОР, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. Д85, л. 3.
[4] Воспоминания о В. И. Ленине, т 1, с. 145.
[5] Ленин и Самара, с. 383.
[6] Там же, с. 383—384.
[7] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 30.

[8] Там же.
[9] См.: Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. М., 1985, с. 60.
[10] См.: Семенов М. И. (М. Блан). Революционная Самара 80—90-х годов. Куйбышев, 1940, с. 42.
[11] Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко (1870—1916 гг.). М., 1922, с. 30.
[12] Беляков А. Юность вождя. М., 1958, с. 31.
[13] См., напр.: В. И. Ленин в Самаре. Куйбышев, 1980, с. 133—134.
[14] ЦПА ИМЛ, ф. 4, оп. 1, д. 122, л. 1.
[15] Там же.
[16] Адрес-календарь Самарской губернии на 1894 г. Самара, 1893, с. 4.

ЗАПРОС В ЛЕЙПЦИГ

[1] Ленин и Самара, с. 232—233.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 554.
[3] Ленин и Самара, с. 234—235.
[4] Иванский А. И. Молодой Ленин. М., 1964, с. 567.
[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 600.
[6] Ленин и Самара, с. 241.
[7] Иванский А. И. Указ. соч., с. 568.
[8] Жизнь как факел / Сост. А. И. Иванский. М., 1966, с. 282—283.
[9] Вопросы истории КПСС, 1986, № 1, с. 3—5.
[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 82.
[11] Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961, с. 34.
[12] Там же, с. 44.
[13] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 134—136.
[14] См.: Ленин — Крупская — Ульяновы. Переписка (1883—1900). М., 1981, с. 48.

«РУССКИЙ ЧИКАГО»

[1] Спутник Самары на 1890 год. Самара, 1889, с. 46.
[2] Самарец на 1890 год. Самара, 1889, с. 6.
[3] См.: Алабин П. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города. (Историко-статистический очерк). Самара, 1877, с. 30—31.
[4] Алабин П. Трехвековая годовщина города Самары. Самара, 1887, с. 121, 101.
[5] Там же, с. 101.
[6] Там же, с. 104.
[7] Там. же, с. 113.
[8] Самарец на 1887 год. Самара, 1886, с. 203.
[9] Самарец на 1890 год. Самара, 1889, с. 10.

В ПЕРВУЮ САМАРСКУЮ ЗИМУ

[1] Ульянов Д. И. Очерки разных лет, с. 77.
[2] Там же.
[3] Рубанов С. Красная папка. Л., 1982, с. 67.
[4] Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1899 год. Самара, 1898, с. 213.
[5] Самарская газета, 1893, 21 октября.
[6] Крупская Н. К. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1983, с. 28.
[7] ЦПА ИМЛ, ф. 11, оп. 4, д. 9, л. 2.
[8] Семья Ульяновых в Татарии, с. 138.
[9] ЦПА ИМЛ, ф. 11, оп. 1, д. 10, л. 5 об.

БРЕШЬ ПРОБИТА

[1] Горький М. Между прочим. Куйбышев, 1941, с. 96.
[2] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2. М., 1984, с. 173.

[8] Блюменталь И. И. В. И. Ленин в Самаре. Москва — Самара, 1931, с. 31.
[4] Беляков А. Юность вождя, с. 45.
[5] Ленин и Самара, с. 244.
[6] Там же, с. 245.
[7] Там же, с. 247.
[8] Там же, с. 249.
[9] Там же.
[10] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 49.
[11] Красная летопись, 1924, № 2, с. 35.
[12] ЦПА ИМЛ, ф. 13, оп. 1, д. 13, л. 85.
[13] Там же, л. 92.
[14] Там же, л. 86.
[15] Ленин и Самара, с. 247.
[16] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 555.
[17] Там же, с. 601.
[18] Ленин и Самара, с. 249—250.
[19] Там же, с. 251.

ЗЕЛЕНЫЙ КАБИНЕТ

[1] Самарская газета, 1890, 22 июля.
[2] Там же, 4 и 8 августа.
[3] Там же, 12 августа.
[4] Ульянов Д. И. Очерки разных лет, с. 65.
[5] Ульянова М. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых, с. 35—36.
[6] Ульянов Д. И. Указ. соч., с. 84.
[7] Там же, с. 84—85.

УДАЧНАЯ ПОЕЗДКА

[1] Ленин и Самара, с. 252.
[2] Титов И. И. «...С этой деревней знаком лично», с. 34.
[3] Ленин и Самара, с. 253. В литературе высказывались со-

мнения относительно этой поездки Ленина в Казань. Однако приведенные документы убедительно ее подтверждают.

[4] Ленин и Самара, с. 256.

[5] Там же.

[6] Там же, с. 257.

[7] Ленин — Крупская — Ульяновы. Переписка, (1883—1900), с. 41.

[8] Там же, с. 43.

[9] Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог, с. 285.

[10] Ленин и Самара, с. 258.

[11] Ленин — Крупская — Ульяновы. Переписка, (1883—1900), с. 48.

[12] Там же, с. 45.

[13] Ульянов Д. И. Очерки разных лет, с. 69.

[14] Ленин — Крупская — Ульяновы. Переписка (1883—1900), с. 46.

[15] ЦПА ИМЛ, ф. 11, оп. 4, д. 12, л. 22—23 об., 62.

Часть третья. 1891 год

ВЕСЕННЯЯ СЕССИЯ

[1] Ленин — Крупская — Ульяновы. Переписка (1883—1900), с. 48.

[2] Там же, с. 53.

[3] Правила, требования и программы испытаний в комиссии юридической. Спб., 1891, с. 3—4.

[4] Ленин — Крупская — Ульяновы. Переписка (1883—1900), с. 65.

[5] Там же, с. 66.

[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 556.

[7] Ленин — Крупская — Ульяновы. Переписка (1883—1900), с. 68.

[8] Там же, с. 69.

[9] В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 56—57.

[10] Ковнатор Р. Ольга Ульянова. М., 1971, с. 128.

СМЕРТЬ ОЛИ

[1] В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 56.
[2] Там же, с. 57.
[3] Там же, с. 57.
[4] Исторический архив, 1958, № 2, с. 164.

МЕЖДУ ЭКЗАМЕНАЦИОННЫМИ СЕССИЯМИ

[1] Ленин и Самара, с. 258.
[2] Там же, с. 259.
[3] Там же, с. 260.
[4] Нафигов Р. И. Тайны революционного подполья. Казань, 1981, с. 51.
[5] Партархив Куйбышевской области, ф. 651, оп. 4, д. 11, л. 27.
[6] Ленин и Самара, с. 261.
[7] Вместе с Ильичем. Биобиблиографический справочник. Куйбышев, 1979, с. 268.
[8] В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 59.

С ДИПЛОМОМ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ

[1] Правила, требования и программы испытаний в комиссии юридической, с. 5.
[2] В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 59; Ленин в Петербурге — Петрограде. Л., 1980, с. 26.
[3] Красная летопись, 1924, № 2, с. 18.
[4] В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 60.
[5] ЦПА ИМЛ, ф. 4, оп. 1, д. 24, л. 17 об.
[6] В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 60.
[7] ЦПА ИМЛ, ф. 4, оп. 1, д. 24, л. 18.
[8] Там же, л. 24.
[9] Правила, требования и программы испытаний в комиссии юридической, с. 6.
[10] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 28.
[11] Ленин и Самара, с. 263.

ГОЛОД. В СПОРАХ С ОППОНЕНТАМИ

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 268.
[2] Правительственный вестник, 1891, 12 октября.
[3] Там же, 24 августа.
[4] Государственный архив Куйбышевской области, ф. 5, оп. 12, д. 115, л. 123.
[5] Там же, л. 124—126 об.
[6] См.: Семенов М. И. (М. Блан). Революционная Самара 80—90-х годов, с. 64.
[7] Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. М. — Л., 1930, с. 170.
[8] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. / Сост. А. И. Ульянова-Елизарова. М. — Л., 1927, с. 284.
[9] Ульянова М. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых, с. 40.
[10] Ульянов Д. И. Очерки разных лет, с. 66.
[11] Ленин в Самаре. М., 1933, с. 100—101.
[12] Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче. М., 1934, с. 147—148.
[13] См.: Ерканов И. Близкое, дорогое. Ленинские места Куйбышевской области. Куйбышев, 1986, с. 128.
[14] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2, с. 29—30.
[15] Там же, с. 30—31.

Часть четвертая. 1892 год

ПОМОЩНИК ПРИСЯЖНОГО ПОВЕРЕННОГО

[1] Волин Б. В. И. Ленин в Самаре (экстернат и адвокатура).— Исторический журнал, 1943, № 1, с. 55.
[2] Ленин и Самара, с. 263.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 557.
[4] Там же, с. 601.
[5] Ленин и Самара, с. 266—267.
[6] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 559.
[7] Волин Б. Указ. соч., с. 57.
[8] Стерник И. В. И. Ленин — юрист. Ташкент, 1969, с. 136.

[9] Ульянов Д. И. Очерки разных лет, с. 85—86.
[10] ЦПА ИМЛ, ф. 13, оп. 1, д. 13, л. 113.
[11] Ленин и Самара, с. 269.
[12] Волин Б. Указ. соч., с. 57.
[13] Стерник И. Ленин — юрист, с. 123.
[14] Там же, с. 125—126.

УКРОЩЕНИЕ КУПЦА-САМОДУРА

[1] Самарские искровцы. Куйбышев, 1979, с. 76.
[2] См.: Варешин А., Дедков Б., Пономарев А. Город Сызрань. Куйбышев, 1968, с. 34.
[3] Ульянова М. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых, с. 41.
[4] Самарская газета, 1892, 3 октября.
[5] Там же.
[6] Симбирская земская газета, 1881, 11 января.
[7] Постановления Симбирского губернского земского собрания 1882 года. Симбирск, 1883, с. 278.
[8] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 105.
[9] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 558.
[10] Там же, с. 601.
[11] Там же, с. 559—560.
[12] Шалагинов В. Защита поручена Ульянову. Новосибирск, 1970, с. 186.
[13] Там же, с. 124—125.
[14] Арнольд В. Семья Ульяновых в Самаре. Куйбышев, 1983, с. 47.
[15] Самарская газета, 1892, 3 октября.
[16] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 105.

ХОЛЕРА. В ОТВЕТ НА НАПАДКИ МИХАЙЛОВСКОГО

[1] Мицкевич С. И. На грани двух эпох. М., 1957, с. 110.
[2] Ленин и Самара, с. 269.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 333—334.
[4] Михайловский Н. К. Полн. собр. соч., т. 7. Спб., 1909, с. 318.

[5] Там же, с. 326—327.
[6] Русская мысль, 1892, № 3, с. 117.
[7] Там же, № 6, с. 338.
[8] Семенов М. И. (М. Блан). Революционная Самара 80—90-х годов, с. 60.
[9] Там же, с. 63.
[10] Самарская газета, 1892, 30 октября.
[11] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 191.
[12] Там же, с. 193—194.
[13] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 33.

ЗАЩИТНИК И ОБВИНИТЕЛЬ

[1] Ленин и Самара, с. 270.
[2] Стерник И. Ленин — юрист, с. 137.
[3] Шалагинов В. Защита поручена Ульянову, с. 30.
[4] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 105—106.
[5] Ульянов Д. И. Очерки разных лет, с. 71.
[6] См.: Волжский вестник, 1892, 17 октября и 11 ноября.
[7] См.: Самарская газета, 1892, 16 декабря.
[8] Правительственный вестник, 1892, 20 ноября.
[9] Стерник И. Ленин — юрист, с. 132.
[10] Шалагинов В. Защита поручена Ульянову, с. 273; Стерник И. Ленин — юрист, с. 148.
[11] Стерник И. Ленин — юрист, с. 140.
[12] Там же, с. 160.
[13] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 403.

«ПАЛАТА № 6»

[1] Вопросы истории КПСС, 1966, № 3, с. 3—4.
[2] Там же, с. 4.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 228.
[4] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 34.
[5] Там же.
[6] А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1947, с. 316.

Часть пятая. 1893 год

В МАРКСИСТСКОМ КРУЖКЕ. ПЕРЕПИСКА С Н. Е. ФЕДОСЕЕВЫМ

[1] Семенов М. И. (М. Блан). Революционная Самара 80—90-х годов, с. 48.
[2] См.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года, с. 279.
[3] Деятели революционного движения. Биобибл. словарь, т. 5, вып. 1. М., 1931, с. 884—885.
[4] Щепров С. Выдающийся революционер Н. Е. Федосеев. М., 1958, с. 68—69.
[5] Федосеев Н. Статьи и письма. М., 1958, с. 237—239.
[6] Семенов М. И. (М. Блан). К самарскому периоду жизни В. И. Ленина. Куйбышев, 1937, с. 52.
[7] Ульянов Д. И. Очерки разных лет, с. 67—68.
[8] Федосеев Николай Евграфович. Один из пионеров революционного марксизма в России (Сборник воспоминаний). М.—Л., 1923, с. 146.
[9] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 2.
[10] Федосеев Н. Статьи и письма, с. 174—175.
[11] Пролетарская революция, 1929, № 1, с. 46.
[12] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1. М., 1956, с. 101.
[13] Там же, с. 102.
[14] Там же, с. 103—104.
[15] Там же.
[16] Там же, с. 103.
[17] Там же, с. 106.

«НОВЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ В КРЕСТЬЯНСКОЙ ЖИЗНИ»

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 5.
[2] Там же, с. 8.
[3] Там же, с. 8—9.
[4] Там же, с. 9.
[5] Там же, с. 11.
[6] Там же, с. 12.
[7] Там же, с. 13.
[8] Там же, с. 14.

[9] Там же, с. 19.
[10] Там же, с. 21.
[11] Там же, с. 25.
[12] Там же, с. 27.
[13] Там же, с. 29.
[14] Там же, с. 33.
[15] Там же, с. 35.
[16] Там же, с. 61.
[17] Там же, с. 62—64.
[18] Там же.
[19] Там же, с. 66.
[20] Там же, т. 46, с. 1.
[21] См. Там же, т. 1, с. 568.

ДЕЛО ГРАФОВА. «МЕЛЬНИЦА»

[17] Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог, с. 221.
[18] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 1—2.
[1] Стерник И. Ленин — юрист, с. 178.
[2] Ленин и Самара, с. 272.
[3] В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 73.
[4] В. И. Ленин в Самаре. Куйбышев, 1980, с. 243.
[5] Стерник И. Ленин — юрист, с. 161.
[6] Шалагинов В. Защита поручена Ульянову, с. 55.
[7] Ульянов Д. И. Очерки разных лет, с. 73.
[8] Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. Л., 1958, с. 47.
[9] Ульянов Д. И. Очерки разных лет, с. 67.
[10] Ленин и Самара, с. 385—386.
[11] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 30—31.
[12] В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 76.
[13] Самарская газета, 1893, 22 августа.
[14] В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 76.
[15] См.: Стерник И. Ленин — юрист, с. 97.
[16] Семенов М. И. (М. Блан). К самарскому периоду жизни В. И. Ленина, с. 35.
[17] Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог, с. 221.
[18] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 1—2.

ДАР ОБЩЕСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКЕ

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 18.
[2] Алабин П. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города, с. 412.
[3] Самарские губернские ведомости, 1893, 5 мая.
[4] Горький М. Между прочим, с. 241.
[5] Семенов М. И. (М. Блан). Революционная Самара 80—90-х годов, с. 7—8.
[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 54.
[7] Семенов М. И. (М. Блан). Революционная Самара 80—90-х годов, с. 86.
[8] Федосеев Н. Статьи и письма, с. 239.
[9] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 680, 682, 698.
[10] См.: Русская мысль, 1892, книга VIII, с. 197.
[11] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 33.

В ПЕТЕРБУРГЕ

[1] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 34.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 562.
[3] В. И. Ленин в Самаре. Куйбышев, 1984, с. 19.
[4] Вместе с Ильичем. Куйбышев, 1979, с. 226.
[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 286.
[6] Вместе с Ильичем, с. 192.
[7] Там же, с. 195.
[8] В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 112.
[9] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 455.
[10] Самарская газета, 1893, 17 августа.
[11] Ленин и Самара, с. 274—275.
[12] Ульянов Д. И. Очерки разных лет, с. 97.
[13] Там же, с. 172.
[14] Мицкевич С. И. Революционная Москва. М., 1940, с. 145.
[15] Валеев А. М. Н. Е. Федосеев — один из первых марксистов.
[16] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 324.
[17] Там же, т. 55, с. 1.
[18] В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 80.
[19] Кржижановский Г. М. Великий Ленин. М., 1971, с. 5—6, 10.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

Часть первая. 1889 год

Переезд в Алакаевку 7
Радости и невзгоды первого лета 16
Первые знакомые. В память о Чернышевском 29
Запрос в Лейпциг 40

Часть вторая. 1890 год

«Русский Чикаго» 48
В первую самарскую зиму 57
Брешь пробита 68
Зеленый кабинет 79
Удачная поездка 87

Часть третья. 1891 год

Весенняя сессия 97
Смерть Оли 106
Между экзаменационными сессиями 113
С дипломом первой степени 119
Голод. В спорах с оппонентами 128

Часть четвертая. 1892 год

Помощник присяжного поверенного 138
Укрощение купца-самодура 148
Холера. В ответ на нападки Михайловского 157
Защитник и обвинитель 166
«Палата № 6» 175

В марксистском кружке. Переписка с Н. Е. Федосеевым . . 182
«Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» . . 192
Дело Графова. «Мельница» 199
Дар общественной библиотеке 207
В Петербург! 214

Примечания 224

Трофимов Ж. А.

Т 76 Самарские университеты. — М. : Мол. гвардия, 1988. — 238[2] с., ил. — (Молодогвардейская Лениниана).

ISBN 5-235-00705-0

«Самарские университеты» завершают трилогию Ж. Трофимова о юношеских годах В. И. Ленина, начатую книгами «Великое начало» и «Казанская сходка». Автор с документальной точностью рассказывает о самарском периоде жизни и деятельности Владимира Ильича, явившемся важным этапом его становления как революционера-марксиста, руководителя российского социал-демократического движения. Книга адресована молодежи.

Т $\frac{0103020000—291}{078(02)—88}$ 002—88 **ББК 13.50**

ИБ № 5567

Трофимов Жорес Александрович

САМАРСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Заведующий редакцией **А. Житнухин**
Редактор **А. Карпов**
Художник **А. Косаргин**
Художественный редактор **Р. Тагирова**
Технический редактор **В. Пилкова**
Корректоры **Т. Контиевская, И. Ларина, Н. Понкратова**

Сдано в набор 27.04.88. Подписано в печать 16.09.88. А01148. Формат 70×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 8,77+0,7 вкл. Условн. кр.-отт. 11,375. Учетно-изд. л. 11,6. Тираж 65 000 экз. Цена 65 коп. Заказ 1178.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

ISBN 5-235-00705-0

65 коп.

САМАРСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ